

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

2022

№ 3

Москва
2022

ВЕСТНИК

Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института

Moscow Information and Technology University – Moscow Architecture and Construction Institute REVIEW

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-71685 от 23.11.2017 г.

ISSN 2619-046X

№ 3 / 2022

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт»

Издатель:

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт»

Адрес редакции:

117447, г. Москва, ул. Введенского, д. 1 «А»

Адрес издателя:

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 32, корп. 11

Интернет-адрес:

<http://mitu-masi.ru/>

E-mail: Semenova.D@mfua.ru,
Bessarabova.N@mfua.ru

На сайте «Объединенного каталога “Пресса России”» можно оформить подписку на печатную версию журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» по подписному индексу Э66012, а так же подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке»

Отдел рекламы и подписки:

Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

Главный редактор

Г.А. Забелина

кандидат педагогических наук, доцент,
ректор Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института

Редакционная коллегия:

Строительство и архитектура

доктор технических наук, профессор Т.В. Колесникова
доктор технических наук, профессор В.М. Овсянников
доктор физико-математических наук, профессор
А.А. Локтев

доктор технических наук, доцент В.П. Сычев
доктор технических наук, профессор Г.И. Ефремов
доктор архитектуры, профессор В.В. Пищулина
доктор архитектуры, профессор Р.М. Муксинов
кандидат архитектуры, доцент Е.А. Булгакова
кандидат архитектуры, профессор Л.В. Петрова
кандидат архитектуры, доцент М.Ф. Уткин
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Быкова
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Наумкин
кандидат архитектуры, доцент Б.Л. Крундышев
кандидат архитектуры, доцент Н.В. Дубынин

Филология

доктор филологических наук, профессор М.Я. Блох
доктор педагогических наук З.И. Курцева
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Соловьева
доктор филологических наук, профессор С.П. Толкачев
доктор педагогических наук, доцент В.Д. Янченко
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Запольская
доктор филологических наук, профессор С.В. Сапожков
доктор филологических наук, доцент П.В. Морослин
кандидат педагогических наук, доцент Н.Н. Ширяева
кандидат филологических наук, доцент С.В. Левичева
кандидат филологических наук О.В. Афанасьева

Психология

доктор психологических наук, профессор А.К. Осницкий
доктор психологических наук Е.А. Бауэр
доктор медицинских наук М.М. Аксенов
кандидат психологических наук, доцент Т.В. Гольцова
кандидат психологических наук, доцент Е.В. Омельчанко
кандидат психологических наук Е.Л. Бокуть
кандидат психологических наук А.Л. Рассказова

Ответственные редакторы:

кандидат исторических наук, доцент
Н.В. Бессарабова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1135
E-mail: Bessarabova.N@mfua.ru

Д.А. Семёнова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134
E-mail: Semenova.D@mfua.ru

© Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, 2022

Содержание

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

- Е.К. Салатов*
Усиление строительных конструкций материалами с эффектом памяти формы 5
- С.В. Гусарова*
Архитектурные объекты как художественные образы европейской литературы 10

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Е.А. Горбаренко*
«Горизонты ожиданий» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» 16
- В.В. Крамер*
Особенности лирики поэтов-символистов в контексте модернистской культуры 24
- П.А. Ворон*
Ритмическая обусловленность образов альбома В. Маяковского «Герои и жертвы революции» ... 30
- Т.А. Купченко*
В. Маяковский и С. Прокофьев: к истории отношений поэта и композитора
(на материале экспромтов В. Маяковского и дневника С. Прокофьева) 38
- Е.В. Лупанова, Т.И. Щербак*
Фразеология как средство языковой компрессии в современном медиадискурсе 47
- И.В. Балканов, И.А. Мурог*
Перевод культурных отсылок в межъязыковом субтитровании
(на примере американского военного сериала «The Liberator») 52
- А.С. Романов, Е.Г. Субачева, К.Ю. Агафонова*
Армейский кластер господствующей культуры США в аксиологическом аспекте
(на материале английского языка) 59

ПСИХОЛОГИЯ

- Н.С. Архипов*
Индивидуально-личностные особенности пилотов гражданской авиации
как фактор подбора экипажей 64
- Е.А. Макеева*
Социально-педагогическое сопровождение индивидуального развития
воспитанников детского дома 71
- Е.Э. Кригер, М.М. Мишина, Е.В. Бахадова*
Взаимосвязь аутоагрессии и автономности у подростков 81
- А.С. Землянская*
Модель готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности 89
- О.С. Филиппова*
Экспериментальное исследование влияния психологического тренинга
на повышение учебной адаптации студентов вуза 95
- Приглашение к публикации** 103

Contents

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

<i>E.K. Salatov</i> Strengthening building structures with shape memory materials	5
<i>S.V. Gusarova</i> Architectural objects as artistic images of European literature.....	10

LINGUISTICS

<i>E.A. Gorbarenko</i> «Horizons of expectations» in F.M. Dostoevsky's novel «Crime and punishment».....	16
<i>V.V. Kramer</i> The lyrics of symbolist poets in the context of modernistic culture.....	24
<i>P.A. Voron</i> Rhythmic Conditionality of the Images of V. Mayakovsky's Album «Heroes and Victims of the Revolution»	30
<i>T.A. Kupchenko</i> V. Mayakovsky and S. Prokofiev: on the history of relations between a poet and a composer (based on V. Mayakovsky's impromptu works and S. Prokofiev's diary).....	38
<i>E.V. Lupanova, T.I. Shcherbak</i> Phraseology as a means of linguistic compression in contemporary media discourse.....	47
<i>I.V. Balkanov, I.A. Murog</i> Translation of culture-bound items in interlingual subtitling (as exemplified in The Liberator, an American military miniseries).....	52
<i>A.S. Romanov, E.G. Subocheva, K.Yu. Agafonova</i> The army cluster of the dominant culture of the USA in the axiological aspect (based on the material of the English language).....	59

PSYCHOLOGY

<i>N.S. Arkhipov</i> Individual and personal characteristics of civil aviation pilots as a factor in the selection of crews	64
<i>E.A. Makeeva</i> Socio-pedagogical support for the individual development of orphans	71
<i>E.E. Krieger, M.M. Mishina, E.V. Bakhadova</i> Dependency between adolescent autoaggression and autonomy	81
<i>A.S. Zemlyanskaya</i> The will-to-volunteer model for vocational college students	89
<i>O.S. Filippova</i> Experimental study of the influence of psychological training on improving the educational adaptation of university students	95
<i>The invitation to the publication</i>	103

УДК 691-4

doi: 10.52470/2619046X_2022_3_5

УСИЛЕНИЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ МАТЕРИАЛАМИ С ЭФФЕКТОМ ПАМЯТИ ФОРМЫ

Е.К. Салатов

Аннотация. В работе показаны особенности применения новых инновационных материалов с эффектом памяти формы для усиления бетонных конструкций зданий и сооружений. Эта эффективная технология, позволяет восстановить или существенно повысить несущую способность строительных конструкций.

Ключевые слова: «умные» («интеллектуальные») материалы, сплав с эффектом памяти формы (ЭПФ), сплав ЭПФ на основе железа, железобетонные конструкции, усиление.

STRENGTHENING BUILDING STRUCTURES WITH SHAPE MEMORY MATERIALS

E.K. Salatov

Abstract. This paper shows the features of the use of new innovative materials with a shape memory effect for strengthening concrete structures of buildings and structures. This is an effective technology that allows you to restore or significantly increase the bearing capacity of building structures.

Keywords: «smart» materials, shape memory alloy (SMA), Fe-SMA, concrete structures, structural strengthening.

Сплавы с «эффектом памяти формы» (ЭПФ) после деформации восстанавливают свою первоначальную форму при нагреве – материалы с обратимыми изменениями формы относятся к новому поколению конструкционных материалов, которые получили название «умные» или «интеллектуальные» материалы («smart» materials). Изменение свойств такого «умного» материала является обратимым и может повторяться много раз.

Элемент из сплава с ЭПФ фиксируют в исходной форме, которую он «запоминает», затем подвергают нагреву. Эффект памяти формы основан на превращении двух различных кристаллических структур. В процессе температурного воздействия образуется неупругая твердая высокотемпературная фаза сплава – аустенит. При последующем охлаждении образца формируется упругая, легко деформируемая низкотемпературная фаза - мартенсит. При последующей деформации и нагреве атомы сплава образуют аустенитную решетку, и форма элемента восстанавливается. Такое превращение называют термоупругим мартенситным

превращением, или переходом мартенсит-аустенит и обратно. Мартенситное превращение (МП), которое происходит из высокотемпературного в низкотемпературное состояние (при охлаждении), называется прямым МП, а при нагреве – обратным МП.

Сплавы с ЭПФ имеют высокие механические свойства, обладают повышенной демпфирующей способностью, а также нетривиальными функциональными свойствами, которые можно использовать для повышения эксплуатационных свойств и ресурса под нагрузкой.

Наиболее известным в России сплавом с ЭПФ является никелево-титановый сплав нитинол (TiNi – никелид титана). Нитинол, который впервые был получен в 1958 г., проявляет значительную величину ЭПФ, обладая при этом высокой прочностью, пластичностью и коррозионной стойкостью.

Уникальные свойства данного сплава обуславливаются термоупругой природой кристаллических превращений. Никелид титана обладает способностью осуществлять переходы из высокотемпературной кристаллической структуры в низкотемпературную при охлаждении и в противоположном порядке – при нагревании. Процентное значение деформации восстановления формы TiNi зависит от компонентного состава сплава, однако максимальное значение составляет 8 %. Предел прочности нитинола колеблется в пределах 770-1100 МПа, что соответствует аналогичным характеристикам большинства сталей. Демпфирующая способность сплава выше, чем у чугуна, при высокой пластичности и возможности «вспоминать» форму до миллиона раз.

При всех своих достоинствах, нитинол, помимо высокой стоимости, имеет еще один существенный недостаток, который не позволяет его применять в строительстве, например в качестве арматуры. Все дело в том, что для того, чтобы сплав начал возвращаться к изначальной форме, воздействующая на него температура должна достигать 400°C! Эта температура недопустима для теплочувствительных строительных материалов – бетона и раствора.

Специалисты из Швейцарии в 2009 г. разработали новый вид сплава ЭПФ, который базируется на таких составляющих, как железо, магний и кремний – Fe-SMA. Основное его отличие от предшествующих аналогов на основе никель-титана заключается в том, что для принятия изначальной формы ему нужны температуры не выше 160–190°C, что дает возможность задействовать такой сплав в тандеме с бетоном.

Сплав Fe-SMA, разработанный в Швейцарской федеральной лаборатории материаловедения и технологии (Empa), имеет состав: Fe-17Mn-5Si-10Cr-4Ni-1(V,C). Он обладает отличной памятью формы под влиянием нагрева до 160°C или выше. Этот эффект памяти формы наделяет Fe-SMA уникальным свойством – способностью к самопредварительному напряжению, которая может быть использована в гражданском и промышленном строительстве.

В отличие от нитинола, который трудно производить в больших объемах из-за сложного металлургического процесса, изделия из сплава Fe-SMA можно массово выпускать на обычном металлургическом оборудовании. Кроме того, Fe-SMA значительно дешевле из-за более низкой стоимости сырья и обладает более высокой коррозионной стойкостью в атмосферных условиях. Коррозионная стойкость Fe-SMA близка к нержавеющей стали за счет добавления элементов никеля и хрома.

Совершенствованием сплавов ЭПФ на основе железа – «memory-steel» (Fe-SMA), на базе запатентованных разработок Empa, и представлением их на мировом рынке, занимается швейцарская компания ge-fer AG, основанная в 2012 г. Она является ведущей в мире компанией по армированию строительных конструкций элементами из сплава Fe-SMA. Надежные и простые в установке системы используются для последующего усиления эксплуатируемых железобетонных конструкций, а также в новом строительстве. Впервые сплав Fe-SMA применили в мае 2017 г. при усилении железобетонных конструкций на складе столярных изделий в Швейцарии. На данный момент компания ge-fer AG уже реализовала более 200 проектов с использованием элементов из Fe-SMA.

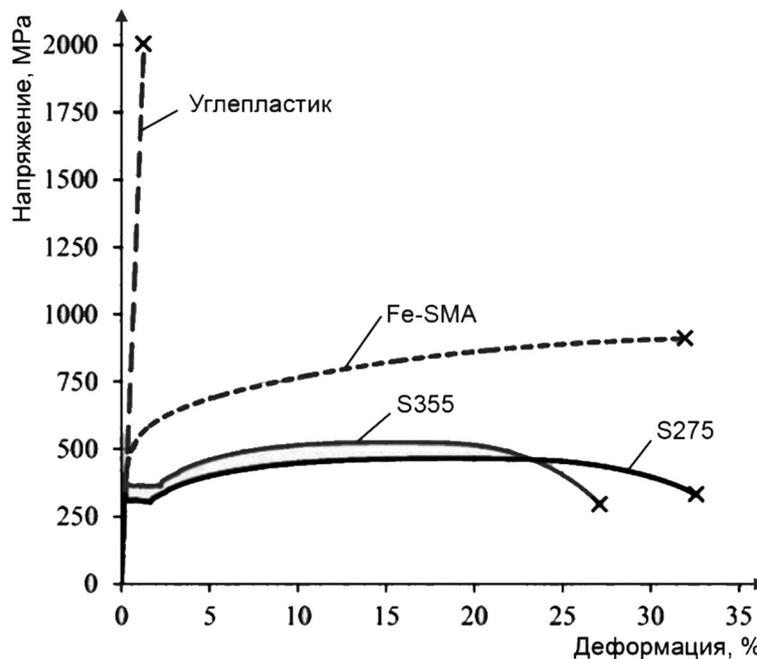

Рисунок 1. Сравнительная диаграмма деформирования сплава Fe-SMA и традиционных конструкционных материалов

Диаграмма деформирования сплава Fe-SMA по сравнению с различными материалами, такими как, конструкционная сталь (например, S355 и S275) и композитным углепластиком с нормальным модулем упругости, показана на *рисунке 1*.

Поскольку Fe-SMA не имеет площадки текучести, напряжение, при котором остаточная деформация составляет 0,2 %, считается допустимым эквивалентом предела текучести (условным пределом текучести).

В *таблице 1* представлены для сравнения основные технические характеристики сплавов ЭПФ на основе железа, никелида титана и конструкционной углеродистой стали (*таблица 1*).

Таблица 1

Материал	Fe-SMA	Нитинол		Ст3сп
		Мартенсит	Аустенит	
Масса, кг/м ³	7300–7500	6450–6500		7850
Модуль упругости, ГПа	165–170	28–41	83	200
Коэффициент теплопроводности, Вт/(м град)	8,4	8,6–10	18	55
Коэффициент теплового расширения, (x10 ⁻⁶) ⁰ С ⁻¹	16,5	6,6	11	12,6
Коэффициент Пуассона	0,359	0,33		0,3

Самый наглядный и впечатляющий пример применения сплава Fe-SMA – это преднапряжение балочных мостовых конструкций. В бетонную балку вводится материал усиления в виде стержней из ЭПФ улучшенной версии. Это служит альтернативой стандартной системе предварительного напряжения железобетонных изгибаемых конструкций. При воздействии температурой Fe-SMA сплав внутри бетонной балки возвращается к своей изначальной форме, этим самым преднапрягая бетон конструкции (*рисунок 2*).

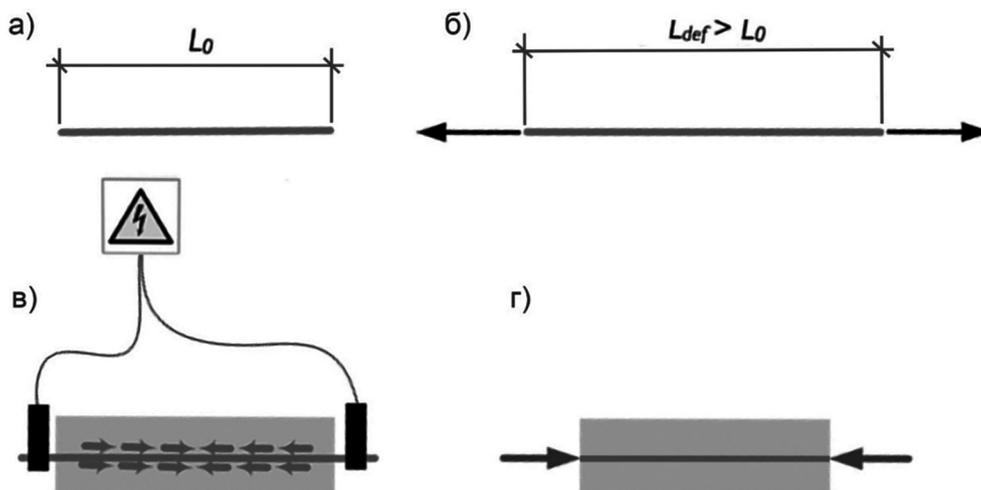

Рисунок 2. Схема предварительного напряжения бетона с использованием арматуры из Fe-SMA:

- а) исходный элемент из Fe-SMA с длиной L_0 ;
- б) предварительно растянутый элемент из Fe-SMA с длиной L_{def} ;
- в) нагрев элемента из Fe-SMA при помощи электрического тока;
- г) сжимающее усилие преднапряжения передается на бетон

Уровень предварительной деформации 2–4 % является оптимальным диапазоном для достижения напряжения восстановления 300–450 МПа при температуре активации не более 160°C.

Арматура Fe-SMA может использоваться для усиления существующих конструкций, а также для новых монолитных элементов на строительных площадках или на заводах ЖБИ для сборного железобетона. Для замены существующих конструктивных решений в строительной отрасли могут быть применены новые конструкционные элементы с применением гладких и ребристых арматурных стержней, полос или проволок из Fe-SMA.

Имеются несколько перспективных направлений в строительстве, в которых использование Fe-SMA, имеет большой потенциал:

- реконструкция и усиление старых конструкций, в том числе – на объектах культурного наследия, что может восстановить несущую способность и продлить срок службы существующих зданий;

- конструкции с особыми требованиями к геометрии, которые имеют ограничения, не позволяющие изготавливать железобетонные конструкции с инновационными формами, так как традиционно применяемое гидравлическое предварительное напряжение вызывает значительное трение на сильно изогнутых поверхностях (например, оболочек).

Сдерживающими факторами расширения применения материалов с ЭПФ (Fe-SMA) в строительстве можно считать отсутствие нормативной базы и специальных руководств по проектированию, а также недостаточный объем исследований в этом направлении. Несмотря на уникальные свойства сплавов ЭПФ, на сегодняшний день в строительном проектировании и производстве отсутствуют стандартизированные методики расчета и технологии их применения.

Таким образом, использование Fe-SMA при усилении строительных конструкций вместо традиционных способов усиления должно принести к восстановлению или повышению несущей способности и увеличению их надежности.

Библиографический список

1. Андронов И.Н., Терентьева М.В. Проектировочный расчет упрочнения резервуаров сжиженного природного газа путем армирования стержнями из материалов с памятью // Строительство нефтяных и газовых скважин на суше и на море. 2017. № 6.
2. Czaderski C., Weber B., Shahverdi M., Motavalli M., Leinenbach C., Lee W., Brönnimann R., Michels J. Iron-based shape memory alloys (Fe-SMA) – a new material for prestressing concrete structures. URL: https://www.researchgate.net/publication/281744248_Iron-based_shape_memory_alloys_Fe-SMA_-_a_new_material_for_prestressing_concrete_structures (дата обращения: 23.06.2022).
3. Shahverdi M., Raza S., Ghafoori E., Czaderski C., Michels J., Motavalli M. Recent advancements in development and application of an iron-based shape memory alloy at Empa. URL: https://www.researchgate.net/publication/310844672_IRON-BASED_SHAPE_MEMORY_ALLOYS_REINFORCEMENT_FOR_STRENGTHENING_OF_CONCRETE_STRUCTURES (дата обращения: 23.06.2022).
4. Zhang Z.-X., Zhang J., Wu H., Ji Y., Kumar D.D. Iron-Based Shape Memory Alloys in Construction: Research, Applications and Opportunities // Materials 2022, 15, 1723.

Е.К. Салатов

кандидат технических наук

доцент кафедры «Здания и сооружения на транспорте»

Российская открытая академия транспорта

Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва

E-mail: e.salatov@mail.ru

АРХИТЕКТУРНЫЕ ОБЪЕКТЫ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С.В. Гусарова

Аннотация. Художественный образ в теории эстетики включает в себя всю полноту реального явления и может непосредственно объединить его в изначальное целое с внутренним и существенным содержанием предмета. Категория архитектурного образа, которая рассматривается в эстетике как динамическая целостность, реализует себя через ряд последовательно развивающихся стадий «образ – замысел», «образ – произведение», «образ – восприятие» и рождает тем самым новые культурные символы, может быть присоединена к стадиям формирования художественного образа вообще. Целью работы стало изучение процесса художественного взаимодействия, когда реальные здания и сооружения, созданные архитекторами, стали художественными образами литературы, и наоборот, вымышленные строения, сотворенные фантазией автора, нашли свое воплощение в реальности. Архитектура в данной статье рассматривается как бифункциональное искусство – совокупность пространственных статичных объектов, образы которых адресованы широкому потребителю и несут абстрактную обобщенную информацию. Это идеи, эмоции, настроения, выраженные языком архитектурных форм, и в то же время средства композиции и литературного языка, описывающие искусство зодчества.

Ключевые слова: архитектура, архитектурный образ, культурные образы, средства выразительности.

ARCHITECTURAL OBJECTS AS ARTISTIC IMAGES OF EUROPEAN LITERATURE

S.V. Gusarova

Abstract. An artistic image in the theory of aesthetics includes the entirety of a real phenomenon and can directly combine it into an original whole with the internal and essential content of the subject. The category of architectural image, which is considered in aesthetics as a dynamic integrity, realizes itself through a series of consistently developing stages «image – design», «image – work», «image – perception» and thereby gives birth to new cultural symbols, can be attached to the stages of the formation of an artistic image in general. The aim of this work was to study the process of artistic interaction, when real buildings and structures created by architects became artistic images of literature, and vice versa, fictional structures created by the author's imagination found their embodiment in reality.

Keywords: architecture, architectural image, cultural images, means of expression.

*Одним из самых долговечных искусств,
преодолевающих забвение времени,
является архитектура –
своеобразная книга человечества...*

В.А. Доманский

Создание целостного образа понимается как конечная цель архитектурного творчества, как отражение в постройке духовного мира автора проекта и духовного мира общества. Традиционно считалось, что художественный образ в архитектуре отражает художественная

ценность постройки. Но сегодня мы предлагаем посмотреть на ценность художественного архитектурного образа с позиции эстетического взаимодействия [2, с. 9], и мы увидим, что реальные сооружения, созданные архитекторами «во плоти», могут стать художественными образами литературы, и наоборот, вымышленные постройки, сотворенные фантазией автора, порой находят свое воплощение в реальности.

Классическим примером такого художественного взаимодействия является роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери».

Даже после страшного пожара 2019 г. Собор Парижской Богоматери, или же Нотр-Дам-де-Пари, до сих пор является одним из известнейших монументальных строений Средневековья.

Строительство храма началось в 1163 г., когда король Людовик VII и Папа Александр III заложили первый камень в его основание, и продолжалось вплоть до 1351 г., то есть 188 лет.

Так как храм возводился с XII по XV вв., в нем на формирование его облика повлияли разные архитектурные стили: сначала романский – стиль раннего Средневековья, а позднее – и средневековая готика. Главными создателями собора считаются архитекторы Жак де Шель и Пьер де Монтрей, которые спроектировали его в стиле так называемой «лучистой готики», придав ему торжественный и грозный вид.

Столь монументальное сооружение построено таким образом, что внутри его нет ни одной каменной стены. Вместо них установлены колонны, которые соединяются между собой многоцветными витражами и устремленными ввысь арками.

Несмотря на внушительные размеры и величественный образ, собор долгое время был известен лишь в пределах Парижа и не имел своего культового статуса. Прежде всего Собор являлся центром религиозной и народной жизни парижан, а также традиционным убежищем для изгнанных: никто не имел право арестовать человека, пока он находится за стенами храма.

Для не умеющих читать простолюдинов Нотр-Дам-де-Пари был каменной Библией – вся история христианства от грехопадения до Страшного суда наглядно представлена в многочисленных скульптурах и барельефах, украшающих здание. Эзотерики считают, что в них зашифрован код оккультных учений. Не случайно Виктор Гюго называл собор Парижской Богоматери «наиболее удовлетворительным кратким справочником оккультизма». До сих пор есть энтузиасты, пытающиеся расшифровать секрет философского камня, который, согласно преданию, закодировали средневековые алхимики в архитектуре собора [4, с. 252].

За многовековую историю храму суждено было стать свидетелем многих событий, значимых для Франции. С течением времени Нотр-Дам-де-Пари постепенно приходил в запустение, ветшал, нуждался в реставрации, однако никто не видел в нём никакой ценности.

Даже Александр Дюма, историко-приключенческие романы которого рисуют перед читателем подробнейшие картины средневекового Парижа, лишь один раз вскользь упоминает о соборе в своем романе «Королева Марго». а ведь именно на помосте, воздвигнутом перед воротами Нотр-Дам-де-Пари, произошел роковой обряд венчания Маргариты Валуа, сестры царствующего короля Карла IX, с Генрихом Бурбоном, королем Наваррским. Эта свадьба под сенью собора станет предтечей страшной драмы 1572 г. – кровавой Варфоломеевской ночи. Как ни странно, для Александра Дюма этот факт не имел особого значения.

Сейчас это кажется невероятным, но в начале XIX в. собор Парижской Богоматери вообще хотели снести. В качестве главной причины указывалось крайне плачевное состояние здания. Этаким полуразрушенный маргинальный осколок прошлого, огромная мрачная глыба, неведомым образом сохранившаяся в Париже со времен не менее мрачного Средневековья. И вот когда вопрос о сносе здания был делом практически решённым, в судьбу Нотр-Дама вмешался Виктор Гюго.

По достоинству оценив великолепие собора, писатель решил увековечить его в своём произведении. Роман «Собор Парижской Богоматери» вышел в 1831 г., и Нотр-Дам-де-Пари обрёл вторую жизнь.

Роман имел оглушительный успех, и, учитывая тот факт, что собор не только фигурировал в названии, но и по сути являлся одним из главных героев произведения, о сносе собора Парижской Богоматери уже не могло быть и речи. Здание решили восстановить, и в тот же год началась реставрация.

Величественный Собор, выступает одним из главных символов романа. Создавая художественный образ храма, Виктор Гюго особо остановился на известном архитектурном элементе Нотр-Дам-де-Пари – его каменных химерах и горгульях. Эти трехметровые скульптурные фигуры, словно дьявольские творения, уже около семисот лет хищно усмеваются под куполами католического собора. Жутковато-причудливые монстры, наблюдающие с крыши за бесконечным потоком прихожан, стали источником невероятного количества легенд и мифов о тайном смысле символики мистического храма. Химеры являются символом темных, но не всегда враждебных сил. Гюго мастерски создал образ уродливого звонаря Квазимодо, который сам выглядит словно ожившая химера [3, с. 79].

Собор, который по христианской догматике является моделью мира, в романе выступает ареной земных страстей. От него неотделим и Квазимодо, который звуками своих колоколов «вливал жизнь в это необъятное сооружение», и пасмурный аббат Клод Фролло.

Силы зла, которые руководят поступками Клода Фролло, бросили вызов собору – символу света, добра, христианства. Храм будто высказывает свое недовольство, предупреждает, что архидьякон будет наказан. В конце концов, именно собор помогает Квазимодо отомстить Клоду Фролло за свою погибшую любовь: «Под ним зияла бездна... Он свивался, прикладывая нечеловеческие усилия, чтобы залезть по желобу на балюстраду. Но его руки скользили по граниту, его ноги, царапая почерневшую стену, напрасно искали опоры...».

Прошло почти два века с выхода романа в свет, но всегда, глядя на величественные башни и стены собора, люди будут вспоминать про влюбленного горбуна Квазимодо и прекрасную цыганку Эсмеральду.

В предисловии к роману Виктор Гюго написал: «Одна из главных целей моих – вдохновить нацию любовью к нашей архитектуре», и мы смело можем утверждать, что этой цели автору вполне удалось достичь.

Сегодня, несмотря на усилия реставраторов, Нотр-Дам-де-Пари все еще стоит в руинах. Невольно приходит на ум странная магия чисел. Давайте вспомним – собор возводился ровно 188 лет. В 1831 г., благодаря Виктору Гюго, полуразрушенный Нотр-Дам-де-Пари возродился как феникс, чтобы стать одним из главных символов Франции на те же 188 лет и погибнуть в огне в начале нового тысячелетия.

Другим примером художественного взаимодействия архитектуры и литературных произведений является так называемый «усадебный» роман. Данный литературный жанр был очень популярен в Англии, стране высокоразвитой усадебной культуры, особенно в конце XVIII – начале XIX в. Чаще всего подобные романы повествовали о жизни и нравах общества, а основное действие замыкалось в пределах дворянской усадьбы и обуславливалось усадебным хронотопом. Стиль был характерен для таких авторов, как Е. Инчбальд, М. Эджворт, Дж. Остен и др. Писателями часто использовался прием, когда образ усадьбы становился своеобразным портретом героя или по-своему дополнял его [7, с. 13].

Так, в романах Дж. Остен образцовый английский джентльмен предстает владельцем большого, богатого и ухоженного поместья, достойного быть переданным детям, призванного обеспечить их будущее и символизирующего фамильную гордость.

Важное место в романе «Гордость и предубеждение» занимает описание великолепного поместья Пемберли, подчеркивающее статус главного героя мистера Дарси. Это дом-мечта – классическое английское поместье с ухоженными землями, прудом, собственным хозяйством. Вот как оценивает его главная героиня романа Элизабет Беннет: «Никогда еще она не видела места, которое было бы более щедро одарено природой и в котором естественная

красота была так мало испорчена недостаточным человеческим вкусом!» Увидев впервые Пемберли, Элизабет меняет свое отрицательное отношение к Дарси, по-другому начинает смотреть на его характер, а позднее даже полушутя-полусерьезно признается сестре, что мысль о возможном браке с мистером Дарси возникла лишь в тот день, когда она «впервые увидела его восхитительное поместье в Дербишире...».

По мнению некоторых авторов, в основе образа поместья Пемберли лежит один из самых пышных «домов-сокровищниц» Англии – усадьба Чатсуорт-хаус возле Бейкуэла в Дербишире. Пусть Пемберли лишь вымышленная усадьба, она затронула сердца многих, и читатели, закрывая книгу, с радостью остаются уверенными в благополучии поместья.

Увы, совсем иначе сложится судьба другой вымышленной усадьбы со звучным именем Мэндерли, о которой спустя полтора столетия после увядания «усадебных» романов напишет Дафна дю Морье в своей книге «Ребекка». Знаменитая начальная строка: «Прошлой ночью мне приснилось, что я вернулась в Мэндерли...» – вошла в историю литературы XX в. Поместье практически является героем произведения и играет в нем весьма значительную роль.

Героиня с тоской и упоением описывает прекрасный дом: «Передо мной был Мэндерли, наш Мэндерли, затаенный и безмолвный, как встарь, серый камень поблескивал в лунном свете моего сна, высокие, узкие трехстворчатые окна отражали зеленую траву и террасу. Время было бессильно перед идеальной симметрией этих стен, перед этим домом – алмазом в углублении ладони. ... Террасы уступами отлого спускались вниз, к лужайкам, лужайки тянулись почти до самого моря, и, обернувшись, я увидела серебряную полосу, безмятежную под луной, как озеро, покой которого не нарушают ни ветер, ни волны». Это безукоризненно красивое здание окажется ловушкой...

Мрачно-готический стиль произведения держит читателя в напряжении и предчувствии беды. За каждым, кто входит в поместье Мендерли, словно тень следует его бывшая хозяйка Ребекка.

Мендерли – настоящая архитектурная жемчужина, фамильное имение де Винтеров, где прошла жизнь не одного поколения семьи. Мендерли неразрывно связано со всей жизнью Максима де Винтера. После того, как в усадьбе сначала воцарилась, а потом загадочно погибла Ребекка, поместье не дает герою покоя. Максим то бежит в погоне за воспоминаниями, то отчаянно их сторонится. Как бы он ни пытался забыть прошлое, в поместье все напоминает ему Ребекку [8].

Известно, что у поместья Мендерли был свой прототип – поместье XVII в. Менабелли, что находится в Корнуолльском графстве. Именно графство Корнуолл было главной страстью в жизни Дафны дю Морье. Усадьбу Менабелли писательница хорошо знала, арендовала почти два десятка лет и даже вкладывала в реставрацию поместья все свои деньги. Неудивительно, что Менабелли стало прототипом Мендерли.

В романе Дафне дю Морье удалось создать неожиданный, трагический, но в то же время яркий и незабываемый финал. Любящей паре удалось-таки избавиться от тени Ребекки, но это досталось им очень дорогой ценой: «...на том месте, где прежде стоял наш дом, бушевало огромное пламя, и горизонт выглядел ярко-красным, словно он был залит кровью. Огромные языки пламени взмывали к небу, и до нас уже долетали клочья сажи, принесенные соленым морским ветром».

Роман начинается и заканчивается образом погибшей усадьбы и ностальгией по покинутому дому. Ребекка безжалостно забрала самое дорогое, что было у Максима, – его дом, его Мендерли...

Но вот парадокс: хотя описанное в книге поместье сгорело дотла, оно тем не менее вполне успешно продолжает свою жизнь в реальности!

В результате известности романа имя «Мендерли» стало чрезвычайно популярным в качестве названия как для особняков, так и для обычных домов. Например, ирландская певица Эния переименовала свой Дублинский замок в замок Мендерли.

Из литературы образ поместья Мендерли проник в другие виды современного искусства. Так, Мендерли появляется в кино- и телевизионных экранизациях романа: фильме 1940 г. Альфреда Хичкока, телесериале 1997 г. и фильме 2020 г. Бена Уитли. Действие фильма датского режиссера Ларса фон Триера «Мендерлей» (2005) разворачивается в подобном загородном поместье с многочисленной прислугой. «Замок Мандерли» фигурирует в одном из фантастических произведений Кима Ньюмана «Анно Дракула», где изображается альтернативная история Великобритании XIX в. Наконец, в романе Стивена Кинга «Мешок с костями» (1998 г.) «Мендерли» – это таинственный полуизолированный дом у озера в штате Мэн, возникающий в снах главного героя Майка Нунана [6].

Но если поместье Мендерли, даже будучи созданным воображением автора, все-таки имело свой реальный прототип, то наш «последний герой» относится к категории абсолютно вымышленных зданий и сооружений, возникших в литературе жанра фэнтези.

Это полностью выдуманый волшебный замок, но при этом трудно представить человека, который ни разу не слышал бы об этом здании. Хотя по своему функциональному предназначению здание является школой (не самым популярным местом для проведения времени), вряд ли найдется хотя бы один школьник, который не мечтал бы пройтись по её коридорам.

Увы, попасть туда невозможно: школа заколдована таким образом, что для посторонних зевак она выглядит руинами с табличкой «Вход воспрещён» (англ. Keep Out). Но если бы мы обладали магическими способностями, то вместо руин увидели бы величественные ворота, через которые осуществляется въезд на прилегающую к замку территорию. Колонны, на которых держится арка ворот, увенчаны статуями крылатых вепрей, которые в переводе с некоего древнего языка и дали название этой школе. Думаем, все уже догадались, что мы говорим о Школе Чародейства и Волшебства Хогвартс – единственном учебном заведении волшебников, живущих в Великобритании и Ирландии, созданной творческой фантазией Джоан Роулинг [1, с. 49].

Так как Хогвартс – полностью вымышленное здание, то нам придется поверить автору, что школа находится в многовековом восьмиэтажном замке. Даже примерный план этого старинного замка составить не так уж просто, хотя бы потому, что комнаты, лестницы и коридоры постоянно перемещаются. Известно, что замок имеет шесть высоких готических башен (самая высокая – астрономическая), а в подвале раскинута обширная система подземелий. Где-то здесь расположен класс занятий по дисциплине «Зельеварение» – большое холодное помещение, по стенам которого расставлены жутковатые склянки с заспиртованными животными. Там же в бездонных в подземельях скрыта Тайная комната.

Примечательно архитектурное убранство входного зала школы: двойные двери из дуба, мраморная лестница наверх, две лестницы вниз (в подземелья и к кухням), а также магические песочные часы, учитывающие успеваемость учащихся. Кроме этого, на первом этаже находится Большой банкетный зал с заколдованным потолком, способным показывать небо таким, какое оно есть на самом деле в данный момент.

На втором этаже расположены классы по защите от темных сил и истории магии, а также школьный госпиталь.

Достопримечательностью третьего этажа является вход в кабинет директора школы, который охраняет золотая горгулья.

На четвертом этаже расположен Зал почета – выставка призов и медалей школы, зал для занятий по чарам, и безымянное помещение, где когда-то сидел трехголовый пес Пушок, охранявший Философский камень.

Пятый этаж занимает библиотека с особой закрытой секцией по Темной магии, шестой этаж интересен закрытой паролем ванной комнатой для старост школы, седьмой этаж используется как хранилище, а на самом верху находятся шесть островерхих башен.

Чтобы создать облик Хогвартса как воплощение Школы Чародейства и Волшебства, Джоан Роулинг использует все реально существующие и доступные для восприятия формы. В результате художественный образ Хогвартса – это специфическая форма его отражения в сознании каждого читателя. Облик Школы Чародейства субъективен по своей сути, ведь у многих читателей, воспринимающих одно и то же описание объекта, возникают самые разные впечатления и образы, зависящие от личного опыта и богатства фантазии. Легко представить, какая сложная задача стояла перед декораторами киноэпопеи о Гарри Поттере, когда они создавали воплощенный образ несуществующего волшебного замка! По разным версиям создателям фильма пришлось использовать чуть ли не восемь английских и шотландских замков и монастырей, и все равно не обошлось без компьютерной графики [5].

Архитектурный образ Хогвартса неотделим от функции сооружения и органически выражает как его назначение, так и художественную концепцию мира фэнтези, а также представление человека о себе самом и о сути своего предназначения. В современном обществе тяга к магии и волшебству оказалась настолько сильной, что среди архитектурных арт-объектов Лондона на вокзале «Кингс-Кросс» появилась вполне реальная «заколдованная» платформа 9 3/4 (англ. Platform Nine and Three-Quarters). Более того, вскоре платформы 9 3/4 появились на вокзалах Минска и Санкт-Петербурга, а недалеко от Тульского кремля можно посетить магазин «Волшебные палочки от Олливандера».

Таким образом мы видим, что категория архитектурного художественного образа рассматривается в эстетике как динамическая целостность, и осуществляется через ряд последовательно развивающихся стадий, таких как «образ – замысел», «образ – произведение», «образ – восприятие». Не важно, говорим ли мы о реальных архитектурных сооружениях, о художественных образах архитектуры, имеющих свой материальный прототип, или о сказочных замках, сотворенных фантазией автора, в любом случае архитектура выступала и будет выступать как мощный источник вдохновения.

Библиографический список

1. *Асеева М.А., Гусарова С.В., Золкин А.Л.* Волшебный и чарующий мир: взгляд на историю и будущее жанра фэнтези с позиции заинтересованного читателя. М., 2022.
2. *Гайдаш В.М.* Пути повышения архитектурно-художественной выразительности крупного исторически сложившегося города (На прим. Кишинева): автореф. дис. канд. архитектуры. М., 1989.
3. *Гусарова С.В.* Особенности развития литературного языка в текстах произведений жанра фэнтези // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2021. № 1.
4. *Лазарев А.Г.* Справочник архитектора. Серия «Строительство и дизайн». Ростов н/Д., 2005.
5. *Лодброк А.О.* Архитектура замка Хогвартс в реальной жизни. URL: <https://moymax.com/architecture/architektura-zamka-hogvarts-v-realnoy-zhizni-chast-1-2797> (дата обращения: 23.04.2022).
6. Пять деревень, их люди и места. История деревень Кастор, Эйлсворт, Мархольм с Милтоном, Аптоном и Саттоном. URL: [https://ru.upwiki.one/wiki/Rebecca_\(novel\)](https://ru.upwiki.one/wiki/Rebecca_(novel)) (дата обращения: 23.04.2022).
7. *Саркисова А.Ю.* Представления об образцовом помещике в творчестве Дж. Остен и И.С. Тургенева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 3.
8. Художественная деталь в романе Д. дю Морье «Ребекка». URL: https://spravochnick.ru/literatura/hudozhestvennaya_detal_v_romane_d_dyu_more_rebekka/ (дата обращения: 23.04.2022).

С.В. Гусарова

кандидат педагогических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА, Калужский филиал

Gusarova34141@gmail.com

УДК 821.161.1

doi: 10.52470/2619046X_2022_3_16

«ГОРИЗОНТЫ ОЖИДАНИЙ» В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Е.А. Горбаренко

Аннотация. В статье представлен опыт применения принципов рецептивной эстетики к роману «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. Обозначаются несколько возможных уровней: читательский, авторский и уровень героя. Основной акцент в представленной работе сделан на уровне героев романа. Прослеживается динамика «горизонтов ожиданий» у различных героев и ее влияние на динамику сюжета произведения. Автором статьи вводится понятие «персонифицированного горизонта ожиданий», которое расширяет существующие в достоевистике представления об особенностях характеров героев «Преступления и наказания». Как перспектива исследования обозначена проблема авторского «горизонта ожиданий», рассмотрение которой позволит проследить динамику художественных образов от замысла до окончательного воплощения на страницах романа.

Ключевые слова: рецептивная эстетика, читательское восприятие, восприятие авторское, вариативность сюжета, «горизонты ожиданий».

«HORIZONS OF EXPECTATIONS» IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT»

E.A. Gorbarenko

Abstract. This article presents the experience of applying the principles of receptive aesthetics to the novel «Crime and Punishment» by F.M. Dostoevsky. Several possible levels are indicated: reader, author and hero level. The main emphasis in the presented work is made on the level of the heroes of the novel. The dynamics of «horizons of expectations» among various heroes and its influence on the dynamics of the plot of the work are traced. The author of the article introduces the concept of «personified horizon of expectations», which expands the existing ideas about the characteristics of the characters of «Crime and Punishment» in Dostoevistics. As a perspective of research, the problem of the author's «horizon of expectations» is pointed out, the consideration of which will allow tracing the dynamics of artistic images from the idea to the final embodiment on the pages of the novel.

Keywords: receptive aesthetics, reader's perception, author's perception, plot variability, «horizons of expectations».

Понятие «горизонты ожиданий» является ключевым в теории восприятия Г.Р. Юсса [6] и используется в рецептивной эстетике, но можно и обойти эту методологию стороной, чтобы

понимать «горизонты ожиданий» в расширительном значении. Тогда имеется в виду, что они образуются и подвижно меняются не только у читателя (согласно Г.Р. Яуссу), но и у героев произведения, а также у самого писателя.

«Горизонты ожидания» заложены уже в заглавие романа: за любым преступлением последует наказание. У автора это обусловлено логикой и развитием замысла.

Первоначально он предложил роман для публикации редактору «Русского вестника» М.Н. Каткову в сентябре 1865 г. и изложил его общую «идею». В ней обозначен основной «горизонт ожидания», авторский и читательский: главный герой после убийства претерпевает наказание, нравственное и юридическое. Однако это было слишком прямо и просто, что осознавал и сам Достоевский. В том же письме Каткову он добавляет: «Само собою разумеется, что я пропустил в этом теперешнем изложении идеи своей повести – весь сюжет. За занимательность – ручаюсь, о художественном исполнении – не беру на себя судить» [2, т. 28/2, с. 136–138]. Здесь предполагается, что «весь сюжет» по ходу его «художественного исполнения» насытится в романе перипетиями душевно-духовной жизни Раскольникова. Оба заглавных понятия – как «преступление», так и «наказание» – будут при том наполняться всё новыми нюансами.

Герой по ходу сюжета то сомневается в задуманном и страшится его, то преодолевает сомнения и находит новые мотивировки. «...Нечем тут было смущаться! ...и вот, в один миг, крепнет ум, яснее мысль, твердеют намерения!» [2, т. 6, с. 10–11]. Тем самым горизонты задуманного преступления и его последствий неоднократно отодвигаются, а затем вновь становятся актуальными. Этому так или иначе способствуют фактически все персонажи, с которыми Раскольников вступает во взаимоотношения.

Например, «процентщица» Алена Ивановна. Раскольников узнал о ней случайно и с первой встречи почувствовал острую неприязнь. Вслед за этим ему случилось нечаянно подслушать в трактире разговор студента с офицером об этой самой «старухе». Они обсуждали, будет ли справедливо убить ее – никчемную и даже вредную – и ограбить, чтобы на вырученные деньги поправить своё положение и затем сеять добро другим людям. Раскольникову странно, «почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... **такие же точно мысли?** и почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?.. <...> Этот ничтожный, трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание...» [2, т. 6, с. 55. – выделено Достоевским]. Так формируется идея Раскольникова и проясняется первоначальный «горизонт ожиданий» от ее возможного осуществления.

Второй визит к Алене Ивановне сам герой осознает как «пробу» идеи, то есть идет, чтобы осмотреться в квартире и, главное, почувствовать себя в роли возможного убийцы. Эта «проба» дала временный отрицательный результат: «О боже! как это всё отвратительно! и неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! – прибавил он решительно. – и неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. и я, целый месяц...» [2, т. 6, с. 10]. То есть идейный «горизонт» с негодованием отвергается как нежеланный и даже отвратительный. Но далее знакомство с Мармеладовым и история его семьи вновь идейно мотивирует Раскольникова. Он узнает о Соне и ее добровольном «жребии» – спасти семью ценой своей девичьей чести. Первая реакция негодующего героя – «Вот ведь пользуются же! и привыкли. Поплакали, и привыкли. Ко всему-то подлец-человек привыкает!» [2, т. 6, с. 25]. Но это дает сильный мотив к осуществлению идеи и актуализирует прежний «горизонт»: не все подлецы! Нельзя к такому привыкать! «...Нет никаких преград, и так тому и следует быть!..» [2, т. 6, с. 25].

Далее аргументов добавляет полученное от матери письмо. Участь ее и сестры ужасна, к Дуне Родион даже примеряет «жребий» Сони. Это нагнетает его идейную решимость: «Теперь же письмо матери вдруг как громом в него ударило. Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее. Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь, или...

“Или отказаться от жизни совсем! – вскричал он вдруг в испуге, – послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, и задушить в себе всё, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!”» [2, т. 6, с. 39].

Вместе с тем, вплоть до преступления Раскольников еще не обречен на него, продолжает колебаться, и признаки идейного «горизонта ожиданий», почти по-ахмадулински, – «то явятся, то растворятся снова». Достоевский подчеркивает это, как, например, в таком случае: «Заметим кстати одну особенность по поводу всех окончательных решений, уже принятых им в этом деле. Они имели одно странное свойство: чем окончательнее они становились, тем безобразнее, нелепее, тотчас же становились и в его глазах. Несмотря на всю мучительную внутреннюю борьбу свою, он никогда, ни на одно мгновение не мог уверовать в исполнимость своих замыслов, во всё это время. и если бы даже случилось когда-нибудь так, что уже всё до последней точки было бы им разобрано и решено окончательно и сомнений не оставалось бы уже более никаких, – то тут-то бы, кажется, он и отказался от всего, как от нелепости, чудовищности и невозможности» [2, т. 6, с. 57].

Таким резким колебаниям способствуют, как уже сказано, самые разные персонажи. Например, бывший сокурсник Раскольникова по университету Разумихин находится не в лучшей жизненной ситуации, но умудряется «держаться на плаву», зарабатывая частными уроками и заказными переводами. Это – пример для Раскольникова, еще один возможный «горизонт» для него. Симпатизирующая Родиону кухарка Настасья вступает с ним в примечательный диалог и указывает именно на этот горизонт: «Прежде, говоришь, детей учить ходил, а теперь пошто ничего не делаешь?». Раскольников с досадой отмахивается и почти проговаривается: «– За детей медью платят. Что на копейки сделаешь? – продолжал он с неохотой, как бы отвечая собственным мыслям, – а тебе бы сразу весь капитал? – Он странно посмотрел на нее. – Да, весь капитал, – твердо отвечал он помолчав. – Ну, ты помаленьку, а то испугаешь; страшно уж очинна» [2, т. 6, с. 26–27]. То есть Раскольников в этот сюжетный момент находится во власти другого «горизонта ожиданий», преступного и пугающего, и Настасья чутко уловила это. Ее последняя скептическая реплика – тоже своего рода предупреждение герою, как бы с трезвых простонародных позиций.

Выразительно, каждый по-своему, способствуют колебаниям героя и смене его «горизонтов» – Соня Мармеладова, Свидригайлов, следователь Порфирий и другие персонажи романа. Об этом еще будет особо сказано.

Но главное, конечно, – это голос собственной совести, тот самый предупреждающий «наказ», который был внятен Раскольникову еще до преступления, при одном только замысле. Совесть инстинкты героя невольно согласуются с шестой и восьмой заповедями Библии: «Не убий», «Не укради», а после убийства голос совести лишь обостряется: «...как смел я, зная себя, предчувствуя себя, брать топор и кровавиться! Я обязан был заранее знать... Э! да ведь я же заранее и знал!..» – прошептал он в отчаянии» (выделено мной. – Е.Г.) [2, т. 6, с. 210]. То есть нравственное наказание предшествует самому преступлению, и такое наказание, по словам самого героя, – «опричь каторги» [2, т. 6, с. 203].

Наконец, и само убийство оборачивается в осознании совестливого героя преступлением перед самим собой: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!..» [2, т. 6, с. 322]. Так что преступление в известном смысле уже совмещается с наказанием.

Смысл заглавия широко и разнообразно отражается в судьбах сопутствующих Раскольникову персонажей. Почти для каждого из них по ходу сюжета открываются свои «пороги», которые они вынуждены или желают «переступить» – по сердечным «наказам» либо вопреки им [4]. Во всех случаях они имеют свои «горизонты ожиданий», и за каждым, в зависимости от результата, открываются новые. Смена «горизонтов» обуславливает динамику в сюжетных судьбах героев.

Например, Соня Мармеладова. Она переступила свой порог, когда пожертвовала собой ради семьи, и в результате живет с горьким наказом в душе: «Да ведь я... бесчестная... я великая, великая грешница!» [2, т. 6, 246]. Раскольников с готовностью подтверждает это, будто бы «нашел себе пару»: «А что ты великая грешница, то это так» [2, т. 6, с. 247], и предлагает он ей новый общий «горизонт», неопределенный и для нее пугающий: «– У меня теперь одна ты, – прибавил он. – Пойдем вместе... <...> Мы вместе прокляты, вместе и пойдем! <...> – Куда идти? – в страхе спросила она и невольно отступила назад.

– Почему ж я знаю? Знаю только, что по одной дороге, наверно знаю, – и только. Одна цель!» [2, т. 6, с. 252]. Прежние преступления и наказания у них слишком разные. Соня, в отличие от Родиона, осталась после своей жертвы чиста перед законом. Она вынуждена «жить по желтому билету», то есть официально зарегистрирована как проститутка (обычная для той эпохи практика). Законы человеческого общежития она также не переступает – ведь в описанном мире каждый выживает как может. Переступает она, таким образом, свою девичью честь, а также законы божеские – потому искренно считает себя «бесчестной грешницей». Ее «горизонт ожиданий» до встречи с Раскольниковым – ужасен и беспросветен. Но по ходу взаимоотношений просвет появится, и для них все-таки прояснится общий «горизонт ожиданий» – это страдания друг за друга.

Свой «порог» намерена была переступить и Дуня Раскольниковы. Ее «горизонт ожиданий» был связан с благополучием семьи, которое мог бы обеспечить будущий муж, Петр Лужин. Однако брат этому воспротивился и дает сестре завет: «...дойдешь до такой черты, что не перешагнешь ее – несчастна будешь, а перешагнешь – может, еще несчастнее будешь...» (выделено мной. – Е.Г.) [2, т. 6, с. 174]. Этому вторит и Лужин, угрожая невесте: «Во всем есть черта, за которую перейти опасно; ибо, раз переступив, воротиться назад невозможно» (выделено мной. – Е.Г.) [2, т. 6, с. 230]. Один из немногих в романе счастливых поворотов в судьбе связан именно с Дуней. Разумихин откроет ей новые «горизонты ожиданий», и для этого не понадобится никаких роковых «переступаний».

Не так очевидны, но вполне различимы «преступление и наказание» в образе «старухи-процентщицы», Алены Ивановны. Собственно, что переступает она? Ведь перед юридическим законом она «чиста». Ее можно, согласно современной терминологии, считать «самозанятой предпринимательницей». Законы человеческого общежития она также не переступает. С ними вполне согласуется ее жизненная практика. Она – хищница и живет за счет чужой нужды [2, с. 48]. Нюансы преступления в ее случае проясняются через наказание. Имеется в виду не «карающий топор» Раскольникова, а признаки, по которым можно судить о душевных инстинктах «старухи». С ее трупа убийца снял сразу два крестика; в ее укромной комнате он видит целый киот с образами, и главное, как известно из подслушанного героем разговора, она оставила духовное завещание, по которому все ее деньги «назначались в один монастырь в Н-й губернии, на вечный помин души» [2, т. 6, 53]. Это ее «горизонт ожиданий». То есть, по оставленным автором признакам, переступает она законы божеские, и сама Алена Ивановна не может этого не чувствовать. Срабатывают ее совестливые инстинкты, глубоко запрятанный наказ.

Важный образ в романе – Аркадий Свидригайлов. Это вполне «преступный» тип: на его совести, по многим намекам, целый ряд смертей, в том числе его слуги, некой девочки и даже супруги. Сам он даже не считает нужным опровергать такие слухи, остается равнодушен

к любым обвинениям. То есть переступал он и ломал чужие судьбы, может быть, не раз, но лишь в угоду своей развратной натуре. Поначалу никакие «горизонты» его не влекут и ничем не грозят, жить ему – не для чего. Поэтому он способен как на дурное, так и на хорошее. «...Не привилегию же в самом деле взял я делать одно только злое» [2, т. 6, с. 223].

Развратная тяга к Дуне Раскольниковой сменяется у героя большим чувством к ней, на которое она не может ответить взаимностью. Тогда и появляются у Свидригайлова «горизонт ожиданий», «порог» и «наказ». Когда Дуня оказывается в его власти, он не может «переступить порог» – овладеть ею: «– Так не любишь? – тихо спросил он. Дуня отрицательно повела головой. – И... не можешь?... Никогда? – с отчаянием прошептал он. – Никогда! – прошептала Дуня» [2, т. 6, с. 382]. После этого, на фоне отчаяния героя, его душой овладевает под грузом прошлых мрачных деяний давно созревавший «наказ» – завершить жизненный путь. Что он и осуществляет, застрелившись.

Свои «переступания порога», «горизонты ожиданий» и «наказы» распознаются в сюжетных судьбах почти всех других значимых персонажей романа из окружения Раскольникова. Как уже отмечено, это «старуха-процентщица» Алена Ивановна, Разумихин и даже следователь Порфирий. В последнем, например, можно видеть манипулятора людьми, мастера ложных горизонтов, – как для себя, так и для других. Разумихин рассказывает о нем: «Прошлого года уверил нас для чего-то, что в монахи идет: два месяца стоял на своем! Недавно вздумал уверять, что женится, что всё уж готово к венцу. Платье даже новое сшил. Мы уж стали его поздравлять. Ни невесты, ничего не бывало: всё мираж! <...> – В самом деле вы такой притворщик? – спросил небрежно Раскольников. – а вы думали, нет? Подождите, я и вас проведу» [2, т. 6, с. 198]. В последнем, решающем разговоре с Раскольниковым Порфирий демонстративно как бы «переступает порог» противостояния следователя с преступником, говорит «начистоту» и предлагает ему спасительный «горизонт». Притом самому ему, следователю, этот горизонт недоступен: «Кто я? Я поконченный человек, больше ничего. Человек, пожалуй, чувствующий и сочувствующий, пожалуй, кой-что и знающий, но уж совершенно поконченный. А вы – другая статья: вам бог жизнь приготовил» [2, т. 6, с. 352]. Самоуничтожение здесь сопровождается переадресацией «наказа»: «Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» [2, т. 6, с. 352].

Оригинальное художественное решение Достоевского состоит в том, что для ключевых героев получают значение **персонифицированные «горизонты ожиданий»**. По понятным причинам их особенно много у мечущегося Раскольникова. Это – процентщица Алена Ивановна; Соня Мармеладова; Свидригайлов; Разумихин; следователь Порфирий; маляр Миколка. Вот и мать Родиона, Пульхерия Раскольникова, с первого взгляда распознала в Соне нечто крайне важное для его будущего. Она говорит дочери: «Предчувствие у меня такое, Дуня. Ну, веришь или нет, как вошла она, я в ту же минуту и подумала, что тут-то вот главное-то и сидит...» [2, т. 6, с. 185].

Раскольникова периодически тянет то к одному такому «горизонту», то к другому. Например: «Вопрос, почему он пошел теперь к Разумихину, тревожил его больше, чем даже ему самому казалось; с беспокойством отыскивал он какой-то зловещий для себя смысл в этом, казалось бы, самом обыкновенном поступке. «Что ж, неужели я всё дело хотел поправить одним Разумихиным и всему исход нашел в Разумихине?» – спрашивал он себя с удивлением» [2, т. 6, с. 44].

Неоднократно тянет Раскольникова к Свидригайлову: «Он спешил к Свидригайлову. Чего он мог надеяться от этого человека – он и сам не знал» [2, т. 6, с. 353]. Бывает, что персонифицированные горизонты в самосознании Раскольникова сталкиваются и пересекаются. Как в таком, например, случае: «А между тем он все-таки спешил к Свидригайлову; уж не ожидал ли он чего-нибудь от него нового, указаний, выхода? и за соломинку ведь хвата-

ются! Не судьба ли, не инстинкт ли какой сводит их вместе? Может быть, это была только усталость, отчаяние; может быть, надо было не Свидригайлова, а кого-то другого, а Свидригайлов только так тут подвернулся. Соня? Да и зачем бы он пошел теперь к Соне? <...> Да и страшна была ему Соня. Соня представляла собою неумолимый приговор, решение без перемены. Тут – или ее дорога, или его» [2, т. 6, с. 354].

В подобных периодических случаях герою самому, как правило, не до конца ясно – отчего его тянет то к одному, то к другому герою. В этом мы можем видеть те самые «маркеры значимости», которые предусмотрены в субъект-субъектным методе Т.А. Касаткиной [3, с. 12–14]. Согласно этому методу, «есть специальные фразы у Достоевского, которые он применяет в тексте для того, чтобы обратить внимание читателя на то, что сейчас будет происходить что-то очень важное. И это очень важное очень часто не имеет отношения к непосредственному, поверхностному сюжету текста. Поэтому то, что происходит, сопровождается словами: «не знаю, зачем он это сказал», «и зачем он это сказал», «непонятно почему», «непонятно зачем» и подобными. Тем самым нам дают понять, что причинно-следственные связи уходят из области событийного сюжета куда-то в иной план, где нам их нужно отслеживать, если мы хотим понять, о чем здесь на самом деле идет речь. То есть – есть целый ряд фраз-сигналов, которыми Достоевский обозначает, так сказать, концы нитей, потянув за которые, мы обнаружим, что у нас собралось вместе несколько абсолютно разведенных в тексте эпизодов и деталей, которые вот этой странной ниточкой оказываются связаны между собой и нуждаются в комплексном рассмотрении» [3, с. 34–35].

Наши предыдущие наблюдения и суждения подтверждают логику Т.А. Касаткиной. В романе Достоевский неоднократно «сигнализирует» читателю о том, что Раскольников тянет то к одному персонажу, то к другому по каким-то необъяснимым и тревожащим его причинам. Если использовать «комплексное рассмотрение» (по Касаткиной) этих случаев, то как раз и проясняется, что за каждым персонажем – Разумихиным, Соней, Свидригайловым, Порфирием – Раскольниковым подсознательно угадываются разные, зачастую взаимоисключающие «горизонты». По поводу Разумихина выше отчасти уже сказано. Это для колеблющегося героя перспектива уклониться от задуманного преступления, пытаться по примеру приятеля выживать за счет платных уроков и переводов. Вот в колебаниях Раскольникова случай одномоментной смены «горизонтов»: «Гм... к Разумихину, – проговорил он вдруг совершенно спокойно, как бы в смысле окончательного решения, – к Разумихину я пойду, это конечно... но – не теперь... Я к нему... на другой день, после **того** пойду, когда уже то будет кончено и когда всё по-новому пойдет...» и вдруг он опомнился. «После **того**, – вскрикнул он, <...> – да разве то будет? Неужели в самом деле будет?» [2, т. 6, с. 44–45]. Достоевским здесь выделены (подчеркнуты) указательные местоимения, за которыми скрывается еще только задуманное и до сих пор пугающее героя убийство.

Случаи с влечением Раскольникова к Соне Мармеладовой сложнее и многограннее. Она его и пугает, и неудержимо влечёт к себе. Пугает потому, что в ней он угадывает живое опровержение своего преступного замысла. Влечёт – отчасти по той же причине. До убийства ее участь («жребий») и тягостный «горизонт ожиданий» включаются в состав мотивов, подкрепляющих его идею. Особенно это очевидно, когда герой проецирует этот «жребий» на судьбу своей сестры: «Да чего: тут мы и от Сонечкина жребия, пожалуй что, не откажемся! Сонечка, Сонечка Мармеладова, вечная Сонечка, пока мир стоит!» [2, т. 6, с. 38]. После же убийства «старухи» и ее сестры Лизаветы колебания Раскольникова переходят в другую плоскость (признаться – не признаться). Здесь модус влияния Сони прямо направлен на его покаяние, которому он поначалу всячески противится.

Всё осложняется поначалу скрытым, но затем усиливающимся и проясняющимся мотивом любви (к тому же взаимной). В черновых записях к роману писатель давал себе зарок:

«Ни слова о любви!» [2, т. 7; с. 138]. Понятно почему – идейно одержимому Раскольникову по ходу сюжета должно быть «не до этого». Но в тех же записях Достоевский сам же и прогнозирует: «Соня и любовь к ней сломали» [2, т. 7, с. 135]. Так оно и случилось по логике сюжета: не только духовное воздействие Сони, но и любовь к ней Раскольникова способствовали в финале романа образованию и признанию ими общего «горизонта ожиданий», надежд на будущее.

В комплексное рассмотрение «маркеров значимости» нужно включить взаимоотношения Раскольникова со Свидригайловым. При этом нужно иметь в виду «теорию» центрального героя о двух разрядах, на которые делится человечество. Коротко говоря, «необыкновенные» люди могут, по логике Раскольникова, позволять себе распорядиться судьбами «обыкновенных», и им разрешается даже «кровь по совести». Это изложил герой в своей давней статье. Следователь Порфирий пронизательно замечает: «...когда вы вашу статейку-то сочиняли, – ведь уж быть того не может, хе-хе! чтобы вы сами себя не считали, ну хоть на капельку, – тоже человеком “необыкновенным”» [2, т. 6, с. 204]. Так оно и есть. Раскольников хотел бы себя считать человеком из разряда «необыкновенных», только вот всё сомневается, колеблется, а Свидригайлов относится ко всему, что у него было в прошлом (кроме Дуни), без сомнений и колебаний, почти с равнодушием. Так неужели именно он – из «необыкновенных», по теории Раскольникова? Поэтому, при всей острой неприязни к Свидригайлову, герой не может не предугадывать в нем наличие возможного для себя «горизонта ожиданий» (противоположного тому, что предлагает Соня). Потому-то его бессознательно всякий раз и тянет к Свидригайлову. Вот и сам роковой герой подтверждает ему: «Ведь я сказал, что мы сойдемся, предсказал вам это, – ну вот и сошлись, и увидите, какой я складной человек. Увидите, что со мной еще можно жить...» [2, т. 6, с. 335].

Однако это будет опровергнуто самоубийством Свидригайлова, о котором случайно услышал Раскольников в полицейском участке, куда пришел по настоянию Сони с намерением сдать властям. «Горизонт» Свидригайлова оказался губительным, с ним уже нельзя жить. Потрясенный Раскольников на минуту раздумал каяться и вышел из участка. Однако при виде Сони на улице, которая с горечью всплеснула руками (ведь она была готова разделить с ним судьбу), он вернулся и осуществил свое намерение. В этом можно видеть своеобразную очную ставку двух «горизонтов» – губительного свидригайловского и живительного от Сони.

Персонифицированные «горизонты ожиданий» возникают и у других персонажей романа. Например, для матери и сестры Раскольникова – он сам «в ходу и на первом плане стоит. Ну как же-с, счастье его может устроить, в университете содержать, компаньоном сделать в конторе, всю судьбу его обеспечить <...> а мать? Да ведь тут Родя, бесценный Родя, первенец! Ну как для такого первенца хотя бы и такую дочь не пожертвовать! О милые и несправедливые сердца!» [2, т. 6, с. 38]. Для всего семейства Мармеладовых воплощенный «горизонт ожиданий» – это Соня. Для Сони – Раскольников. Для Дуни Раскольниковой – это, как уже сказано, брат Родя, а также Лужин и затем Разумихин. Для Свидригайлова – это Раскольников и затем его сестра Дуня. Она же сама – «горизонт» для Лужина и Разумихина.

Наряду с персонификацией горизонтов ожиданий, примечательно еще одно художественное решение Достоевского – их преломление в снах Раскольникова и Свидригайлова. Для первого это сны об изуверском убийстве лошади; о насмехающейся над ним покойной «старухи-процентщицы»; о «трихинах», заразивших человечество. После сна о лошади он почти останавливается в ужасе на пороге преступления: «Боже! – воскликнул он, – да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, разможжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели?» [2, т. 6, с. 50], а после преступления он видит сон, в котором убитая Алена Ивановна издевательски смеется над ним. Это предрека-

ет ему будущую собственную оценку содеянного («Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку!»).

У Свидригайлова – свои кошмары, сны об утопившейся девочке и развратном ребенке. Для обоих героев в снах совмещаются ретроспективный и перспективный горизонты: из прошлого вырастает прогноз на будущее. Подобные «горизонты ожиданий» формируют впечатления, которые позволяют читателю предугадывать последующую судьбу каждого из героев.

Еще один важный аспект выраженности **авторских «горизонтов ожиданий»** открывается у Достоевского в том, как он сам на уровне начального замысла воображает себе образ того или иного героя, и как затем может меняться их первоначальная «репутация» по ходу сюжета. В «Преступлении и наказании» подобное нарушение горизонтов авторских ожиданий наблюдается в образах Свидригайлова, Лебезятникова и отчасти Разумихина. Это широко и убедительно уже было обосновано в исследованиях Б.Н. Тихомирова [5] и А.П. Власкина [1].

Библиографический список

1. *Власкин А.П.* Лебезятников против Раскольников: О дифференциации героев Достоевского // Три века русской литературы. М.; Иркутск, 2012.
2. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград, 1985. Т. 28/2.
3. *Касаткина Т.А.* О субъект – субъектном методе чтения // Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М., 2019.
4. *Макаричев Ф.В., Власкин А.П., Макаричева Н.А.* Душевная жизнь и ее воплощение в произведениях Ф.М. Достоевского. СПб., 2022.
5. *Тихомиров Б.Н.* Другой Свидригайлов: неосуществленный замысел Достоевского начала 1867 года (наблюдения и гипотезы) // Три века русской литературы. Ф.М. Достоевский: о творчестве и судьбе. М.; Иркутск, 2011.
6. *Яусс Х-Р.* К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12.

Е.А. Горбаренко

*старший преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Санкт-Петербургский университет МВД России, Ленинградский областной филиал
E-mail: romanovakaterina@list.ru*

ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКИ ПОЭТОВ-СИМВОЛИСТОВ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В.В. Крамер

Аннотация. В статье рассматриваются особенности поэзии серебряного века, символизм как литературно-художественное течение в русской литературе и его влияние на поэтов. Символистская поэзия рассматривается как идейно-эстетическая и художественная ценность при изучении лирики модернизма. Художественная действительность, необходимая для изучения искусства, рассматривается как процесс художественного творчества. Анализируется взаимодействие в произведении художественных кодов разных видов искусств, создание целостного полихудожественного пространства через интермедийность.

Ключевые слова: серебряный век, символизм, полифония, двоемирие, полихудожественное пространство, интермедийность.

THE LYRICS OF SYMBOLIST POETS IN THE CONTEXT OF MODERNISTIC CULTURE

V.V. Kramer

Abstract. This article discusses the features of the poetry of the Silver Age. Symbolism as a literary and artistic trend in Russian literature and its influence on poets. Symbolist poetry is considered as an ideological–aesthetic and artistic value when studying the lyrics of modernism. The artistic reality necessary for the study of art is viewed as a process of artistic creativity. The article analyzes the interaction in the work of artistic codes of different types of arts, the creation of an integral poly-artistic space through intermediality.

Keywords: silver age, symbolism, polyphony, duality, poly-artistic space, intermediality.

Понятие «серебряный век» связано с символизмом – литературно-художественным направлением рубежа XIX–XX вв. Творческое наследие символистов – явление не только русской, но и мировой культуры.

Поэтические творения А. Блока, Д. Мережковского, В. Брюсова, К. Бальмонта и других символистов обладают высокой художественной ценностью. В них «при гуманистической устремленности и правдивости содержатся приобретения и открытия, воплощены глубокие обобщения человеческих отношений, характеров и судеб, всеобщезначимых психологических состояний и чувств [2, с. 12].

Поэзия символизма вобрала в себя лучшие достижения и открытия русского классического стиха: полифоничность, разнообразие форм, музыкальность, живописная пластичность слова, философские звучания и гуманизм. Символисты, решая вопросы метрики и ритмики, словесной инструментовки строения и ритма образов, совершили переворот в истории русской поэзии XX в.

Значительное влияние на русских символистов оказал философ и поэт В. Соловьев, в учении которого было заложено представление о существовании двух миров древнегреческого философа Платона. Мир земной и потусторонний символисты рассматривали в связи с поэтом, где он представлялся как маг, чародей, способный приобщиться к потустороннему

миру. Е. Ермилова считает, что поэт-символист «полученные тайные знания стремится выразить в своём искусстве» [8, с. 38].

Символисты следовали идеологическим принципам-мистификациям, «раскрытие тайны», «постижение бесконечного». Их творчество способствовало открытию в слове дополнительных оттенков и граней смысла, слово приобрело многозначность, расширились ритмические возможности русского стихотворения, разнообразие строфики.

На занятиях со студентами средних специальных учебных заведений выступает на первый план идейно-эстетическое содержание и словесно-выразительная образность, которая способствует развитию эмоционально-духовных качеств студентов и формированию эстетического вкуса, воспитание чувств прекрасного. Изучая поэзию символистов, студенты расширяют свои представления о развитии искусства на рубеже XIX–XX вв., обогащают знания об образном богатстве поэзии, «о звукописи», «цветописи» стихотворения, об особенностях образа-символа. При изучении поэтов-символистов обучающиеся сталкиваются со своеобразием и сложностью теории и практики.

Черты процесса восприятия, художественная действительность, необходимая для изучения искусства, аналогична процессу художественного творчества через восприятие структурных элементов эстетическое сознание человека, выражающего «его активное, действенное стремление к гармонии, совершенству, к идеалу прекрасного». Труд читателя носит творческий характер. Изучение поэзии символизма, особенностей его поэтического мира, формирует целостное представление у обучающихся о данном модернистском направлении в литературе XX в.

Восприятие поэтических произведений символизма и их интерпретация развивают воображение и мышление, обогащают духовный мир студентов с учетом особенностей восприятия и изучения русской поэзии.

Для того, чтобы учебный процесс был успешным, необходимо использование новых методик на занятиях по литературе. Одной из них является кейс-метод, который расширяет рамки понимания дисциплин посредством разбора конкретных практических ситуаций. Вопросы должны быть подобраны таким образом, чтобы их решение имело несколько вариантов, способствовало обсуждению, дискуссии в среде обучающихся.

Метод кейсов позволяет не только развивать представление о литературе как об искусстве, но и развивать интерпретационные способности учащихся. Художественное произведение содержит в себе нравственные проблемы, способность эмоционального воздействия, становится площадкой для ассоциативной работы.

Метод кейсов позволяет построить некие алгоритмы, образовательные модели, позволяющие интерпретировать литературу с музыкой, живописью, театром. Осуществляется взаимодействие в произведении художественных кодов разных видов искусств, создание целостного полихудожественного пространства через интермедальность [1].

Взаимодействие культур, искусств актуализирует связи на уровне художественных средств. Интермедальные элементы – составляющие искусства литературного текста, созданного во взаимодействии культур. Возникает образ персонажа, представленного в ракурсе нескольких искусств, направленный герой-композитор. Через медийный жанр рассматриваются произведения, образованные на стыке искусств, что позволяет увидеть более определенную семантическую структуру текста.

Кейс-метод как один из составляющих компонентов образовательного процесса выявляет визуальный, аудиальный семиотический код. Кейс-метод представляет собой группу образовательных технологий, методов и приемов обучающихся, основанную на решении конкретных задач. Как интерактивный метод, кейс позволяет взаимодействовать всем обучающимся. Пакет документов (кейс) дает возможность выявить проблему и пути ее решения или вырабатывают варианты выхода из ситуации, обозначенной проблемой. Преподавателю при разработке кейса необходимо учесть специфику предмета, в рамках которой планируется

работа с кейсом, учитываются особенности учащихся. Кейс-технология имеет ряд преимуществ: выработка знаний, анализ сложных вопросов, возможность соотносить теорию и концепцию с реальной жизнью, работать в группе и индивидуально, работать с информацией, оценивать альтернативные решения [3, с. 44].

Применение в обучении кейс-технологии позволяет сформировать у студентов высокую мотивацию к учебе, развить такие личностные качества, как способность к сотрудничеству, чувство лидерства, основы этики, умение логически мыслить, формулировать вопросы, аргументировать, делать собственные выводы, отстаивать свое мнение.

Ниже представлены образцы кейсов по литературе на тему «Символизм в русской литературе».

Учебный кейс № 1. Тема «Особенности поэзии серебряного века»

Вопросы для теоретического обоснования темы:

1. Какой смысл имеет выражение «серебряный век»?
2. Каким образом серебряный век обусловлен исторически?
3. Искусство серебряного века стало философским, универсальным синтетическим взглядом на мир. Поясните свой ответ.
4. Соотнесите поэзию Фета и Тютчева с символистскими. Укажите схожие черты и отличия.
5. Назовите произведения поэтов-символистов.
6. Заполнить таблицу (старшие и младшие символисты / программа (идеи) / примеры / художественно-изобразительные средства)
7. Дайте определение понятия «декаданство». Соотнесите, каким образом символизм связан с декаданством?
8. Философия и эстетика символизма складывалась под влиянием различных теорий – от взглядов Платона до философии Ф. Ницше. Какую особенность символизма как литературного течения вы бы выделили?

Учебный кейс № 2. Тема «Философское направление лирики символистов»

Часть I.

1. Прочитайте стихотворения, дайте сравнительный анализ.

Владимир Соловьев

Милый друг, иль ты не видишь

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?
Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?
Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете –
Только то, что сердце сердцу
Говорит в немом привете?

1892 г. [4, с. 224].

Зинаида Гиппиус
Надпись на книге

Мне мило отвлеченное:
Им жизнь я создаю...
Я все уединенное,
Неявное люблю.
Я – раб моих таинственных,
Необычайных снов...
Но для речей единственных
Не знаю здешних слов...

1896 г. [9, с. 187].

1. Разграничьте два мира, которые поэты обозначили в своих стихотворениях.
2. Назовите черты реального мира. Какую характеристику дают ему поэты?
3. Каков второй мир? Запишите в столбик определения. Сравните миры в стихотворении В. Соловьева и З. Гиппиус. Составьте ассоциативную карту.
4. Какое явление поэтизируется лирической героиней в стихотворении «Мне мило отвлеченное»? Отношение лирической героини к данному миру?

Часть II.

1. На основе анализа стихотворений В. Соловьева и З. Гиппиус сделайте вывод о том, как символисты относились к слову. Выделите характерные черты символизма.
2. Напишите отзыв о роли символизма в русской литературе.
3. Составьте ассоциативный ряд «символ».

Учебный кейс № 3. Тема «Аудиальный код поэзии серебряного века»

Серебряный век русской культуры интегрировал различные формы творчества. Это явление объяснимо идейно-эстетической полифонией творческого мироощущения поэтов [10, с. 168]. В произведениях поэтов взаимодействуют различные виды искусств.

Прочитайте стихотворение:

А. Белый
Менуэт

Вельможа встречает гостью.
Он рад соседке.
Вертя драгоценную тростью,
стоит у беседки.
На белом атласе сапфиры.
На дочках – кисейные шарфы.
Подули зефиры –
воздушный аккорд
Эоловой арфы.
Любезен, но горд,
готовит изящный сонет
старик.
Глядит в глубь аллеи, приставив лорнет,
надев треуголку на белый парик.
Вот... негры вдали показались –
все в красном – лакеи...

Идет в глубь аллеи
по старому парку.
Под шепот алмазных фонтанов
проходят сквозь арку.
Вельможа идет для встречи.
Он снял треуголку.
Готовит любезные речи.
Шуршит от шелку

[4, с. 135].

1. Найдите информацию и подготовьте краткое сообщение о старинном французском танце.
2. Укажите черты старинного дворянского быта. Каким образом передается представление о двойственности мира?
3. Одним из самых чутких к живописи оказался А. Блок. Русские поэты-символисты считали, что «всякий символ музыкален» [9, с. 64]. Докажите, что в поэме «Двенадцать» А. Блока есть музыкальные созвучия.
 - *Задание для первой группы:* Прослушайте «Поэму огня» А. Скрябина. Сравните музыкальное произведение и поэму Блока «Двенадцать», определите нравственные черты поэмы.
 - *Задания для второй группы:* Прочитайте драматическое стихотворение А. Блока «Валькирия» и сравните с одноименной оперой Р. Вагнера.
 - *Задания для третьей группы:* Прочитайте стихотворение А. Блока «Голоса скрипок» (1910 г.). Произведите разбор стихотворения. Докажите, что в качестве ключевого образа используется музыкальный инструмент, являющийся определенным знаком невербального искусства.

Главным условием использования кейс-метода на занятиях является наличие противоречий, на основе которых формулируются проблемные ситуации, задачи и практические задания для обсуждения и нахождения оптимального решения. Для решения кейсов используются различные методики. Например, метод А. Долгорукова, который включает в себя пять этапов работы с кейсом:

1. Знакомство с ситуацией.
2. Выделение основной проблемы.
3. Предложение концепций.
4. Анализ последствий принятия решения.
5. Решение кейса – предложение одного или нескольких вариантов [7].

Учебные ситуации могут быть разные, но при любых их разновидностях работа учит студентов анализировать конкретную информацию, проследить причинно-следственные связи, выделить ключевые проблемы, обоснованно решать поставленную проблему. Учебная ситуация, соответствующая изучаемому разделу, формирует определенные профессиональные компетенции студентов.

Библиографический список

1. *Абаева Ф.Б.* Дидактические возможности метода case study в обучении студентов // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 1.
2. *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей. М., 1917.
3. *Безруких М.М.* Психологические основы эффективной организации учебного процесса. М., 2006.
4. *Белый А.* О символизме. Избранные работы. М., 2022.

5. *Блок А.А.* Сборник стихов. URL: [http:// iknigi.net/avtor-aleksandr-blok/35202-sbornik-stihov-aleksandr-blok/read/page-1.html](http://iknigi.net/avtor-aleksandr-blok/35202-sbornik-stihov-aleksandr-blok/read/page-1.html) (дата обращения: 10.06.2022).
6. *Гиппиус З.Н.* Я покорных и несчастных не терплю. Стихотворения 1889–1918 годов. М., 2022.
7. *Долгоруков А.М.* Метод case-study как современная технология профессионально-ориентированного обучения. URL: <https://evolkov.net/case/case.study.html> (дата обращения: 15.06.2022).
8. *Ермилова Е.* Теория и образный мир русского символизма. М., 2003.
9. *Жура М.В.* Интегративная роль музыки в культуре «серебряного века» // Альманах современной науки и образования: сборник научных трудов. Тамбов, 2009.
10. *Маранцман В.Г.* Содружество искусств на уроке литературы // Искусство анализа художественного произведения: пособие для учителей. М., 1971.

В.В. Крамер

магистр педагогических наук, аспирант

*Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт*

E-mail: Kramer.Vera2022@yandex.ru

РИТМИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОБРАЗОВ АЛЬБОМА В. МАЯКОВСКОГО «ГЕРОИ И ЖЕРТВЫ РЕВОЛЮЦИИ»*

П.А. Ворон

Аннотация. В статье впервые анализируются ритмические особенности стихотворных подписей к изображениям из альбома «Герои и жертвы революции». Полиметрия В. Маяковского носит не только классовый характер – разные ритмы служат для изображения разных слоев населения – но и повествовательный: лирический голос ритмически отграничивается от марша толпы.

Ключевые слова: поэзия, В. Маяковский, ритм.

RHYTHMIC CONDITIONALITY OF THE IMAGES OF V. MAYAKOVSKY'S ALBUM «HEROES AND VICTIMS OF THE REVOLUTION»

P.A. Voron

Abstract. This article analyzes for the first time the rhythmic features of poetic captions to images from the album «Heroes and Victims of the Revolution». The polymetry of V. Mayakovsky is not only class-based: different rhythms serve to depict different strata of the population, but also narrative: the lyrical voice is rhythmically delimited from the march of the crowd.

Keywords: poetry, V. Mayakovsky, rhythm.

Проблемой ритма поэзии В.В. Маяковского занимались такие выдающиеся специалисты, как М.Л. Гаспаров, А.Н. Колмогоров, Вяч.Вс. Иванов, Ю.Б. Орлицкий, Тарановский, Тимофеев, Никонов, Тренин и многие другие, однако вопрос об интерпретации ритмических особенностей стиха Маяковского остается открытым. В поэзии В.В. Маяковского наблюдается стремление разграничить голос автора и массы с помощью ритма. Лозунг, гимн и голос лирического героя имеют разное звучание. Дольник часто оказывается голосом толпы, звучащим, как лозунг, а более упорядоченный ритм сопровождается образностью, свойственной скорее лирическому герою, лирическому Я. Возможно, и разные «классы», социальные слои имеют разное и ритмическое, и визуальное оформление.

Впервые рассматривается альбом, вернее, папка из 19 несброшюрованных листов «Герои и жертвы революции», которая была выпущена в ноябре 1918 г. в Петрограде под грифом Отдела изобразительных искусств Комиссариата народного просвещения. Ее оформляли петроградские художники К.Л. Богуславская, И.А. Пуни, В.Н. Козлинский, С.Н. Маклецов. Подписи под рисунками принадлежали В.В. Маяковскому. «Эта папка развилась в будущем во весь революционный плакат. Для нас – главным образом в “Окна сатиры РОСТА”» [8, с. 279]. Альбом стал опытом агитационного лубка, правда, не обошлось скандала: Г.Е. Зиновьев потребовал уничтожить весь тираж, благодаря вмешательству А.В. Луначарского альбом

* Статья выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00-477-А).

все же был издан [7, с. 285]. На обложке было обозначено: «Октябрь, 1917–1918» (рисунки 1). Папку издали к первой годовщине Октябрьской революции, чем определено ее содержание. Герои (Рабочий, Красноармеец, Батрак, Матрос, Швея, Прачка, Автомобилист, Телеграфист, Железнодорожник) противопоставлены жертвам (Заводчик, Банкир, Помещик, Кулак, Барыня, Поп, Бюрократ, Генерал, Купец). Авторы были сотрудниками ИЗО Наркомпроса.

Владимир Иванович Козлинский – организатор петроградского отделения Окон РОСТА – участвовал в оформлении Петрограда к первой годовщине революции: им был создан эскиз панно для Литейного и Охтинского мостов. Кроме того, В.И. Козлинский был автором цикла линогравюр «Современный Петербург» (альбом подготовлен, но не издан), сохранились авторские оттиски, в них «гротеск сочетается с монументальностью образов».

Ксения Леонидовна Богуславская, как и Козлинский, вместе с Пуни участвовала в оформлении празднеств в Петрограде: Дворцовой площади к 1 мая 1918 г., Литейного проспекта и Охты к 7 ноября. До создания альбома «Герои и жертвы революции» она работала в сатирическом направлении с журналами «Бич» и «Красный дьявол».

С Пуни и Богуславской поэта связывали давнее знакомство и творческие отношения. В Куоккале в 1915 г. Маяковский читал жившему там Пуни отрывки из поэмы «Облако в штанах». 17(30) декабря 1917 г. В. Маяковский выступал с докладом на 2-й выставке со-

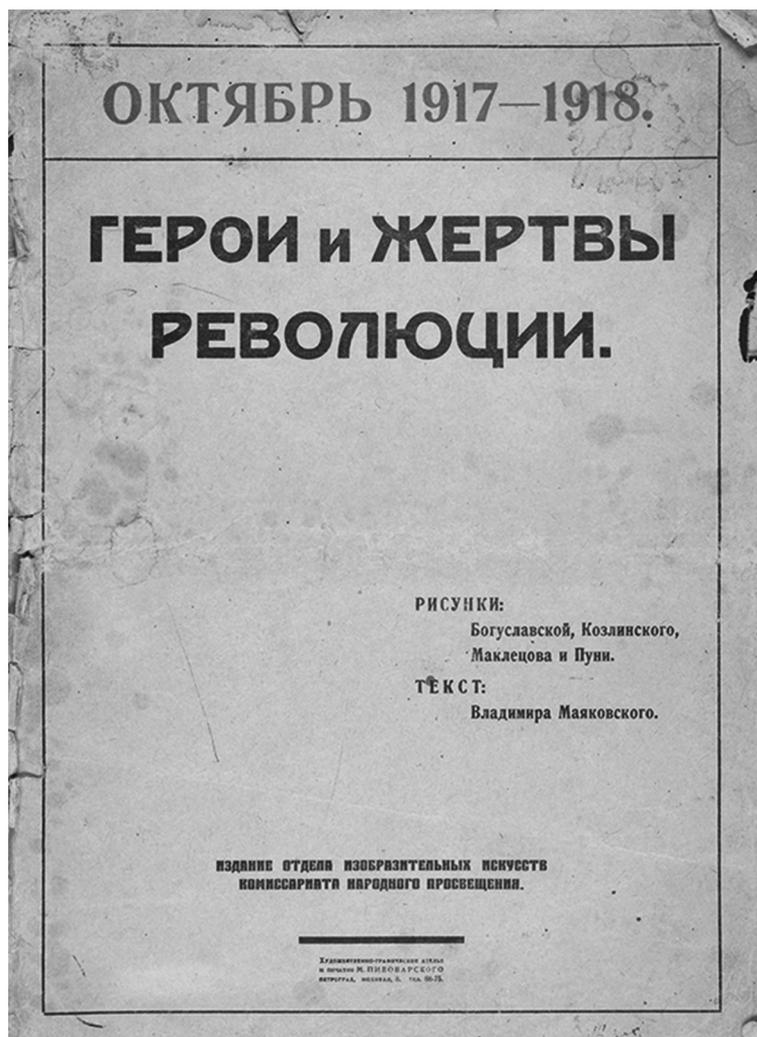

Рисунок 1

временного декоративного искусства «Вербовка», где экспонировались прикладные изделия, выполненные крестьянами села Вербовка Киевской губернии по рисункам К. Малевича, А. Экстер, Л. Поповой, О. Розановой, К. Богуславской, И. Пуни, Н. Давыдовой и других. Б. Лившиц вспоминал о доме И. Пуни и К. Богуславской: «Это была петербургская разновидность дома Экстер, только “богемнее”. У Пуни бывали мы все: Хлебников, Маяковский, Бурлюк, Матюшин, Северянин. Остроумная, полная энергии, внешне обаятельная Ксана Пуни очень скоро сумела оказаться центром, к которому тяготели влачившие довольно неуютное существование будетляне» [6, с. 197]. Сотрудничество Маяковского и Пуни предполагалось продолжить и после папки «Герои и жертвы». 5 декабря 1918 г. на заседании коллегии Отдела изобразительных искусств Наркомпроса В. Маяковский выступал с докладом от имени Литературно-издательской секции о программе выпуска иллюстрированных изданий. Планировалось в том числе издание двух сборников В. Маяковского: «Для детков» и «Издательства» (с сатирическими стихами). Первую книгу предполагалось иллюстрировать рисунками художников Н. Альтмана, Д. Штеренберга и В. Козлинского, с которым В. Маяковский работал над альбомом «Герои и жертвы революции». Впоследствии В.И. Козлинский будет работать в петроградской мастерской РосТА.

С. Маклецов, очевидно, был привлечен Иваном Пуни, с которым учился в школе Карла Мая. В 1918 г. Маклецов поступил в Петроградские художественные мастерские. В научном архиве РАХ в Санкт-Петербурге дело Маклецова хранится под номером ф. 7 оп. 8 дело 789, всего 8 листов.

Сергей Николаевич Маклецов родился 4 сентября 1893 г. в Саратове. В феврале 1918 г. был демобилизован с должности «команд. артистов 171 зап. пех. полка». 14 сентября 1918 г. написал заявление о приеме в ПГСХУМ сперва в мастерскую Петрова-Водкина, затем 29 января 1919 г. перевелся в мастерскую без руководителя. В 1918 г. проживал по адресу: Усачев пер. (сегодня это пер. Макаренко), д. 3, кв. 32. 24 января 1920 г. написал заявление об исключении из списков ПГСХУМ «ввиду невозможности регулярного посещения занятий»*.

Некоторые приемы кубизма и супрематизма, ярко развившиеся в «Окнах», можно заметить уже в альбоме: плоскостное изображение фигуры в листе «Генерал», геометрия в оформлении листов «Автомобилист» и «Барыня», кубистическое разложение формы в пейзаже в листе «Поп», интерьер в листе «Кулак». Примечательна реплика из революционной хрестоматии футуристов «Ржаное слово»: «Буржуазия возвела в поэтический культ – мелкую сентиментальную любвишку – гармоничный пейзаж – портрет благороднейших представителей класса. Соответствующе и слова ее – нежны – вежливы – благородны». Н.И. Харджиев считал, что «художники иллюстрировали подписи Маяковского», то есть первичным был перечень персонажей и тексты, вербальный ряд диктовал визуальному. Вероятность такого хода работы подтверждается тем, что в текстах не учтено изображенное. Например, «Банкир» в тексте показан как жертва: торгует селедками. На рисунке, напротив, банкир показан в обстановке собственной конторы, как в прежние времена.

В 1975 г. Харджиев предложил свое определение авторства рисунков: «В папке – 18 литографированных “одноцветных плакатов” (по определению Маяковского), из которых только три снабжены полной авторской подписью С. Маклецова (“Батрак”, “Телеграфист”, “Помещик”) и один – инициалами В. Козлинского (“Матрос”). Остальные плакаты анонимные. На основании стилистического анализа мне удалось установить, что две наиболее выразительные литографии (“Прачка” и “Барыня”) принадлежат Ивану Пуни. Правильность моей атрибуции была впоследствии удостоверена К. Пуни-Богуславской. По устному сообщению художницы, рисунок “Рабочий” сделан ею совместно с И. Пуни. Ею же сделаны

* Благодарим за предоставленные сведения Алексея Николаевича Родионова.

следующие рисунки: “Красноармеец”, “Банкир”, “Кулак”, “Бюрократ”, “Генерал”, “Купец”. Кроме “Матроса” В. Козлинскому принадлежат: “Швея”, “Автомобилист”, “Железнодорожник”, “Заводчик”, “Поп”» (рисунки 2–3) [10, 154]. Пролетарии и военные, совершившие Октябрьскую революцию, противопоставлены ее жертвам – буржуазии, мещанам. Таково прямое, плакатное использование идиомы, в отличие от пьесы «Мистерия-буфф», в которой в идентичной позиции «чистые» и «нечистые» персонажи обозначены противоположным образом: жертвы («чистые») – это буржуи всех наций, а герои («нечистые») – это рабочие. В перечне героев альбома четверо совпадают с персонажами «Мистерии-буфф»: Батрак, Швея, Прачка, Шофер (Автомобилист).

В эскизах И. Пуни для панно к годовщине Октябрьской революции (ГРМ) очевидна близость построения фигур Красноармейца, Рабочего и для соответствующих листов альбома. Среди эскизов В. Козлинского также есть изображение фигур Рабочего, Батрака, схожие с персонажами альбома. Этим косвенно подтверждается одновременность замысла и выполнения данных работ.

В альбоме представлены не только графические различия в оформлении характеров «героев» и «жертв», но и ритмические. Подписи в нем Маяковский называл частушечными. Примечательно, что также «частушечно», хореически, оформлены в ритмическом отношении все подписи В. Маяковского в издательстве «Сегодняшний лубок», «организованном Г.Б. Городецким (типолитография С.М. Мухарского), вместе с К.С. Малевичем, Д.Д. Бурлюком, В.Н. Чекрыгиным, И.И. Машковым, А.В. Лентуловым. Маяковский написал стихотворные подписи ко всем военным лубкам и проиллюстрировал три из них, а также нарисовал лубки для почтовых карточек» [9, с. 91].

Рисунок 2

Рисунок 3

Большинство текстов о «героях» в альбоме написано дольником (4 из 9) или тактовиком (2 из 9), и лишь в листе «Матрос» имеется хореическая подпись. Лист «Швея»:

Довольно купчихам строчить тряпицы.
Золотом знамя теперь расшей-ка!
Октябрь идет, пора торопиться.
Вперед, швейка!

Возможно, разность звучания заключается не только в дифференциации персонажей по классовому признаку. Неклассические размеры у «героев» звучат как марш, вспомним, что «Наш марш» Маяковского уже стал классическим примером употребления дольника. Марш – направленный в будущее голос, и одновременно – призыв грядущего: «Выше, гордых голов гряда!». Примечательно, что листы «героев» изобилуют призывами, глаголами в повелительном наклонении, картинками будущего: «расшей-ка!», «промой-ка!», «знамя рдеется», «вперед, швейка!». Красной нитью в этих листах проходит идея труда: «дело красноармейца», «потрудилась для дела», «иди прополаскивать», «слал депеши». Образ «героев» ритмически воплощает маршевый дольник, а идее будущего трудового подвига соответствует и свой жанр, если можно так выразиться, жизнеутверждающее звучание марша.

«Жертвам» уготована иная участь – в этих листах господствуют смех, сатира, обличение. В ритмическом оформлении «жертв» революции преобладают четкие силлабо-тонические размеры: 6 хореев, 2 ямба и лишь 1 дольник. Их визуальные образы гипертрофированы и наследуют традиции лубка, а силлабо-тоническое звучание подписей такое же частушечно-сатирическое, как и подписи к военным лубкам. Как представляется, точно размеренные традиционные силлабо-тонические размеры здесь закрепляют сатирический, обличительный характер текста. Эти листы насыщены гиперболизированной образностью – «кулак, как пуд», «бочки коньяку лакал», встречается и сниженная лексика улиц, которой нет у «Героев» – «капут», «сдох», «кукиш».

Очевидно, листы, посвященные «жертвам», стилистически схожи – это оскорбительные, колкие частушки, сопровождаемые карикатурными визуальными образами:

У кого кулак, как пуд?
Кто свињи щекастей?
Отобрали все, – капут
помещичьей касте.

Кажется, Маяковский, говоря о том, что альбом развился потом во весь революционный плакат, имел в виду в первую очередь листы с «жертвами».

Таким образом, на примере стихотворных подписей в папке «Герои и жертвы революции» мы видим внутреннюю связь и художественную обусловленность их ритмического многообразия.

Полиметрия – одна из отличительных черт поэзии В.В. Маяковского. Как правило, поэт сочетает тонические и силлабо-тонические формы. М.Л. Гаспаров отмечал, что полиметрия «обычно мотивируется переменной темы, эмоций, точки зрения, в конечном счете интонации» [3, с. 137]. Некоторые особенности полиметрии В. Маяковского, связанные с переменной авторского голоса, интонации на хор толпы, строя, наблюдались нами в поэтохронике «Революция» [1].

Систематический характер полиметрии Маяковского, как представляется, имеет не только при смене социальных пластов, но и при перемене голоса говорящего. Так, в поэме «Хорошо!» ритмические изменения подкрепляют переход от одного говорящего к другому: 1-я главка – всецело авторский голос; 2-я главка открывается «ропотом» из тюрьмы («лесенка» отмечена косой чертой):

Кончайте войну! / Довольно! / Будет! / В этом голодном году – /
невмоготу.

Врали: / «народа – свобода, / вперед, / эпоха, / заря...» –
и зря.

Весь гул голосов написан дольником и сменяется авторским амфибрахическим голосом:

То громом, / то шепотом / этот ропот
сползал / из Керенской / тюрьмы-решета,
В деревни / шел / по травам и тропам,
в заводах / сталью зубов скрежетал.

Перемена интонации, перемена голосов подкрепляется ритмически. Начало авторской речи – «то громом, / то шепотом / этот ропот» – изобилует гласным «о», что несколько замедляет темп начавшейся авторской речи. Как отмечала С.Г. Вышеславцева: «...преобладание вокализма с обилием зияний не ускоряет стих, облегчая артикуляторные процессы <...>, но тоже несколько замедляет его» [2, с. 247].

Отмечается тематическая обоснованность ритма: «...в поэме “Хорошо!” метрический контраст социальный, даже культурный. Тонические формы для автора поэмы – революционные, с их помощью преимущественно следует изображать новый мир; силлабо-тонические – “буржуазные”, исторически связанные с прошлым России <...>. Поэтому в поэме при изображении представителей буржуазной России Маяковский использует силлабо-тонические вставки» [11, с. 135]. Представляется, ритмические изменения связаны не только с идеологией, с изображаемым, но и с говорящим. В 3 главке «полиметрия подчеркивает переход от повествования к характеристике А.Ф. Керенского» [11, с. 135]. Кажется, полиметрия поддерживает в том числе и переход к «чужой речи» речи «адъютантика»:

Он сам / опьянен / своею славой
пьяней, / чем сорокаградусной.
Слушайте, / пока не устанете,
как щебечет / иной адъютантик:

Последний стих повествования – анапест. В записной книжке эта строка звучала: «как хвастает иной адъютантик». В конечном варианте – три чистых анапестических стопы. Дальнейшая речь адъютанта – дольник, тяготеющий к логоэду:

Такие случаи были –
он едет / в автомобиле.
Узнавши, / кто / и который, –
толпа / распрягла моторы!

Примечательно, что первые три стиха речи адъютанта идентичны друг другу. Речь персонажа сменяется амфибрахическим авторским повествованием (с 2 по 4 стих):

В аплодисментном / плеске
премьер / проплывает / над Невским,
и дамы, / и дети-пузанчики
кидают / цветы и розанчики.

Примечательно, что авторская речь снова начинается вокализмом, сонорными -л- и -м-: «носовые “н” и “м” представляют собой звуковую среду, особенно благоприятствующую всяким замедлениям и задержаниям» [2, с. 247].

В 6 главке переход от авторской речи к «чужой» речи подкрепляется, по нашему представлению, переходом от дольника к хорею.

А в Смольном, / в думах / о битве и войске,
Ильич / гримированный / мечет шажки,

да перед картой Антонов с Подвойским
втыкают / в места атак / флажки.

Приведенный фрагмент – дольник и речь автора. Далее – хорей и речь толпы:

Лучше / власть / добром оставь,
никуда / тебе / не деться!

Ото всех / идут / застав
к Зимнему / красногвардейцы.

Замечательно, что каждому персонажу, уточненному ли до личности или же собира-
тельному, как толпа, поэт дает не только слово, но и ритм.

Работа над поэмой «Хорошо!» отразилась в записных книжках № 39–44. П.И. Лавут
вспоминал о чтении этого произведения В. Маяковским: «Просто, строго и вместе с тем
широко, вдохновенно читал Маяковский первые строки “Хорошо!”»:

Время – вещь необычайно длинная, – были времена – прошли былинные.

Потом – переход к едва заметной напевности:

Это время гудит телеграфной струной, это сердце с правдой вдвоем. Это было с бой-
цами, или страной, или в сердце было в моем.

В первой половине второй главы, приглушенно-отдаленным голосом, отрывисто и на-
пряженно выделялась каждая строка:

“Кончайте войну! Довольно! Будет! В этом голодном году – не вмоготу”.

Последнее слово как бы “отбрасывалось”» [5, с. 39].

По воспоминаниям Лавута заметно, что поэт интонировал разные голоса: авторский/
лирический и толпы/эпический.

В статье А.Н. Колмогорова «К изучению ритмики Маяковского», являющейся ответом
и уточнением статьи А.М. Кондратова «Эволюция ритмики В.В. Маяковского», есть неболь-
шое замечание о разграничении голосов в поэме «Про это»: «Ритм главки “Друзья” поэмы
“Про это” весьма интересен. <...> После четверостишия “Полоса. Щели...” метру правильно-
го четырехугольника подчиняются лишь ремарки автора» [4, с. 65]. В той же главке «Друзья»,
как замечает А.Н. Колмогоров, «прямая же речь “друзей” нарочито аритмична» [4, с. 66].
Как представляется, ритмы В. Маяковского имеют не только тематические разграничения,
но и повествовательные. Ритмически разграничивается автор и толпа, точнее – лирический
герой и голос масс, ритмы меняются в связи с идеологией персонажа. Ритмическая образ-
ность в альбоме «Герои и жертвы революции» подкрепляется и графической образностью.

Библиографический список

1. Ворон П.А. Финальное сокрушение ритма (по записным книжкам В. Маяковского) // Вестник
Литературного института им. А.М. Горького: для гранта РФФИ № 20-012-00477а «Поэтика и тек-
стология записных книжек В.В. Маяковского (1917–1930)» (в печати).
2. Вышеславцева С.Г. О темпе стиха // Звучащая художественная речь: Работы Кабинета изучения
художественной речи (1923–1930). М., 2018.
3. Гаспаров М.Л. Русский стих начала XX века в комментариях. М., 2001.
4. Колмогоров А.Н. К изучению ритмики Маяковского // Вопросы языкознания. 1964. № 4.
5. Лавут П.И. Маяковский едет по Союзу: Воспоминания. М., 1969.
6. Лившиц Б. Полутороглазый стрелец. М., 2002.
7. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников: библиография. М.,
2005. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг.
8. Маяковский В.В. Только не воспоминания // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. М.,
1955–1961. Т. 10.

9. *Михаленко Н.В.* Религиозные мотивы в «Сегодняшнем лубке» и «Окнах РОСТА и Главполитпросвета» В.В. Маяковского // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 4.
10. *Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде. М., 1997. Т. 2.
11. *Чернец Л.В., Семёнов В.Б., Скиба В.А.* Школьный словарь литературоведческих терминов. М., 2002.

П.А. Ворон

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

E-mail: psklyadneva@gmail.com

В. МАЯКОВСКИЙ И С. ПРОКОФЬЕВ: К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ ПОЭТА И КОМПОЗИТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПРОМТОВ В. МАЯКОВСКОГО И ДНЕВНИКА С. ПРОКОФЬЕВА)*

Т.А. Купченко

Аннотация. Статья рассматривает три экспромта В. Маяковского, адресованные С. Прокофьеву. Экспромты показывают, что музыка Прокофьева и эксцентрическая манера исполнения ее композитором, необычность его внешнего облика воспринимались футуристической средой как соприсродные ей. Выступление Прокофьева в футуристическом Кафе поэтов было неслучайным. Анализ текстов экспромтов сделан с привлечением ранних стихов Маяковского («Флейта-позвоночник», «Скрипка и немножко нервно», «Ничего не понимают»), мемуаров футуриста В. Каменского и воспоминаний авангардной художницы В. Ходасевич. Последняя рассказывает о возможном проекте сотрудничества Маяковского с С. Дягилевым, постоянным заказчиком Прокофьева. Экспромты Маяковского дополнены дневниковыми записями композитора, воссоздающими контекст встреч с поэтом на протяжении более десяти лет. Дневники показывают эстетическую, артистическую и человеческую общность, которую ощущали поэт и композитор, выражаемую ими в важном для обоих образе солнца. Последние записи связаны с предложением Вс. Мейерхольда Прокофьеву написать музыку к комедии «Клоп» и восприятием композитором последней пьесы Маяковского «Баня». Вс. Мейерхольд, В. Маяковский и С. Прокофьев оказываются тесно связанными деятелями левого авангардного искусства, стремящимися утвердить его значимость в советской действительности.

Ключевые слова: В. Маяковский, С. Прокофьев, Вс. Мейерхольд, солнце, С. Дягилев, экспромт, авангардная музыка, «Клоп», футуризм.

V. MAYAKOVSKY AND S. PROKOFIEV: ON THE HISTORY OF RELATIONS BETWEEN A POET AND A COMPOSER (BASED ON V. MAYAKOVSKY'S IMPROMPTU WORKS AND S. PROKOFIEV'S DIARY)

Т.А. Kupchenko

Abstract. This article considers three impromptu works by V. Mayakovsky addressed to S. Prokofiev. The impromptu show that Prokofiev's music and the composer's eccentric manner of performing it, the unusualness of his appearance were perceived by the futuristic environment as connatural to it. Prokofiev's performance at the futuristic Cafe of Poets was not accidental. The analysis of the impromptu texts was made based on Mayakovsky's early poems («Flute-spine», «Violin and a little nervously», «They don't understand anything»), the memoirs of the futurist V. Kamensky and the memoirs of the avant-garde artist V. Khodasevich. The latter tells about a possible project of cooperation between Mayakovsky and Diaghilev, Prokofiev's regular customer. Mayakovsky's improvisations are supplemented by the composer's diary entries recreating the context of meetings with the poet for more than ten years. The diaries show the aesthetic, artistic and human commonality that the poet and the composer felt and expressed as the sun, which was important for both of them. Recent entries are related to Meyerhold's suggestion to Prokofiev to compose music for the comedy «Bedbug» and the composer's perception of Mayakovsky's last play «Banya». V. Meyerhold,

* Статья выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00-477-А).

V. Mayakovsky and S. Prokofiev turn out to be closely connected figures of the left avant-garde art scene, striving to establish its significance in Soviet reality.

Keywords: Mayakovsky, Prokofiev, Meyerhold, the sun, Diaghilev, impromptu, avant-garde music, «Klop», futurism.

Экспромты являются одним из важнейших автобиографических источников жизни В.В. Маяковского. По ним можно судить о круге общения писателя и манере обращения в разных литературных кружках и салонах. Так как экспромт является по преимуществу устным жанром, за исключением случаев записей в альбом, дарственных надписей, записок и т.п., зачастую его источником становятся воспоминания современников. Интересной и малоизученной страницей остаются три экспромта В. Маяковского, посвященные композитору С. Прокофьеву, о двух из которых мы знаем по записям в его дневнике. Они позволяют раскрыть историю отношений футуриста и авангардного композитора.

«От вас, //которые влюбленностью мокли...»* (22 марта 1918 г. – по дате в автографе.)

«Сергей Сергеевич играет на самых нежных нервах Владимира Владимировича» (22 марта 1918 г. по дате в автографе Маяковского в альбоме С. Прокофьева; надпись на портрете-шарже, сделанном Маяковским в Кафе поэтов 22 марта 1918 г. Не сохранился) [4, с. 154].

«Председателю земного шара от секции музыки – председатель земного шара от секции поэзии, Прокофьеву Маяковский» (март 1918 г. на основе дневника С. Прокофьева [7, с. 12], [4, с. 154]; несохранившийся автограф на книге «Война и мир», по-видимому, Пг.: Парус, [декабрь]1917 г. (см. [10, с. 74].

Музыка для футуриста Маяковского играла важную роль. На представлении в театре «Луна-парк» в 1913 г. футуристическое искусство являло не только драму (трагедия «Владимир Маяковский»), но и оперу – знаменитая «Победа над солнцем» композитора М. Матюшина и поэта А. Крученых, синтезирующая музыку, слово и живопись (автор декораций – К. Малевич).

Стихия музыки родственна лирической поэзии. В древние времена стихи исполнялись под аккомпанемент струнного музыкального инструмента. Поэзия, как и музыка, имеет своим источником ритм. Маяковский ощущал эту связь актуальной для себя. В статье «Как делать стихи», он прямо говорит об этом: «Я хожу, размахивая руками и мыча еще почти без слов, то укорачивая шаг, чтоб не мешать мычанию, то помычиваю быстрее в такт шагам.

Так обстругивается и оформляется ритм – основа всякой поэтической вещи, проходящая через нее гулом. Постепенно из этого гула начинаешь вытискивать отдельные слова» [5, т. 12, с. 100]. В поэзии Маяковского много музыкальных образов, таких как знаменитая «флейта водосточных труб». Иногда в поэтический текст напрямую вставлены ноты: запись танго в «Войне и мире».

Сам Маяковский прояснял свои отношения с музыкой следующим образом: «Между мной и музыкой древние контры. Бурлюк и я стали футуристами от отчаянья: просидели весь вечер на концерте Рахманинова в “Благородном собрании” и бежали после “Острова мертвых”, негодуя на всю классическую мертвечину» [5, т. 4, с. 228].

Насколько футуристическая поэзия – это поэзия города, городских вывесок, кафе, лавок, уличного шума, ритма шагов на мостовой («Левой! // Левой! // Левой!» в «Левом марше» 1918 г.), настолько и новая музыка рождается из резких звуков и шумов («есть еще хорошие

¹ Беловой автограф чернилами на 1 л. с. 10х17,5. Запись в альбоме С.С. Прокофьева. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1929. Оп. 1. Ед. хр. 1050. Л. 19. [8].

буквы: //Эр, // Ша, // Ща.» – в «Приказе по армии искусств», 1918 г.), странных слияний, обрывков речи («У-// лица.// Лица // у» – «Из улицы в улицу», 1913 г.). Непривычный звуковой облик футуристической поэзии рождает небывалые смещенные рифмы, футуристическое внутреннее склонение слов («окну лечу» – поэма «Человек», 1916–1917 г.).

В 1922 г., во время пребывания Маяковского в Париже, в записной книжке № 18*, бывшей с ним в этой поездке, поэт среди множества имен деятелей французского искусства – Кокто, Франса, Пруста, Матиса, Дерена, списка произведений И. Стравинского – записывает названия произведений Прокофьева:

- «1) Бабушкины сказки
- 2) Марш из любви к трем апельсинам
- 3) Романс
- 4) Мимолетности
- 5) 3<-й> концерт»

Эту запись поясняет текст очерка, который он пишет по приезде в Россию: «Мне ближе С. Прокофьев – дозаграничного периода. Прокофьев стремительных, грубых маршей» [5, т. 4, с. 229].

Современные исследователи отмечают контрастность как одну из отличительных черт творчества композитора, называя те самые произведения, которые записаны в записной книжке Маяковского:

«У Прокофьева поэтика контраста проявилась с удивительной наглядностью в самых различных сторонах его творчества, выказывая в нем единство реалистических и романтических начал <...> Вспомним столкновения его “разрушительных”, “варварски” жестоких и яростных образов, с одной стороны, и образов утра и весны, светлой девической лирики, наивной детской непосредственности и чистоты – с другой: “Наваждение” или “Сарказмы”, первая часть Седьмой или (еще резче выражено!) первая часть Шестой фортепианных сонат, – и, с другой стороны, “Сказки старой бабушки”, ряд “тихий” лирических “Мимолетностей”, медленные средние части тех же сонат, Девятая соната <...> композитор показывает взаимозависимость всех этих контрастных образов, обнажая особенно характерные для нашего времени взаимопроникновение и взаимодействие всех разноречивых сторон жизни» [1]. Нетрудно заметить, что эта характеристика сближает творчество С. Прокофьева с творчеством В. Маяковского.

Прокофьев был не только выдающимся композитором-новатором, но и пианистом-виртуозом с особенной запоминающейся резкой манерой. Его фортепианные произведения и стиль его исполнения влияли друг на друга. Точно так же можно сказать и о Маяковском с его особенной манерой исполнения собственной поэзии, которой он учил актеров, занятых в его пьесах, начиная с самой первой трагедии «Владимир Маяковский». Прокофьев был азартен, любил играть в шахматы и карты, одевался и выглядел часто эксцентрично. Его волосы рыжего цвета напоминают о лирическом герое ранней поэзии Маяковского, который приходит к парикмахеру («Сумасшедший! Рыжий!» из «Ничего не понимают» 1913 г.). Он любил стричься очень коротко, почти брить голову, что было необычно в те времена, и также напоминает о более позднем образе Маяковского: «Перед театром я остриг голову под нулевой номер... В театре вся компания так и фыркнула при моем лысом виде и все время возмущалась и потешалась этой фантазией» (запись от 24 апреля 1913 г.) [9, ч. 2].

О впечатлении, которое производила на Маяковского музыка Прокофьева, можно судить по мемуарам В. Каменского о вечере в Кафе поэтов 22 марта 1918 г.:

² Государственный музей В.В. Маяковского. Р–196.

«Рыжий и трепетный, как огонь, он вбежал на эстраду, жарко пожал нам руки, объявил себя убежденным футуристом и сел за рояль. <...>

Маэстро для начала сыграл свою новую вещь “Наваждение”.

Блестящее исполнение, виртуозная техника, изобретательская композиция так всех захватили, что нового футуриста долго не отпускали от рояля.

Ну и темперамент у Прокофьева!

Казалось, что в кафе происходит пожар, рушатся пламенеющие, как волосы композитора, балки, косяки, а мы стояли, готовые сгореть заживо в огне неслыханной музыки.

И сам молодой мастер буйно пылал за взъерошенным роялем, играя с увлечением стихийного подъема.

Пер напролом.

Подобное совершается, быть может, раз в жизни, когда видишь, ощущаешь, что мастер “безумствует” в свержэкстазе, будто идет в смертную атаку, что этот натиск больше не повторится никогда» [2, с. 257–258].

С. Прокофьев становится для Маяковского тем, кто воплощает подлинный футуристический авангард в музыке, о чем свидетельствует несохранившаяся дарственная надпись «Председателю земного шара от секции музыки – председатель земного шара от секции поэзии, Прокофьеву Маяковский».

Знаменательно, что первое посвящение Прокофьеву сделано в такой форме. Композитор стал членом «Общества Председателей земного шара» или «Союза 317», учрежденного Велимиром Хлебниковым в конце 1915 г. Председателями также были сам В. Хлебников, В. Маяковский, Вяч. Иванов, Д. Бурлюк, С. Маковский, В. Каменский, Н. Асеев, Р. Ивнев, Д. Петровский, М. Кузмин.

Интерес был взаимным. О первом знакомстве в апреле 1917 г. остались воспоминания самого Прокофьева:

«Познакомился я с футуристом Маяковским, который сначала несколько испугал меня своею грубой порывистостью, но потом он высказал мне прямейшее расположение, заявив, что придет ко мне и серьезно поговорит со мною, так как я пишу замечательную музыку, но на ужасные тексты, на всяких Бальмонтов и прочих, и что ему надо познакомить меня с настоящей современной поэзией. Далее я оказался первым и даже единственным современным композитором, а так как русская музыка идет во главе всего мира, то мы должны соединиться: он от литературы, я от музыки и Бурлюк от живописи, и тогда мы покорим мир. Я ответил: “обязательно” и “очень рад”» [9, ч. 1, с. 645]. В феврале 1917 г. перед знакомством с Прокофьевым Маяковский был на концерте композитора. «На мой концерт собрались решительно все, Рахманинов, Метнер, Кусевицкий, Купер, Бальмонт, Маяковский, Боровский, Игумнов, Кошиц, словом, вся музыкальная Москва. Говорят, такой публики здесь давно не видели» [9, ч. 1, с. 637].

В марте 1918 г. С. Прокофьев приезжает в Москву для оформления бумаг, связанных с его предстоящим путешествием в США. В это время «знакомство углубилось, я довольно много играл ему, он читал стихи и на прощание подарил свою “Войну и мир” с надписью: “Председателю земного шара от секции музыки – председатель земного шара от секции поэзии, Прокофьеву Маяковский”» [4, ч. 1, с. 152].

«Я очень хотел бы повидать Маяковского. Я, конечно, не футурист, но мне нравятся контакты с ними, да и они меня хотят считать своим (19 марта 1918)» [4, ч. 1, с. 689]. Сам композитор о вечере вспоминал так: «Чествование (неожиданное) у футуристов в кафе поэтов. Маяковский, Каменский, Бурлюк. Председатель земного шара. <...> Я считаю их людьми, в которых есть свежесть и что-то интересное, хотя много грубого и бутафорского» [4, т. 1, с. 690].

«Кафе поэтов» было открыто футуристами В. Каменским, Д. Бурлюком, В. Маяковским, В. Гольцшмидтом осенью 1917 г. в Москве на углу Тверской улицы и Настасьинского переулка, в здании, принадлежавшем булочнику Филиппову (просуществовало до 14 апреля 1918 г.) как пространство для «тесного объединения новых поэтов, художников», где они «могли бы постоянно встречаться и демонстрировать произведения в обстановке товарищеского собрания» [2]. Так что приглашение Прокофьева в этот клуб было неслучайным.

Впечатление композитора от поэзии Маяковского и его личности также зафиксировано в его дневнике:

«Третьего мая я был на вечере Маяковского, а пятого на Игоре Северяnine, обоих слушал в первый раз. Хотя до сих пор я знал очень многое, почти все, из сочинений Северянина и многое мне очень нравилось, а Маяковского совсем не знал, а если что знал, то это мне не нравилось, но при личном слушании эффект получился обратный: Игорь своим слащавым популярничанием и мяуканием как-то опошил и расслабил крепкий экстракт некоторых талантливых блесков, которыми пересыпаны его стихи, Маяковский же наоборот, как-то скрепил в одно крепкое целое все свои разбросанные и как бы бестолковые фразы. Он читал энергично, с типичным футуристическим натиском, несколько грубоватым, но весьма убедительным» (3 мая 1917 г.) [9, ч. 1, с. 645, 649].

Тогда же, в Кафе Маяковский пришел в восторг от «Наваждения» (1908–1912 гг.) Прокофьева, характеризуемого критиками того времени как «скачку страшных всадников степей», «неистовую драку разъяренных горилл». Прокофьев попросил сделать поэта запись в своем альбоме «Деревянная книга», в котором он собирал автографы знаменитых людей. Всех своих известных друзей и знакомых просил ответить на один и тот же вопрос: «Что вы думаете о Солнце?». «<...> и как все эти “кавалеры Деревянной книги” будут застигнуты этим вопросом врасплох, но вместе с тем – какое поле для ответов!» [9, ч. 1, с. 593]. Солнце композитор считал одной из главных тем своей жизни и творчества (так как родился в селе Сонцовка Екатеринославской губернии), а критики называли его «солнечным композитором».

В ответ Маяковский цитирует строки из поэмы «Облако в штанах»:

От вас,
которые влюбленностью мокли,
от которых в столетия слеза
лилась,
уйду я,
Солнце моноклем
Вставляю в широко растопыренный
глаз!

Солнце как футуристический образ, как нечто принадлежащее внешности (у лирического героя Маяковского солнце моноклем, а Прокофьев носил очки – что отражено, например, на карандашном портрете Матиса 1921 г., сделанном в период работы с Дягилевым) и темпераменту обоих показывает соприродность композитора и поэта.

Маяковский также нарисовал портрет композитора, на котором сделал надпись: «Сергей Сергеевич играет на самых нежных нервах Владимира Владимировича» (не сохранились). Этот афоризм раскрывает близость двух творческих личностей, что подчеркнуто из «удвоенными» именами. Она также содержит аллюзию на раннее стихотворение В. Маяковского «Скрипка и немножко нежно» (1914 г.), в котором скрипка затрагивает самое сердце лирического героя, восклицающего: «Знаете что, скрипка? // Мы ужасно похожи...» [5, т. 1, с. 68–69].

Снова Маяковский с Прокофьевым увиделись в Париже в 1922 г. Об обстоятельствах встречи вспоминает художница Валентина Ходасевич, которая наряду с Д. Бурлюком, Г. Яку-

ловым, В. Татлиным, В. Лентуловым, М. Ларионовым и Н. Гончаровой, принимал участие в росписи стен и потолка подвального «Кафе поэтов». Встреча была связана со сложностью продления пребывания Маяковского во Франции. Несмотря на полученную месячную визу, поэту предписывают покинуть страну в несколько дней из-за опубликованных в «Известиях» нелицеприятных стихах о премьер-министре Р. Пуанкаре. Писатели и поэты Парижа встают на защиту Маяковского. С.П. Дягилев, у которого уже нет своей антрепризы, присматривается к возможности работы в Советской России, для чего впоследствии просит Маяковского помочь ему с визой, но ему все же отказывают. Маяковский, как и Прокофьев, кажется ему близким художником, он рассматривает планы общей работы:

«Отказ в визе Маяковскому был сенсацией в художественных кругах Парижа... Советовали Маяковскому повидаться с Дягилевым, пригласив его пообедать в каком-нибудь очень хорошем ресторане. Владимиру Владимировичу это показалось забавным, да и зол он был на префектуру.

– Мне звонили. Есть шансы, что ваше дело уладится. Немного погодя обещали позвонить еще раз, и я думаю, что все будет в порядке. А вот и у меня к вам есть дело: я обдумываю еще одно предприятие, кроме балета, – “Обозрение”, автором которого вижу только вас!<...>

– Лучшие артисты всех специальностей будут участниками этого грандиозного спектакля. Все должно быть первоклассным. Основа – музыка, стихи, зрелище. Это не должно быть искусством только ради красоты – те времена уже прошли. Надо найти что-то совсем, совсем новое, и я верю, что только вы, Маяковский, это найдете! а деньги под это дело найду я!

Конечно, идея такого всемирного “Обозрения”, как бы она ни была неправдоподобна, очень захватила Владимира Владимировича, и чувствовалось, как в его воображении уже зарождаются мысли-образы будущего “Обозрения”, а Дягилев так увлекся своей идеей, что появилось в нем даже что-то хлестаковское. <...>

Визу Маяковскому продлили по распоряжению де Монзи (кажется, он министр иностранных дел), который сказал: “Il faut faire voir cette queue a Paris”. Маяковский уехал из Парижа только в конце декабря 1924 года» [11].

Прокофьев к тому времени уже давно входит в круг Дягилева. Он пишет по его заказу балет «Шут» (1921 г., художников выступил М. Ларионов), оперу «Любовь к трем апельсинам» (1922 г.). Дягилев организует его заграничные концерты. Позже, в 1927 г., по заказу импрессарио, Прокофьев создаст балет о советской России «Стальной скок» (1927 г.) и впервые за девять лет приедет в Россию.

«Из Парижа я решил возвращаться домой, сделав маленький крюк через Берлин, куда ехали Кусевицкий, Дягилев, Стравинский. <...> Довольно интересной встречей в Берлине была встреча с Маяковским. Маяковский который ужасный апаш я всегда боюсь: а вдруг ударит? (так, ни с того ни с сего), очень благоволил к Дягилеву, и они каждый вечер проводили вместе, яростно споря, главным образом о современных художниках. Маяковский, который, конечно, ничего не признает, кроме своей группы художников-футуристов, только что приехал из России и имел в виду заявить миру, что мир отстал, а что центр и будущее в руках московских художников. Их выставка как раз была открыта в Берлине. Но тут в Дягилеве он нашел опасного оппонента, ибо Дягилев всю жизнь возился с новым искусством и знал, что за последнее время сделано за границей; Маяковский же просидел все последние годы в Москве, а потому никакой его нахрап не мог переспорить веских доводов Дягилева. Дягилев под конец даже стучал руками по столу, наседая на Маяковского. Следить за этими спорами было очень любопытно. Я держался с Маяковским очень сдержанно, но он ко мне явно благоволил и почему-то априорно не любил Стравинского. Его попытки доказать Дягилеву, что я настоящий композитор, а Стравинский ерунда, тоже оказались неубедительными, так как и тут для аргументаций Маяковский был недостаточно вооружен. Зато чем Маяковский

одержал истинную победу, так это своими стихами, которые он прочел по-маяковски, грубо, выразительно, с папироской в зубах. Они привели в восторг и Стравинского, и Сувчинского, и Дягилева; мне они тоже очень понравились. Вся группа нередко соединялась, чтобы ругать меня хором за то, что я пишу на Бальмонта и Брюсова. Я, чтобы подразнить Маяковского, скромно прибавил: “Вот я еще на Ахматову написал”, – на что Маяковский ответил, что иногда приятно похвастаться, что вот, мол, вы все говорите мне одно, а я делаю другое! Но мои поэты так плоски, что и хвастаться тут нечем. Дягилев вождественно поддерживал Маяковского» [9, ч. 2, с. 205–206].

В январе 1927 г. А. Луначарский в Москве показал Прокофьеву журнал «Леф». Вновь возникла тема эстетической близости Прокофьева и Маяковского, восприятия их на одной стороне искусства:

«Луначарский вытаскивает первый номер “ЛЕФа”, – новый журнал, издаваемый Маяковским. ЛЕФ – означает левый фронт. Луначарский объясняет, что Маяковский считает меня типичным представителем “ЛЕФа”. – Тем полезнее вам послушать, – прибавляет он, – обращение Маяковского, помещенное в этом номере. Затем Луначарский не без увлечения и очень неплохо читает письмо в стихах Маяковского Горькому. Письмо в самом деле остро, а некоторые формулы в стихах просто хороши. Идея: почему, мол, Алексей Максимович, когда столько работы в России, вы проживаете где-то в Италии? Весьма назидательно по отношению ко мне, и Луначарский, окончив чтение, смеясь, рекомендует мне оценить это стихотворение. Я его спрашиваю, какое положение в литературном мире занимает Маяковский. Он отвечает, что очень хорошее, хотя некоторые и не прочь просунуть трость в калитку и подразнить “ЛЕФа”» [9, ч. 2, с. 469].

Следующая встреча состоялась в ноябре 1928 г. в Париже. Буквально днями раньше Прокофьев общается с С. Дягилевым и Вс. Мейерхольдом, который в это время был во Франции для поправки здоровья и подготовки гастролей своего театра (состоялись в 1930 г.). Режиссер вел переговоры с композитором о постановке оперы «Игрок» в Большом театре. Первоначально она готовилась к постановке в 1916 г., но премьеру помешали революционные события. Попытка возвращения к опере в 1922 г. также оказалась неудачной. В это же время Маяковский работал над пьесой «Клоп» для театра им. Вс. Мейерхольда, которую писал по заказу режиссера. Драма должна была спасти театр, пребывающий в кризисе из-за политических разногласий с культурной политикой государства («Последний раз обращаюсь твоему благоразумию. Театр погибает. Нет пьес. От классиков принуждают отказаться. Репертуар снижать не хочу. Прошу серьезного ответа: можем ли мы рассчитывать получить твою пьесу в течение лета...») [6, с. 174]). В Париже у поэта развивался роман с Татьяной Яковлевой, племянницей художника Александра Яковлева. Интересно, что в эту встречу Маяковского с Прокофьевым вновь возник образ солнца, связывающий композитора и поэта, и через него – их особенного дара и недостижимости для остальных.

«Вечером у Самойленко, к которым в первый раз привели Маяковского. Я был рад посмотреть на него, не выдав его чуть ли не со времени его битвы с Дягилевым в Берлине в России лишь мельком). Маяковский такой же огромный детина, только поглубже легли складки на лице по сравнению с тем, когда он был “красивый, 22-летний”. Он влюблен в племянницу Саши-Яши, красивую и развязную девицу, и она привела его к Самойленко <...> Под конец вечера я упрямил Маяковского прочесть стихи, что он сделал бесподобно и громогласно. Но новые, лирические стихи, посвященные этой Татьяне – слабые, зато хороша “Ванна” и старое “Солнце”. Дукельский закричал, что это дивно и что он вдохновлен писать на “Солнце” ораторию. Я:

– Ну куда вам, Дементий! Лучше я напишу о солнце, а вы про самовар в стихах говорите про самовар).

Дукельский не сдался:

– Самовар иногда блестит больше солнца.

Я:

– Но пока что его отражает.

Все засмеялись. На прощание я расцеловался с Маяковским. Он на всех произвел впечатление, хотя в нем есть какая-то напряженность и тяжесть» [9, ч. 2, с. 651].

Следующая встреча произошла 11 апреля 1929 г. в Париже в том же доме близких друзей Прокофьева. Композитор отказывался от предложения Мейерхольда написать музыку к пьесе «Клоп»: «Очень интересно, но если приму Ваш заказ, не успею закончить балет Дягилеву, поэтому принужден отказаться» [3]. Пьеса ему кажется чужеродной. Обращает также на себя внимание, что в дневниковой записи Прокофьев подробно записывает розыгрыш, суть которого ему разъяснял Маяковский – композитор сам любил устраивать подобные вещи.

«Вечером были у Самойленок “на Маяковском”, который читал отрывки из “Клопа”, пьесы, к которой Мейерхольд предлагал мне написать музыку. В пьесе есть хорошие моменты, но есть остроты просто невыносимые – и тут видно, какая пропасть лежит между Россией и заграницей! В пьесе Маяковского какой-то новый, невероятный мир, мне чуждый. Однако на это надо смотреть спокойнее. Ведь и раньше был мир Островского, тоже совсем особый, от которого хотелось на свежий воздух. Так, верно, и из мира “Клопа” самим же действующим лица хочется вон, на волю! Маяковский сквозь грубость был мягок, хотя и не мог не поломаться. Вызывал всех в шашки на поддавки: играть не на деньги, а на унижение. Я совсем не умею играть в поддавки, но из четырех партий одну выиграл, хотя и не “на унижение”. Маяковский объяснял, как меряют на аршин дурака. Для этого кладут в боковой карман катушку, а кончик нитки продевают в петлю на отвороте пиджака. Приятель подходит и услужливо снимает вам ниточку. Нитка тянется и он тянет все больше, пока не догадается. После этого меряют вытянутый кусок, который тем длиннее, чем дольше приятель не догадался».

Позже, в записи от 14 ноября 1929 г., впечатление от пьесы подтверждается: «Иду на “Клопа”. Я его уже кусочками слышал от Маяковского в Париже, и тогда впечатление было скорее неприятное. Сейчас я убедился, что в самом деле пьеса грубая, а с точки зрения сцены не слишком изобретательная» [9, ч. 2, с. 689].

Также не принималась Прокофьевым и пьеса «Баня». 30 октября 1929 г. в Москве он присутствовал на вечере в клубе 1-й Образцовой типографии, организованном редакцией журнала «Даешь», где Маяковский читал свою пьесу:

«Снова у Мейерхольда. Разговоры о Большом театре. Приходит Маяковский. (Одежда шелковая рубашка? Во всяком случае очень чистая). Едем к печатникам читать “Баню”. Новенький “Рено”. Оказывается, привез из Парижа. Мы на эстраде. Маяковский, как всегда, читает превосходно, орет. Пьеса лучше “Клопа”, много остроумия, менее тяжелого, но особенно конец. Мейерхольд говорит – хуже. Рабочие, полурбочие. Разные мнения, интересно. Один начинает тихонько, но отчитывает Маяковского за непонятность; другой, конфузясь, защищает и благодарит» [9, ч. 2, с. 726].

«Для меня идеалов нет. Только после смерти вы будете говорить, какой замечательный поэт умер. <...> То, что “Баню” вы считаете лучше “Клопа”, показывает, что я “Клопом” несколько поднял ваш вкус к драматическим вещам» [5, т. 12, с. 397] – говорил в своем выступлении Маяковский.

В итоге к «Клопу» музыку написал Д. Шостакович, а к «Бане» – авангардный композитор В. Шебалин, который входил в футуристическую литературно-художественную группу «Червонная тройка» и был близким другом Прокофьева.

«Маяковский ломается, я назвал его тенором и получил дерзость. Я:

– Вот я играл и не ломался, а у вас замашки тенора.

Маяковский:

– Но вы меня просите читать, а я не просил вас играть.

Затем он читает “Ванн” (“фу, как глупо выходит, невозможно читать”). “Ванн” очень ловко. Затем “Баню”. Но это скучно» [9, ч. 2, с. 733].

Между тем, пьеса «Баня» была очень важна для Маяковского в той обстановке политической опалы, в которой он оказался, и неудача с ней стала одной из причин его тяжелого настроения, приведшего к самоубийству.

Депрессивное состояние Маяковского также нашло отражение в записях композитора. За негативной оценкой поведения поэта видна обеспокоенность, которую оно вызывает и у него, и у Мейерхольда:

«Мейерхольд про Маяковского: Маяковский все-таки провинциал; его вчерашнее ломание – не что иное как глубокий провинциализм» [9, ч. 2, с. 734].

Интересно, что и Прокофьев, и Маяковский, и Мейерхольд стремились в это время к одному – укрепить свое творческое влияние, свои позиции в советском искусстве. Покидая СССР, Прокофьев отмечал: «Жаль расставаться с СССР. Цель поездки достигнута: я ясно и определенно укрепился» (19 ноября 1929 г.) [9, ч. 2, с. 736].

Последняя запись в дневнике композитора о Маяковском касается самоубийства поэта:

«Но невероятная новость: самоубийство Маяковского! Из-за женщины, неужели Татьяны? Не может быть! Вернее, тут многое: и творческие, и политические конфликты, и, может быть, женщина, если верно то, что говорят газеты» (17 апреля 1930 г.) [9, ч. 2, с. 770].

В 1936 г. Прокофьев переезжает в СССР, предварительно поместив свои дневники на хранение в сейф в США и больше никогда не ведет их. Он становится классиком советской музыки, как Маяковский посмертно – классиком советской литературы.

Библиографический список

1. Дельсон В. Прокофьев. Фортепианное творчество // Бельканто. URL: https://www.belcanto.ru/prokofiev_pianomusic.html (дата обращения: 16.07.2022).
2. Каменский В. Путь энтузиаста. М., 1931.
3. Катанян В.А. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985.
4. Мартынов И.И. Сергей Прокофьев. Жизнь и творчество. М., 1974.
5. Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. М., 1955–1961.
6. Мейерхольд В.С. Статьи, письма, речи, беседы. Часть вторая. М., 1968.
7. Прокофьев С.С. Автобиография. // Прокофьев С.С. Материалы, документы, воспоминания. М., 1961.
8. Прокофьев С.С. Деревянная книга. М., 2009.
9. Прокофьев С.С. Дневник 1907–1933: в 2 ч. Paris, 2002. Ч. 1. 1907–1918. Ч. 2. 1919–1933.
10. Россомехин А. Альбом-каталог прижизненных книг В. Маяковского // Россомехин А. Магические квадраты русского авангарда: случай Маяковского. СПб., 2012.
11. Ходасевич В. Маяковский в Париже // Ходасевич В. Портреты словами. URL: <https://biography.wikireading.ru/262778> (дата обращения: 15.07.2022).

Т.А. Купченко

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

E-mail: tkurchenko@gmail.com

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ КОМПРЕССИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Е.В. Лупанова, Т.И. Щербак

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики функционирования фразеологических единиц в новостных текстах современных средств массовой информации. На материале публикаций крупнейших информационных агентств США и Великобритании в социальной сети Твиттер анализируется компрессирующая функция фразеологизмов в медиадискурсе. Сама природа фразеологизма предполагает семантическую компрессию: выраженные изначально свободными словосочетаниями смыслы преобразуются в постоянные семантические единицы, делая высказывание устойчивым. Использование устойчивых оборотов в текстах новостных публикаций не только сокращает объем высказываний без потери смысла, но и дополняет их семантику вербально невыраженными национально-культурно обусловленными реалиями и символами. Способность фразеологизмов транслировать заложенные в их семантику символические, оценочные и культурные смыслы позволяет фразеологии военного происхождения выполнять компрессирующую функцию в медиадискурсе, сокращая публикацию до требуемых социальной сетью Твиттер объемов. За счет присутствующей у фразеологизма как особого знака языка и культуры символического потенциала и образности, устойчивые обороты в новостных публикациях в социальной сети Твиттер ярко демонстрируют направленность на оказание воздействия на сознание массового адресата, как текстообразующий фактор языка средств массовой информации.

Ключевые слова: фразеологизм, языковая компрессия, медиадискурс, семантика, национально-культурная специфика, воздействие.

PHRASEOLOGY AS A MEANS OF LINGUISTIC COMPRESSION IN CONTEMPORARY MEDIA DISCOURSE

E.V. Lupanova, T.I. Shcherbak

Abstract. This article is devoted to the study of the specific functioning of phraseological units in the news texts of modern media. The compression function of phraseological units in media discourse is analyzed based on the publications of the largest news agencies in the United States and the United Kingdom in the social network Twitter. The very nature of phraseology implies semantic compression: the meanings expressed initially by free word combinations are transformed into permanent semantic units, making the expression fixed. The use of set phrases in the texts of news publications not only reduces the volume of statements without loss of meaning, but also complements their semantics with verbally unexpressed nation and culture-bound realities and symbols. The ability of phraseological units to convey the symbolic, evaluative and cultural meanings embedded in their semantics allows the phraseology of military origin to perform a compressive function in media discourse, reducing the publication to the volumes required by the social network Twitter. Thanks to a phraseological unit possessing the symbolic potential and imagery as a special sign of language and culture, the set phrases in the news publications on the social network Twitter clearly demonstrate the orientation to influence the consciousness of the mass recipient, as a text-forming factor of the language of mass media.

Keywords: phraseology, linguistic compression, media discourse, semantics, national-cultural specificity, impact.

Отличающий современную геополитическую обстановку рост дезинтеграционных процессов, основанный на конфликтах политико-идеологических интересов государств,

фокусирует внимание лингвистов на специфике коммуникативного пространства субъектов международного права.

Противоборство идеологий и политических систем, наиболее наглядно проявляющееся в средствах массовой информации (СМИ), обуславливает необходимость и актуальность анализа воздействующего потенциала лексики и фразеологии СМИ.

Связанная с технологизацией населения развитых стран стремительно возрастающая популярность социальных сетей и увеличение их роли в современном медиaprостранстве обеспечили повсеместную представленность информационных агентств на всех онлайн-платформах, в частности, в Твиттере. Объектом данного исследования являются новостные сообщения, публикуемые англо-американскими СМИ в их прошедших верификацию Твиттер-аккаунтах.

В своем исследовании новостных сообщений медиадискурса США и Великобритании в социальной сети Твиттер мы ставим целью выявление особенностей функционирования в языке СМИ нового поколения фразеологии военного происхождения с входящими в ее образное основание древнейшими архетипами, символами и стереотипами мышления.

Материалом исследования послужили новостные публикации на страницах в Твиттере ведущих американских и британских информационных агентств: ABC News, BBC News, CBS News, CNBC, CNN International, Financial Times, Fox News, Military Times, NBC News, Reuters, Shephard News, Stars and Stripes, The Associated Press, The Guardian, The Independent, The New York Times, The Telegraph, The Wall Street Journal, The Washington Post, The White House, Time, USA TODAY.

Методологическую основу исследования составляет лингвокультурологический метод, с помощью которого осуществляется интерпретация заложенных в семантику фразеологизма смыслов для определения роли и функций устойчивых оборотов в языке СМИ нового поколения.

Сетевые новости обладают особенностями, обусловленными спецификой Интернет-коммуникации. Получение информации с экрана монитора, «сканирование информации» вместо последовательного чтения, соединяющие множество материалов в единую сеть гиперссылки, – все это диктует свои правила размещения информации [2, с. 272]. Сетевые новостные тексты как базовые тексты медиaprостранства должны отвечать законам Интернет-среды, к одному из которых относится принцип компрессии, или «сжатого текста».

Особое значение в условиях компьютерно опосредованной коммуникации имеет принцип экономии языковой деятельности, роль которого увеличивается в силу давления временного фактора и определенных технологических ограничений среды [1].

Стремление к экономии речевых ресурсов выражается применением меньшего количества лингвистических средств для передачи большего объема информации [6]. В масс-медийном дискурсе закон экономии усилий реализуется с помощью языковой компрессии морфологического, лексического, синтаксического и семантического уровней.

В основе механизма языковой компрессии лежит сокращение плана выражения текста с сохранением в полном объеме его плана содержания. Такого рода редукция менее значимой информации делает текст лаконичным, динамичным, обогащает его имплицитными смыслами [5, с. 40].

Априори свойственное новостным изданиям масс-медиа стремление к экономии языковых средств усиливается в текстах новостных сообщений в Твиттере спецификой данной социальной сети, система которой ограничивает количество публикуемых символов в одном посте.

Мы склонны полагать, что фразеология в новостных сообщениях в Твиттере выступает одним из средств языковой компрессии. Например, в публикации агентства Reuters «*U.S. arms sales to UAE draw fire from 29 rights groups*» [12] включение в состав высказывания фразе-

ологического оборота *draw fire* вместо развернутого определения идиомы ‘стать мишенью чьих-либо нападков, вызывать критику’ продиктовано стремлением к языковой экономии.

Сама природа фразеологизма предполагает семантическую компрессию: выраженные изначально свободными словосочетаниями смыслы преобразуются в постоянные семантические единицы, делая высказывание устойчивым. Доказательством компрессирующей функции фразеологии в новостных публикациях в Твиттере служат тексты изданий на их домашних страницах, где информация представлена более развернуто в виде статей. Приведем в качестве примера новостную публикацию в Твиттере:

– Reuters: *Europeans, Iran to **cross swords** at nuclear talks* <https://reut.rs/2YlQpr0> [12].

По встроенной в состав сообщения гиперссылке читатель переходит на официальную страницу новостного агентства, на которой размещена статья, заголовочный комплекс которой гласит: «*European powers will demand Iran stop violating their nuclear deal or potentially face renewed U.N. sanctions, but with Tehran locked in conflict over U.S. sanctions, there appears to be little scope for compromise when they meet on Friday*» [11]. Очевидно, что использование фразеологизма *cross swords* ‘скрестить мечи; вступить в борьбу, ожесточенно спорить’ [10], наряду с эллипсисом структурного элемента *to be going* конструкции, выражающей в английском языке намеренное действие в будущем *to be going to do smth*, значительно сокращает новостное сообщение с 38 до восьми символов без потери основного содержания сообщения.

Выполняемая устойчивыми оборотами компрессирующая функция в медиадискурсе не отменяет роли фразеологизмов в качестве средств эмоционального воздействия на аудиторию, усиливая персуазивный эффект использования в речи языковых средств фразеологического фонда. Фразеологизмы, как проводники культуры, апеллируют в сознании читателя к целой галерее образов и смыслов, имеющих непосредственное отношение к культуре, истории, географии, мировоззрению этноса [3, с. 63]:

- Reuters: *Pakistan army chief says ready to **bury hatchet** with India for peace* <http://reut.rs/3lupaWL>;
- The Independent: *Marcos Rojo heading to Boca Juniors as Manchester United **clear the decks***;
- The Telegraph: *Debenhams plans to close 22 stores next year in a bid to **stay afloat**. Here's the full list of locations being shuttered* [12].

Использование устойчивых оборотов *bury hatchet* ‘заключить мир, помириться, прекратить вражду [индейцы при заключении мира зарывали боевой топор в землю]’ [10], *clear the decks* ‘приготовиться к чему-л. (к каким-л. действиям, борьбе и т.д.) [этим. мор. приготовиться к бою]’ [10], *stay afloat* ‘остаться на плаву’ [9] в текстах новостных сообщений имеет экстралингвистический характер и дополняет содержание высказывания вербально невыраженными, национально и культурно обусловленными смыслами, понятными носителям английского языка и представителям германского этноса: традиции североамериканских индейцев зарывать топор в знак перемирия и богатая история мореплавания и его значение в военно-политической и экономической жизни Великобритании.

Компрессия представляет собой протекающий на всех уровнях языковой (речевой) структуры процесс, в результате которого наблюдается существенное сокращение плана выражения высказывания при полном сохранении плана содержания. При этом функциональная значимость процесса речевой компрессии обусловлена не только реализацией принципа речевой экономии, но и стремлением к повышению экспрессивности высказывания [7, с. 6]:

- Reuters: *BOJ set to **hold fire**, extend fund programmes to counter pandemic blow* <http://reut.rs/3p3PkjK>;
- Task & Purpose: *US bombs its own ammo dump in Syria as most troops **beat a hasty retreat** from the country* <http://bit.ly/2IXoEih> via @JeffSchogol;

- ABC News: *Thousands of British tourists beat a hasty retreat from France, packing out planes, trains and ferries to return to the U.K. by the early hours of Saturday morning to avoid a mandatory 14-day quarantine at home;*

The Independent: *The EU is poised to steal a march on the UK in the hunt for a post-#Brexit trade deal with India, as Boris Johnson announced only an «enhanced partnership» with Delhi* [12].

Во внутренней форме фразеологизмов *hold fire* ‘повременить, не торопиться [этим. воен. прекращать огонь]’ [8], *beat a hasty retreat* ‘дать тягу/деру (поспешно удалиться)’ [8] и *steal a march on smb.* ‘1) воен. опередить противника, совершить марш скрытно от противника; 2) незаметно обогнать, опередить кого-л.; обмануть чью-л. бдительность’ [10] заключены образы прекращения ведения огня и военной команды «Прекратить огонь!» и специфики ведения боевых действий. При этом каждый из устойчивых оборотов обладает коннотацией, наделяющей идиомы дополнительными смыслами в пространстве культуры и позволяющей авторам новостных сообщений имплицитно выразить оценочное отношение к описываемым событиям.

Использование устойчивых оборотов в текстах новостных публикаций не только сокращает объем высказываний без потери смысла, но и дополняет их семантику вербально невыраженными национально-культурно обусловленными реалиями и символами:

- Military.com: *Iraq Official: Shiite Militia Will Lay Down Arms*: <http://mil-com.me/ymnIoT>;
- Reuters: *South Syrian rebels lay down arms as Assad seizes crossing* <https://reut.rs/2Nxw0th> [12].

В семантике фразеологизма *lay down arms* ‘складывать оружие, сдаваться, капитулировать [этим. воен.]’ [10] заключены представления о трусости человека, принявшего решение сдать на поле боя, что наделяет устойчивый оборот имплицитно выраженной пейоративной оценочностью. В любой культуре трусость и нерешительность вызывает негативные эмоции. В фразеологизмах военного происхождения неприятие малодушия проявляется особенно ярко в силу особых требований к твердости, даже определенной жесткости личности, предъявляемых к характеру военнослужащего [4, с. 203].

Подводя итог, следует отметить, что способность фразеологизмов транслировать заложенные в их семантику символические, оценочные и культурные смыслы, позволяет фразеологии военного происхождения выполнять компрессирующую функцию в медиадискурсе, сокращая публикацию до требуемых социальной сетью Твиттер объемов. За счет априорно присутствующей у фразеологизма как особого знака языка и культуры символического потенциала и образности, компрессирующая функция, выполняемая фразеологизмами военного происхождения в новостных публикациях в Твиттере, ярко демонстрирует направленность на оказание воздействия на сознание массового адресата, как текстообразующий фактор языка СМИ.

Библиографический список

1. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии // Текстология.ru. URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=206> (дата обращения: 01.07.2022).
2. Кузьмина Н.А. Современный медиатекст. Омск, 2011.
3. Лупанова Е.В. Универсальные образы в семантике фразеологизмов военного происхождения русского и английского языков // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 2.
4. Лупанова Е.В. Фразеологизмы военной тематики как средство создания отрицательного образа представителя англо-американского армейского социума // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4.
5. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии: конспект лекций. Пермь, 1984.

6. *Серебрянников Б.А.* Законы развития языка // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/159a.html> (дата обращения: 10.07.2022).
7. *Сухова Е.А.* Эволюция видов лексической компрессии в истории функциональных стилей французского языка (на материале языка прессы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
8. Academic.ru. URL: <https://translate.academic.ru/hold%20fire/en/ru/> (дата обращения: 07.07.2022).
9. Farlex Dictionary of Idioms. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/stay+afloat> (дата обращения: 10.07.2022).
10. Large English-Russian phrasebook. URL: https://large_phrasebook_en_ru.academic.ru/ (дата обращения: 10.07.2022).
11. Reuters. URL: <http://www.reuters.com/article/iran-nuclear-talks-idUKL8N28F5GO> (дата обращения: 24.06.2022).
12. Twitter. URL: <https://twitter.com/> (дата обращения: 11.07.2022).

Е.В. Лупанова

*кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка (основного)
Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: katerina.lupanova9751@yandex.ru*

Т.И. Щербак

*соискатель кафедры английского языка (основного)
Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации
E-mail: sherbak91@rambler.ru*

ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНЫХ ОТСЫЛОК В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ СУБТИТРОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОГО ВОЕННОГО СЕРИАЛА «THE LIBERATOR»)

И.В. Балканов, И.А. Мурог

Аннотация. Статья посвящается исследованию способов перевода культурных отсылок в межъязыковом субтитровании – одной из малоизученных областей письменного перевода. В качестве материала исследования выступает американский военный мини-сериал «The Liberator», в котором содержится большое количество отсылок к политической системе, системе общественных отношений, обычаям и традициям, предметам быта, географическим названиям и истории США первой половины XX в. Культурные отсылки в кинотексте существуют на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях языковой системы. Первая часть отсылок знакома как носителям культуры исходного языка, так и носителям культуры языка перевода, что обуславливает использование переводчиком приема дословного перевода. Вторая часть незнакома адресату, что требует от переводчика применения одной из стратегий перевода культурных отсылок – пояснение, культурная адаптация, опущение и обобщение – анализ которых и предпринимает автор настоящей статьи.

Ключевые слова: киноперевод, межъязыковое субтитрование, культурная отсылка, дословный перевод, пояснение, культурная адаптация, опущение.

TRANSLATION OF CULTURE-BOUND ITEMS IN INTERLINGUAL SUBTITLING (AS EXEMPLIFIED IN THE LIBERATOR, AN AMERICAN MILITARY MINISERIES)

I.V. Balkanov, I.A. Murog

Abstract. This article probes into the techniques and methods of translation of culture-specific items in interlingual subtitling, an insufficiently researched area of linguistics and translation studies. The material for the study is The Liberator, an American military miniseries that contain a large number of references specific to the political system, social relations, customs and traditions, everyday domestic items, geographic locations and history of the USA of the first half of the 20th century. There are lexical, syntactic, and stylistic culture-specific items exist in film texts. Some of them are known to both the source and the target language culture bearers. These are usually translated and subtitled on a word-for-word basis. Some are not known to the target language culture and is translated in accordance with one of the strategies of translation of culture-specific items – explanation, cultural adaptation, omission and generalization. The article analyzes these translation strategies applied in the translation of subtitles of the above-mentioned miniseries.

Keywords: film translation, interlingual subtitling, culture-specific item, word-for-word translation, explanation, cultural adaptation, omission.

Субтитр – это текст, который появляется на экране либо на исходном языке аудиовизуального произведения (внутриязыковое субтитрование), либо на языке перевода (межъязыковое субтитрование). В отличие от киноперевода способом дубляжа и закадрового озвучивания, перевод способом субтитрования задействует визуальный канал восприятия информации адресатом: исходная звуковая дорожка дополняется письменным текстом [4; 11].

Недостаточная изученность субтитрования с позиций переводоведения и активное использование данного вида киноперевода крупными стриминговыми сервисами (Netflix,

Amazon Prime, HBO, и др.) при локализации своей продукции обуславливают актуальность настоящего исследования.

В качестве материала исследования выбран мини-сериал «The Liberator» стриминговой платформы Netflix, повествующий о событиях Второй мировой войны. Сериал снят по книге А. Кершоу «Освободитель: 500-дневная одиссея одного солдата Второй мировой войны от пляжей Сицилии до ворот Дахау». Его анализ даст ученым возможность осмыслить современный взгляд американского общества и киноиндустрии на историю Второй мировой войны, выявить лингвистические и экстралингвистические приемы и тактики речевого воздействия и, в конечном итоге, выработать эффективные приемы, способы, тактики и стратегии информационного противодействия. Тема Второй мировой войны не утратила своей актуальности: она вызывает интерес у разных возрастных групп и социальных слоев, находит отражение в многочисленных литературных произведениях, фильмах и сериалах, компьютерных играх, материалах СМИ и публикациях в социальных сетях. При освещении актуальных событий в стране и мире западные и отечественные СМИ и социальные сети зачастую используют культурные отсылки к истории войны середины XX в. – Великой Отечественной и Второй мировой.

Особенности киноперевода способом субтитрования. При работе с субтитрами переводчик учитывает ряд взаимосвязанных лингвистических, экстралингвистических и технических особенностей данного вида киноперевода. Размер поля субтитра ограничен двумя строками текста, что не препятствует восприятию визуального ряда адресатом. Средняя скорость чтения субтитров составляет от 150 до 180 слов в минуту и напрямую зависит от сложности передаваемой информации, видеоряда и особенностей исходного языка или языка перевода. Субтитр отображается на экране не менее полутора и не более шести секунд, синхронизируется с видеорядом, исчезает и появляется одновременно с репликой персонажа [8; 9]. Данные особенности киноперевода требуют проведения сопоставительного анализа исходного текста и текста перевода в целях разработки стратегий перевода кинотекста способом субтитрования [1; 6; 12]. При этом одной из самых сложных задач при кинопереводе способом субтитрования является перевод культурных отсылок, которые «содержат подробную информацию об ассоциациях, которые те или иные слова вызывают у носителей языка» [2].

В теории перевода данной проблеме уделяется не так много внимания. П. Ньюмарк полагает, что процесс перевода направлен на замену письменного сообщения и/или устного высказывания на языке оригинала равнозначным сообщением и/или высказыванием на языке перевода [10], а В.Н. Комиссаров называет перевод видом языкового посредничества, «при котором на языке перевода создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении» [3]. Мы полагаем, что создание коммуникативно равнозначного текста невозможно без знакомства адресата с культурным контекстом, вокруг которого строится исходный текст. В процессе киноперевода способом субтитрования переводчик не может создавать сноски и примечания к тексту перевода и зачастую лишен возможности использовать описательный перевод: ограничения по количеству знаков и времени нахождения субтитра на экране затрудняют погружение адресата в такой контекст и вынуждают лингвистов искать новые нестандартные решения.

Известны два типа культурных отсылок: культурные отсылки, знакомые получателю информации, и культурные отсылки, с которыми получатель сталкивается впервые [2; 12]. Первый тип культурных отсылок в исходном тексте легко передать в тексте перевода: названия стран и городов, фамилии современных политических деятелей и т.п. Второй тип культурных отсылок основан из глубоких знаниях культуры носителями исходного языка

и не учитывает культурную осведомленность носителей языка перевода. Переводчик испытывает затруднения как при переводе отдельных слов и словосочетаний, так и при решении проблемы функционального стиля текста перевода (перевод диалогов, передача лексических единиц территориальных и социальных диалектов исходного языка в языке перевода с учетом ограничений, существующих в культуре языка перевода). Мы считаем, что адаптация текста перевода к нормам языка перевода зависит от передачи в языке перевода культурных отсылок, так как культура общества есть «совокупность материальных и духовных ценностей, созданных людьми на протяжении веков, достигнутый человечеством уровень исторического развития, степень цивилизованности общества, интеллектуального, духовного развития, гуманистического мировоззрения» [5]. Способ выражения мысли человеком в конкретной коммуникативной ситуации свидетельствует о его принадлежности к той или иной культуре.

Методы перевода культурных отсылок в кинопереводе способом субтитрования. Известны несколько путей решения проблемы перевода культурных отсылок при субтитровании [1; 8; 11]: дословный перевод; пояснение; культурная адаптация исходного текста к языку перевода; опущение; и обобщение.

В начале XXI в. метод дословного перевода (word-for-word translation) получает активное распространение: глобализация и построение цифрового общества объясняют переход лексических единиц английского языка в другие языки [1; 4]. При переводе кинотекста способом субтитрования применяются различные приемы дословного перевода – транслитерация, транскрипция, калькирование и транспозиция [8]. Мы полагаем, что названные приемы перевода следует использовать с осторожностью, предварительно удостоверившись (например, с помощью национального корпуса русского языка) в том, что культурная отсылка вошла в язык перевода и не потребует обращения адресата к источникам справочной информации.

При использовании пояснения переводчик описывает культурную отсылку исходного текста средствами языка перевода так, чтобы сделать ее понятной для целевой аудитории. Пояснение занимает значительную часть поля субтитра и вынуждает переводчика опускать другие лексические единицы исходного текста, чтобы избежать нарушения синхронизации субтитра и звукового ряда [12].

Культурная адаптация (полная или частичная) трансформирует отсылку исходного текста к эквивалентной ей культурной отсылке в языке перевода, что используется например, при переводе воинских званий, названий профессий и предметов быта. При полной адаптации происходит замена лексической исходного текста эквивалентной ей лексической единицей текста перевода, при частичной адаптации – замена нейтральной единицей (перевод фразеологизмов, пословиц и поговорок) [8; 11; 12].

При переводе кинотекста достаточно часто используются приемы опущения и сокращения по причинам экономии места в поле субтитра и увеличения времени для осмысления визуального ряда и текста субтитра зрителем [11].

В дальнейшем мы проанализируем приемы перевода, использованные для решения проблемы перевода культурных отсылок мини-сериала «The Liberator». Отметим, что Д. Диаз-Цинтаж и другие исследователи [8; 9; 12] выделяли три уровня культурных отсылок – лексический (слова и словосочетания), синтаксический (предложение и текст) и стилистический (различия функциональных стилей). В частности, на лексическом уровне они выделяют следующие категории культурных отсылок:

Категория 1. Отсылки к объектам материальной культуры.

Категория 2. Отсылки к объектам социальной и политической организации общества.

Категория 3. Отсылки к историческим событиям.

Категория 4. Отсылки к географическим реалиям.

Категория 5. Отсылки к произведениям искусства и культуры [8].

Результаты исследования. Проведенное исследование выявило в сериале «The Liberator» более 500 культурных отсылок. На лексическом уровне в исходном кинотексте преобладают отсылки к географическим названиям (более 200, в основном используемые при описании театра боевых действий, предыстории персонажей) и историческим событиям (более 150, в основном относящиеся к событиям американской истории (Великая депрессия, Война за независимость, Гражданская война и др.). Для их перевода использованы приемы дословного перевода и пояснения, если это позволяет сделать темп повествования. Прием культурной адаптации применяется при переводе команд, единиц измерения и воинских званий («master sergeant» – «старший сержант»): система званий военнослужащих рядового и сержантского состава вооруженных сил США адаптируется к системе воинских званий российских вооруженных сил.

Для перевода диалогов (разговорный стиль) переводчик прибегает к приемам замены или опущения, что позволяет исключить из текста перевода ненормативную и табуированную лексику, которой насыщен исходный текст. Впрочем, перевод диалогов не всегда однозначен и может стать предметом отдельного исследования.

Разберем несколько интересных на наш взгляд примеров перевода культурных отсылок.

Исходный текст (The Liberator, Episode 1): *«On July 10th, 1943, a unit from Oklahoma composed of Mexican-Americans, Native Americans, and Dust Bowl cowboys, most of whom couldn't drink together in the same bars back home, landed in Sicily and began a brutal 500-day trek through Nazi-occupied Europe. This is the story of those men. A group of soldiers known as the Thunderbirds».*

Текст перевода: *«10 июля 1943 года подразделение из Оклахомы, состоявшее из мексиканцев, индейцев и ковбоев из районов США, пострадавших от пыльных бурь, большинство из которых не могли выпивать в одном баре, высадились в Сицилии, где начался их полугодовой поход по Европе, оккупированной нацистами. Это история о тех парнях. Пехотной дивизии, известной как “Громовая птица”».*

Приведенный фрагмент предваряет события сериала и знакомит аудиторию с воинским формированием, о котором пойдет речь – 45-й пехотной дивизии национальной гвардии штата Оклахома. В исходном тексте мы находим пять культурных отсылок. Название штата имеет дословный перевод в русском языке, равно как и имена существительные, определяющие национальную и этническую принадлежность военнослужащих. Прилагательное «Dust Bowl» отсылает нас к периоду сильной засухи, от которой пострадали американские прерии в 1930-х гг. Данное историческое событие, не знакомое русскоязычной аудитории, требует пояснения: «Dust Bowl» – это «ковбои из районов США, пострадавших от пыльных бурь». Невысокий темп повествования позволяет увеличить объем текста субтитра (334 знака в исходном тексте против 363 знаков в тексте перевода). Переводчик прибегает к пояснению и в случае перевода предложения «A group of soldiers known as the Thunderbirds»: текст перевода дополнен словосочетанием «пехотной дивизии». Следует отметить, что общий объем поля субтитра не позволяет пояснить прозвище 45-й пехотной дивизии – «Громовая птица», отсылка к культуре коренных народов Америки. Впрочем, на восприятие текста перевода это не влияет.

Отметим, что при анализе данного и других фрагментов мини-сериала «The Liberator» мы неоднократно сталкивались с ошибками подбора эквивалентов для единиц военной терминологии (напр. «подразделение» вместо «соединение» применительно к дивизии), что может стать предметом отдельного исследования.

Проанализируем другой отрывок – диалог между немецким офицером и взятым в плен американским военнослужащим итальянского происхождения (таблица 1).

Таблица 1

Исходный текст (<i>The Liberator, Episode 1</i>)	Текст перевода
<p>– Spigliani. [in Italian] Do you speak Italian? – Yes. – [slowly] Charlestown, Massachusetts. – Yes. – [in English] But you know Boston? – Yes. – [in English] Boston. [in Boston accent] Park the car in Harvard Yard. Fenway Park. Paul Revere... Now, where did you learn to swim, Private Spigliani. – Swim? – No, let me guess. The boys' club on 2nd Street. – Yeah. How the hell do you know that? – I told you. I was a graduate student at MIT</p>	<p>– Спиглиани. Знаешь итальянский? – Да. – Чарльстон, Массачусетс. – Да. – Знаешь Бостон? – Да. – Бостон. Знаменитый бостонский акцент. Фенуэй Парк. Пол Ревир. Где ты научился плавать, рядовой Спиглиани? – Плавать? – Я угадаю. Юношеский клуб на Второй улице. – Да. Откуда ты знаешь? – Я же сказал. Я учился в Массачусетском технологическом</p>

В ходе допроса немецкий офицер имитирует бостонский акцент, желая показать, что он хорошо знаком с культурными особенностями Бостона и расположить к себе допрашиваемого. По причине того, что субтитрование использует зрительный, а не звуковой канал передачи информации, переводчик подбирает к фразе « [in English] Boston. [in Boston accent] Park the car in Harvard Yard» вариант «Знаменитый бостонский акцент», поясняя происходящее на экране и связывая персонажей культурной отсылкой «Бостон». При этом в тексте перевода не отражен переход участников диалога с английского языка на итальянский, что может дезориентировать зрителя. Мы считаем, что сохранение помет исходного текста в тексте перевода будет способствовать более точному воспроизведению всей коммуникативной ситуации.

Используя прием опущения, переводчик исключает из текста перевода культурную реалию «Harvard Yard» (*сад Гарвардского университета*, его самая старая часть), требующей пояснения для русскоязычной аудитории. Мы соглашаемся с этим решением и считаем пояснения в диалогах неуместными, если они нарушают темп повествования и замысел автора. В дальнейшем переводчик прибегает к дословному переводу реалий «Fenway Park» («Фенуэй Парк», бейсбольный стадион в Бостоне) и «Paul Revere» («Пол Ревир», герой Войны за независимость, выходец из Бостона), никак их не поясняя. Мы считаем, что опущение одной отсылки и краткое пояснение другой могло бы повысить качество текста перевода, так как аудитория не знакома с обеими отсылками и они в дальнейшем не повторяются в исходном тексте. Мы предлагаем опустить отсылку к герою Войны за независимость («Пол Ревир»), дополнить отсылку к известному спортивному объекту («Фенуэй Парк») пояснением и изложить ее следующим образом: «Бейсбол на стадионе Фенуэй Парк».

Культурная реалия «MIT» (во фразе «I told you. I was a graduate student at MIT») поясняется зрителю путем расшифровки аббревиатуры «Я же сказал. Я учился в Массачусетском технологическом». Пояснение возможно за счет опущения уровня получаемого образования (магистратура – «graduate») и сокращения последующей фразы: в результате мы имеем 137 знаков в исходном тексте и 139 знаков в тексте перевода.

В этом же диалоге заслуживает внимание другой отрывок (таблица 2).

В приведенном фрагменте диалог между рядовым Спиглиани и допрашивающим его офицером строится вокруг использования последним итальянского слова «ponte» («мост»), межъязыковым омофоном английского слова «pond» («пруд»). Мы считаем данную коммуникативную ситуацию культурной отсылкой на синтаксическом уровне: рядовой Спиглиани является американцем итальянского происхождения. Переводчик использует метод адаптации и подбирает имя существительное, рифмующееся со словом «мост» в русском языке

(«пост») и имеющее отношение к военной сфере. Отметим, что при переводе приведенного отрывка была допущена ошибка: в оригинале рядовой Спиглиани говорит о том, что он не видел никаких прудов, но в тексте перевода на фразу «Да что за посты?» (в оригинале «*We didn't see any f..king ponds*») офицер отвечает: «Ты лжешь!» При переводе культурных отсылок следует обращать внимание на все уровни языковой системы и зачастую подвергать трансформации не только слово, словосочетание или предложение, но и на фрагмент текста в целом. В данном случае переводчик мог избежать ошибки, предложив вариант: «Мы не проходили никаких постов» (в оригинале «*We didn't see any f..king ponds*»).

Таблица 2

Исходный текст (<i>The Liberator, Episode 1</i>)	Текст перевода
<p>– Now tell me about the ponds. – Ponds? – Yes, I need to know what you did about the ponds. – What ponds? I don't know what the hell are you talking about? Jesus Christ! – Ponds! What did you do with the ponds? – We didn't see any f..king ponds. – You're lying. – Jesus Christ, I'm telling you the truth. – Your company crossed three ponds in two days. Here, here and here. What are the conditions of those ponds? – Ponte. Bridges. You are talking about the bridges. – Yes, I used the Italian word, didn't I? My mistake</p>	<p>– Так, расскажи мне о постах. – Постах? – Да, мне нужно узнать, что Вы сделали с постами? – Какие посты, я не понимаю, о чем Вы. Господи Иисусе! – Посты! Говори, что с постами? – Да что за посты? – Ты лжешь! – Боже, я правду говорю! – Вы пересекли три поста за два дня. Здесь, здесь и здесь. В каком состоянии эти посты? – Посты... Мосты! Ты имеешь в виду мосты? – Да. Мосты. Я оговорился, да. Виноват</p>

Целью нашего исследования ставилось проведение сравнительно-сопоставительного анализа исходного текста и текста перевода субтитров сериала «The Liberator», выявление способов решения проблемы передачи культурных отсылок в кинопереводе фильмов и сериалов способом субтитрования.

Результаты исследования показали, что культурные отсылки в сериале существуют как на лексическом и синтаксическом уровнях языковой системы, так и в плоскости функциональных стилей. Одна часть отсылок является общей как для языка оригинала, так и для языка перевода и не требует использования особых методов перевода. Другая часть требует пояснения или культурной адаптации – наиболее распространенным способом перевода культурных отсылок из данного сериала. При этом пояснение использовалось только там, где это позволял объем поля субтитра.

При переводе единиц разговорного стиля, в основном табуированных и нецензурных лексических единиц, использованы приемы замены и опущения, что позволило сделать сериал доступным для большей аудитории. Использование этих приемов не повлияло на коммуникативную равноценность текста перевода в содержательном отношении, но изменило его функционально-стилевую окраску. Решением данной проблемы может стать использование нескольких дорожек субтитров, одна из которых будет содержать табуированную и нецензурную лексику. Подобная практика активно используется в неофициальных кинопереводах способами дубляжа и закадрового озвучивания.

Библиографический список

1. Аносова Н.Э. Закадровый перевод и субтитрирование: особенности и перспективы // ПНиО. 2018. № 1 (31).

2. *Большаков А.В., Макоедова Н.В.* К вопросу о роли культурной отсылки в переводе // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2021. № XIII.
3. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (Лингвистические аспекты). М., 1990.
4. *Лааксо П.С., Бободжанова Л.К.* Субтитрование как объект культурологического и лингвистического исследования (на материале английского языка) // Инновационная наука. 2018. № 2.
5. *Сергеева Т.Б.* Словарь-справочник по философии. Ставрополь, 2009.
6. *Фаизова Д.Р.* Субтитрование как один из видов аудиовизуального перевода // Научный лидер. 2022. № 20(65).
7. *Яшина Н.К.* Профессионально-личностные качества переводчика // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2016. № 12.
8. *Diaz-Cintas J., Remael A.* Audio-visual Translation: Subtitling. Manchester, 2007.
9. *Gottlieb H.* Subtitling – a new university discipline // Teaching Translation and Interpreting Training. Amsterdam, 1992.
10. *Newmark P.* A Textbook of Translation. Oxford, 1981.
11. *O'Connell E.* Screen translation // A Companion to Translation Studies. Toronto, 2007.
12. *Zojer H.* Cultural references in subtitles: A measuring device for interculturality? // Babel. 2011. Vol. 57. Iss. 4.

И.В. Балканов

кандидат филологических наук

доцент кафедры английского языка № 6

Московский государственный институт международных отношений (университет)

МИД России

доцент кафедры английского языка основного

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны

Российской Федерации

E-mail: i-balkanov@mail.ru

И.А. Мурог

кандидат филологических наук

доцент кафедры английского языка основного

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны

Российской Федерации

E-mail: welkin2005@yandex.ru

АРМЕЙСКИЙ КЛАСТЕР ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ КУЛЬТУРЫ США В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

А.С. Романов, Е.Г. Субачева, К.Ю. Агафонова

Аннотация. В лингвокультурном ареале США феномен социального отчуждения между гражданскими и военными известен как *military-civilian gap*. С одной стороны, институт узаконенного государством вооруженного насилия – это жизненно важный продукт господствующей культуры. С другой стороны, армейский кластер и его самобытные ценности в некоторой степени противопоставлены «цивильному миру». Военный социум характеризуется совокупностью *субкультурных констант*. Каркас профессионального образа мира военнослужащего составляют *аксиологические доминанты*. Последние обнаруживают себя в когнитивно-поведенческих паттернах, социальных практиках, символике и военном подъязыке. Фундаментальные ценности профессии реализованы в декларативно-риторических феноменах официоза и в обиходно-разговорных единицах неформальной коммуникации военнослужащих.

Ключевые слова: порождающая культура, вооруженные силы США, *military-civilian gap*, ценности, аксиосфера, военный подъязык, армейская субкультура, стереотипизация, стереотип.

THE ARMY CLUSTER OF THE DOMINANT CULTURE OF THE USA IN THE AXIOLOGICAL ASPECT (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

A.S. Romanov, E.G. Subocheva, K.Yu. Agafonova

Abstract. The phenomenon of social alienation among civilians and the military is defined in American society as the *military-civilian gap*. On the one hand, the institution of state-legalized armed violence is a vital product of the dominant culture. On the other hand, the military cluster and its distinctive values are to some extent opposed to the «civilian world». Military milieu is characterized by a set of *subcultural constants*. *Axiological dominants* make up the skeleton of a soldier's professional worldview. The latter reveal themselves in cognitive-behavioral patterns, social practices, symbolism, and military sublanguage. Official and vernacular registers of the military lingo reflect fundamental values of the profession.

Keywords: generative culture, U.S. Armed Forces, *military-civilian gap*, values, axiosphere, military sublanguage, army subculture, stereotyping, stereotype.

В американской научной литературе феномен антагонизма между порождающей культурой и ее военным кластером известен как *military-civilian gap* (см., например, работы Dunivin, 1994; Ricks, 1997; Rahbek-Clemmensen et al., 2012; Knopf, 2015; Pease, Billera & Gerard, 2016; Meyer, Wynn, 2018; Lewis, 2018; Parrot et al., 2021 и др.). Как отмечает Б. Бейли, автор монографии «America's Army. Making All-Volunteer Force» («Вооруженные силы США. Становление армии, комплектуемой на добровольной основе»), обязательная воинская повинность мирного времени впервые была введена в 1940 г. Государство опиралось на призыв во время Второй мировой войны (WWII, 1939–1945 гг.), «холодной войны» (The Cold War, 1947–1962), войны на Корейском полуострове (The Korean War, 1950–1953), а затем и во Вьетнаме (The Vietnam War, 1954–1975). К концу 1960-х гг. призыву подлежали два поколения американцев. Отцы, а затем и их сыновья либо призывались на военную службу, либо делали это добровольно.

Призыв воспринимался как обычный факт американской жизни [6, p. 4–5]. Отчуждению между цивилистами и военными во многом способствовал переход вооруженных сил США на добровольную систему комплектования войск. С отменой призыва в 1973 г. модель «солдата и гражданина» (*Citizen-Soldier Army*) уступает место концепции «воина-добровольца» (*All-Volunteer Force*) [14, p. 2; 15, p. 5–8]. Резкое сокращение численности американцев, имеющих опыт военной службы, приводит к еще большему размежеванию. Социальная бездна между цивилистами и военными во многом была обусловлена итогами крайне непопулярной войны во Вьетнаме. Вследствие реформ оборонного ведомства мужское население страны было освобождено от бремени воинского призыва. «Налог на войну», взимаемый с каждого мужчины призывного возраста, упраздняется. В американском обществе потребления сложившийся *status quo* получает меткую ироничную дефиницию: «*the military is at war, Americans are at the mall*» – «пока военные воюют, американцы ходят за покупками» [7]. Становление профессиональной армии происходит в условиях рыночной конкуренции. На этом фоне служба в вооруженных силах становится одним из продуктов, предлагаемых американскому потребителю. По словам экономиста М. Фридмана, одного из отцов-основателей «вооруженных сил рыночного образца», такая армия в полной мере соответствует духу американских идеалов индивидуальной свободы и экономической рентабельности. В результате революционных преобразований военного ведомства США «на смену логике гражданского долга приходит логика рыночных отношений» [6, p. 4]. Феномен *military-civilian gap* находит выражение в культурных практиках, демографической специфике, политических воззрениях, институтах [14, p. 2, 13]. Одним из важнейших аспектов социальной пропасти выступает конфликт ценностей.

В русле западной научной традиции, вооруженные силы традиционно интерпретируются как автономное культурное образование (*military culture*). Однако мы исходим из того, что таксономически военный социум представляет собой одну из страт господствующей гражданской культуры [2, с. 48]. Следовательно, рассматриваемый кластер, равно как и прочие силовые ведомства, может быть отнесен к субкультурным образованиям (*military subculture*) [4, с. 90]. Армия пропитана авторитарной и консервативной идеологией. Ее характеризуют дух коллективизма, дисциплина, жесткая вертикаль единоначалия. При этом индивидуальным правам, свободам и потребностям отведена второстепенная роль [11, p. 62]. Военному социуму присущи уникальные нормы, традиции и ценности, философия и образ жизни. Особенно подчеркнем специфику военного подъязыка. Культурное ядро армейского кластера формируется в относительной изоляции от гражданского общества [8; 9; 16]. Атомизация личности, прагматизм и жажда безудержного потребления условного цивилиста вступают в конфликт с воинским этосом. Под последним мы понимаем целостную систему морально-нравственных и профессиональных императивов военной службы. Воинский этос образует аксиологический каркас профессионального образа мира [2, с. 66]. Через преемственность культурного наследия обеспечивается воспроизводство самой системы. С одной стороны, армейский кластер общества есть продукт порождающей культуры гражданского общества. Первичная социализация будущего защитника происходит в колыбели гражданского общества. С другой стороны, военный социум в определенной степени противопоставлен гражданскому [1].

Описывая современное общество, автор монографии «The American Culture of War. The History of U.S. Military Force from World War II to Operation Enduring Freedom» («Американская культура войны. История вооруженных сил США со времен Второй мировой войны до операции “Несокрушимая свобода”») А.Р. Льюис приходит к ряду выводов. Столпами либерально-демократической идеологии гражданского общества США выступают *индивидуализм, свобода личности и стремление к самореализации, прагматизм, рыночная логика от-*

ношений. На сегодняшний день армия заслуженно пользуется репутацией одного из наиболее авторитетных институтов. Об этом свидетельствует индекс социального доверия американцев к вооруженным силам (Pew Research Center, 2011; Kleykamp et al., 2018; Andrews, 2019; Ipsos Snap Poll: Afghanistan, 2021). Вне всякого сомнения, к своим защитникам американская общественность относится с глубоким пиететом. Однако в отсутствие тотальной войны служба нередко воспринимается как иррациональная трата времени, интеллекта, таланта [15, p. 35]. Отметим, что в повседневно-бытовом коммуникативном узусе *GI (Joe)* прослеживаются схожие идеи. Рассмотрим, например, пропитанные самоиронией бэкronимы *NCO*, *LIFER*, *NAVY*, *MARINE*. В военном профжаргоне лексема *NCO* (non-commissioned officer – ‘сержант’) реализует совершенно иное значение: *No Civilian Opportunities* – ‘отсутствие перспектив «на гражданке»’. В приводимом жаргонизме эксплицирована идея о том, что *Mother Green** неумолимо преследует тех, кто не сумел найти свою нишу в гражданском мире. Схожей семантикой наделяется сленгизм *NAVY* (Never Again Volunteer Yourself) – ‘Больше никогда не поступай на службу добровольцем’. Как известно, в английском языке термину «кадровый офицер» соответствует эквивалент *career officer*. Его жаргонным аналогом выступает лексема *LIFER*, ассоциируемая с узником, отбывающим пожизненный срок [2, с. 142–143; 5; 10]. И, наконец, бэкronим *MARINE* в шуточной форме расшифровывается так: *Maths and Reading Are Not Essential* – ‘Математика и чтение не обязательны’. Противоречие официально декларируемого и подлинного, неподверженного официальной цензуре и политкорректности, заслуживает особого внимания. Налицо конфликт ценностей не столько на уровне гетеровосприятия, сколько на уровне самоперцепции представителя армейской среды. Вследствие десублимации высоких концептов профессии наблюдается функционально-смысловая аксиологическая энантиосемия официально декларируемого (высокого) и обыденного (сниженного) [3, с. 6].

Армия обнаруживает совокупность фундаментальных характеристик или *субкультурных констант*. Последние представляют собой необходимые, повторяющиеся внутрисистемные связи и паттерны поведения членов военного социума. Субкультурные константы обеспечивают самовоспроизводимость и устойчивость всей системы, делают возможным диалог и преемственность поколений. Выделим универсальные и национально специфичные константы. К категории первых принадлежат, например, *верховенство права, централизацию руководства и управления, единоначалие, воинскую дисциплину, консерватизм, преемственность культурно-исторического наследия, жертвенность воинского служения* и др. К категории вторых, присущих исключительно США, отнесем *идею национальной исключительности или богоизбранности, профессионализацию вооруженных сил, андроцентричность, негласную межвидовую конкуренцию* [2, с. 16–17]. Субкультурные константы тесно переплетены с базовыми ценностными ориентациями или *аксиологическими доминантами* воинской профессии. Наиболее ярко официально декларируемые концептуально-аксиологические установки воинского этоса воплощены в феноменах официального регистра военного подъязыка. Подкрепим изложенное иллюстративным материалом, позаимствованном на официальных сайтах оборонного ведомства США (*www.army.mil, www.navy.mil, www.marines.mil, www.marines.com, www.airforce.com, www.af.mil, www.uscg.mil, www.jcs.mil, www.defense.gov*).

1. Официально декларируемые ценности видов вооруженных сил: *Loyalty, Duty, Respect, Selfless Service, Honor, Integrity, and Personal Courage* – «Верность, долг, уважение, беззаветное служение, честь, честность и личное мужество» (U.S. Army), *Honor, Courage, and Commitment* – «Честь, мужество и преданность делу» (U.S. Navy / U.S. Marine Corps), *Integrity First*,

* В языковом сознании представителя военного социума США метафорический образ «Зеленой матушки» олицетворяет вооруженные силы [5; 10].

Service before Self, and Excellence in All We Do – «Честность превыше всего, беззаветная служба и совершенство во всем, что мы делаем» (U.S. Air Force), *Honor, Respect, and Devotion to Duty* – «Честь, уважение и верность долгу» (U.S. Coast Guard), *Organizational Agility, Innovation, Boldness* – «Гибкость, инновации, смелость» (U.S. Space Force).

2. Официальные девизы видов вооруженных сил: *This we'll defend* – «На страже свободы США» (U.S. Army)*, *Semper Fortis* (Lat.) / *Always Strong* – «Всегда сильны» (U.S. Navy), *Semper Fidelis* (Lat.) / *Always Faithful* – «Всегда верны» (U.S. Marine Corps), *Aim High... / Response: Fly-Fight-Win* – «Держать планку высоко – летать, сражаться, побеждать» (U.S. Air Force), *Semper Paratus* (Lat.) / *Always Ready* – «Всегда готовы» (U.S. Coast Guard), *Semper Supra* (Lat.) / *Always Above* – «Всегда на высоте» (U.S. Space Force).
3. Официальные девизы воинских формирований: *By Force and Valor* – «Натиском и отвагой» (40th Armor Regiment), *Fidelity, Honor, Valor* – «Преданность. Честь. Отвага» (3rd Marine Division), *Loyalty* – «Верность» (319th Field Artillery Regiment), *Pride Courage Valor* – «Гордость. Мужество. Доблесть» (33rd Aviation Group) и др.
4. Вербовочные слоганы: *Army Strong* (U.S. Army, 2006–2018) – «Армия сильна», *America's Navy – A Global Force for Good* – «ВМС США – глобальные силы добра» (U.S. Navy, 2009–2014), *Forged by the Sea* – «Рожденные морем» (U.S. Navy, 2019), *The Few. The Proud. The Marines* – «Нас мало. Гордые. Морские пехотинцы» (U.S. Marines Corps, 1977–Present), *We Don't Promise a Rose Garden* – «Безоблачной жизни вам не обещали» (U.S. Marine Corps, 1970–1980 ss.) и др.

Подведем итоги. Армейский идиом как полуавтономная форма бытования общенародного языка отражает культурную память военного социума. Лексико-фразеологический пласт профессионального языка военной службы представлен литературным стандартом и социально-групповым диалектом. Последние обнаруживают функциональную и понятийную взаимосвязь. В военном подязыке и символике запечатлены основы воинского этоса, нередко вступающие в противоречие с ценностными ориентациями порождающей культуры. Не отрицая значимости правового аспекта статуса военнослужащего, выскажем суждение о том, что разрыв между «гражданкой» и военным социумом имеет главным образом функционально-аксиологический характер. Именно ценности, выраженные в декларативно-риторических феноменах и феноменах-подлинниках армейского идиома, отражают суть мировосприятия военнослужащего. Иными словами, военный подязык транслирует то глубинное, что отличает цивилиста от военнослужащего. Важным выводом для нас будет тезис о том, что сближение двух условных миров принципиально возможно благодаря «культурному переводу» как методу преодоления противоречий посредством экспликации реалий военного социума, его исторического наследия, аксиосферы, эталонов и антиобразцов неречевого и речевого поведения.

Библиографический список

1. Бойко Б.Л. Социально-групповая диалектология. М., 2018.
2. Романов А.С. Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020.

* Имплицитный посыл девиза указывает на фундаментальные ценности нации – свободу и американский образ жизни. Речевая формула официального регистра военного подязыка способствует формированию в сознании целевой аудитории метафорической модели U.S. Soldier – Defender of Freedom and American Way of Life [3, p. 122–123; 13].

3. *Романов А.С.* Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020.
4. *Романов А.С., Бойко Б.Л.* Дуализм профессионального сознания представителей военного социума США в контексте социально-психологического феномена military-civilian gap // *Modern Humanities Success*. 2022. № 3.
5. *Axelrod A.* Whiskey tango foxtrot: the Real language of the modern American Military. New York, 2013.
6. *Bailey B.* America's Army: making the all-volunteer force. Cambridge, MA, 2009.
7. *Blankshain J.D., Margulies M.Z.* The Downside of High Trust in the Military // *The New York Times*. 2021. Sept. 16.
8. *Brim W.L.* Impact of military culture on the clinician and clinical practice // B.A. Moore, & J.E. Barnett (Eds.), *Military psychologists' desk reference*. New York, 2013.
9. *Collins J.J.* The complex context of American military culture: A practitioner's view // *Washington Quarterly*. 1998. № 21 (4).
10. *Dickson P.* War Slang: America fighting words and phrases since the Civil War. Dulles, Virginia, 2003.
11. *Goldich R.I.* American Military Culture from Colony to Empire // *Daedalus*. 2011. Summer. Vol. 140. № 3. The Modern American Military. URL: <https://www.jstor.org/stable/23047348> (дата обращения: 09.07.2022).
12. Ipsos Snap Poll: Afghanistan, 2021. A survey of the American adult population. URL: https://fingfx.thomsonreuters.com/gfx/polling/lbvgnnggapq/Afghanistan_Snap_Topline.pdf (дата обращения: 06.07.2022).
13. *Odierno R.* This We'll Defend. 2012. July 16. URL: <http://armylive.dodlive.mil/index.php/2012/07/independence-day-2012/> (дата обращения 20.12.2022).
14. *Parrott S., David L. Albright D.L., Eckhart N.* Veterans and Media: The Effects of News Exposure on Thoughts, Attitudes, and Support of Military Veterans // *Armed Forces & Society*, 2021.
15. *Lewis A.R.* The American Culture of War. The History of U.S. Military Force from World War II to Operation Enduring Freedom. New York, 2018.
16. *Wilson P.H.* Defining military culture // *Journal of Military History*, 2008. № 72 (1).

А.С. Романов

доктор филологических наук

профессор кафедры английского языка № 6

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России

доцент кафедры английского языка

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации

Е.Г. Субачева

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры английского языка (второго)

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации

К.Ю. Агафонова

преподаватель кафедры английского языка (второго)

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации

E-mail: Research2021@mail.ru

УДК 159.923.3

doi: 10.52470/2619046X_2022_3_64

ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПИЛОТОВ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ КАК ФАКТОР ПОДБОРА ЭКИПАЖЕЙ

Н.С. Архипов

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического анализа разработанности проблематики индивидуально-личностных особенностей субъекта; влияния данных особенностей как на деятельность в общем, так и на индивидуальный профессиональный стиль деятельности пилотов гражданской авиации в рамках деятельностного подхода к рассмотрению эффективного взаимодействия пилотов гражданской авиации с учетом индивидуально-психологических и личностных особенностей кандидатов. В рамках теоретико-методологической части исследования выделены направления изучения индивидуально-личностных особенностей личности пилотов, способствующие формированию и подготовке экипажей с целью их эффективного взаимодействия и взаимозаменяемости, которые могут быть положены в основу модели эффективного взаимодействия пилотов гражданской авиации.

Ключевые слова: индивидуально-психологические особенности, личностные особенности, пилот гражданской авиации, эффективное взаимодействие, темперамент, характер, способности.

INDIVIDUAL AND PERSONAL CHARACTERISTICS OF CIVIL AVIATION PILOTS AS A FACTOR IN THE SELECTION OF CREWS

N.S. Arkhipov

Abstract. This article presents the results of a theoretical analysis with regard to the elaboration of issues related to the individual and personal characteristics of a subject, the influence of these features both on the activity, in general, and on the individual professional style of civil aviation pilots, as part of an activity approach to the consideration of effective interaction of civil aviation pilots, taking into account the individual psychological and personal characteristics of candidates. Within the theoretical and methodological part of the study, the areas of studying the individual and personal characteristics of the pilots' personality are pointed out, contributing to the formation and training of crews for the purpose of their effective interaction and interchangeability, which can be used as the basis for the model of effective interaction of civil aviation pilots.

Keywords: individually psychological characteristics, personal characteristics, civil aviation pilot, effective interaction, temperament, character, abilities.

В настоящее время вопросы подбора и комплектования экипажей пилотов гражданской авиации в РФ формально определяются «Руководством по психологическому обеспечению отбора, подготовки и профессиональной деятельности летного и диспетчерского состава

гражданской авиации Российской Федерации: Воздушный транспорт» [7] (2001), изменения в которое последний раз вносились в 2014 г., то есть 8 лет назад. Документ ссылается на «Рекомендации по комплектованию летных экипажей и обеспечению оптимального морально-психологического климата» [6] 1985 года выпуска, разработанные еще в СССР. В данном нормативном документе прямо указывается на то, что мероприятия по комплектованию летных экипажей, обозначенные в нем, являются лишь начальным этапом целостной системы мероприятий по организации и совершенствованию производственных и межличностных отношений в подразделениях гражданской авиации [8].

Анализ нормативно-правовой документации показал, что в настоящий момент нет дополнительных данных, в которых предложены конкретные мероприятия по коррекции отношений в системе морально-психологического климата коллектива и способы психолого-педагогических воздействий на кандидатов в члены экипажа, оформленных в виде документа, отражающего в полном объеме весь алгоритм по подбору, формированию и подготовке экипажей с целью их эффективного взаимодействия и взаимозаменяемости.

«Руководство по психологическому обеспечению отбора, подготовки и профессиональной деятельности летного и диспетчерского состава гражданской авиации Российской Федерации» в основном регламентирует работу и подходы врачебно-летных экспертных комиссий, медицинских экспертов. Между тем, работа по определению индивидуально-психологических, личностных качеств кандидатов четко не регламентируется и отдается на самостоятельное определение конкретному специалисту, осуществляющему эту функцию на месте.

Таким образом, можно предположить, что специалисты-психологи в различных структурах гражданской авиации будут иметь различный психологический подход при подборе кандидатов, и результаты такого отбора будут различными. Иными словами, встает вопрос о наличии целостной системы мероприятий по подбору и подготовке, эффективности результата работы такой системы, ее научного обоснования и стандартизации.

В настоящее время современный подход таких фирм, как «Boeing» и «Airbus» не предполагает исследование проблемы комплектования экипажей гражданской авиации, хотя психологическая совместимость членов экипажа напрямую связана с проблемой безопасности полетов. Считается, что пилот-профессионал, прошедший обучение по программе CRM [; 8], способен взаимодействовать с другим подобным ему профессионалом без каких-то особых проблем. Между тем, практика полетов показывает, что, по крайней мере, для нашей страны, обучения по программе CRM явно недостаточно (можно вспомнить катастрофы в Ярославле, Донецке и особенно в Перми, где в выводах МАК напрямую сказано, что «по мнению независимых экспертов-психологов при комплектовании экипажа не были учтены психологические особенности личностей пилотов») [3].

Возможные причины этого заключены в особенностях российского менталитета, что крайне осторожно рассматривается отдельными исследователями и требует дополнительных психологических изысканий.

Необходимость обращения к данной тематике, также обусловлена тем, что исследования проводятся в основном в психофизиологической и медицинской плоскости, а не с точки зрения психологии личности.

Таким образом, проблема индивидуально-психологического подбора членов экипажа гражданской авиации с учетом личностных особенностей требует комплексного осмысления.

Поэтому в дальнейшей работе будет предпринята попытка создания модели эффективного взаимодействия пилотов гражданской авиации с учетом индивидуально-психологических и личностных особенностей кандидатов, с выделением индивидуально-личностных особенностей пилотов и разработки программы, способствующей эффективному взаимодействию

и взаимозаменяемости членов экипажа.

Целью работы является теоретико-методологический анализ исследований индивидуально-психологических особенностей пилотов гражданской авиации как детерминанты эффективности взаимодействия экипажа.

На данном этапе исследования **задачи** по выявлению и описанию основных факторов эффективности взаимодействия экипажей решались посредством теоретического анализа разработанности проблематики представлений об индивидуально-психологических и личностных особенностях пилотов гражданской авиации, как субъектов профессиональной деятельности.

Исследования индивидуально-психологических особенностей личности в отечественной и зарубежной науке ведутся в рамках различных подходов к психологии личности с начала развития психологической науки (Б.Г. Ананьев, Д.Б. Выготский, А.Ф. Лазурский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов, А.В. Петровский и другие; Э. Дюркгейм, К. Левин, Э. Торндайк, Г. Олпорт, Э. Штерн, З. Фрейд и другие).

Согласно обобщенным представлениям различных подходов, личность как субъект социального развития обладает рядом характеристик, которые образуются в результате системного функционирования индивидуальных биологических и социально детерминированных свойств, способствующих реализации деятельности и общения человека. Индивидуально-психологическими особенностями называются своеобразные свойства психической активности личности, которые представлены: темпераментом, характером, способностями, эмоционально-волевой сферой и связаны со всеми психическими процессами: мотивационно-потребностными, познавательными, эмоционально-волевыми.

Исследования в области психологии труда и инженерной психологии, изучающие влияние индивидуально-психологических особенностей личности субъекта на индивидуальный стиль профессиональной деятельности, на готовность к ней и безопасность представлены в работах В.А. Бодрова, Е.А. Климова, Б.Ф. Ломова, В.Д. Небылицына, Б.М. Теплова, В.Д. Шадрикова и других ученых.

Изучением индивидуально-психологических особенностей пилотов и их профессионально важных качеств личности в разные периоды занимались многие исследователи, такие как: Л.М. Волкова, И.С. Кравченко, А.И. Крупнов, С.М. Зиньковская, Ю.А. Олейников, В.А. Пономаренко, И.Ю. Розайненко, А.Г. Шевчук и другие.

Анализ последних исследований в области феноменологии индивидуально-психологических и профессионально важных качеств показал взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей личности различных специалистов операторского профиля с показателями надежности их деятельности. Психологические причины возникновения ошибочных действий и аварийных ситуаций раскрываются через закономерности и механизмы регуляции надежности, опираясь на детерминацию совокупности личностных черт, познавательных процессов, психологических свойств и состояний в формировании предрасположенности различных проявлений нарушений профессиональной надежности [2].

Темпераментальные и характерологические проявления пилота, как динамические и содержательные аспекты поведения, выступают как качественные характеристики особенностей развития профессионально важных качеств, интегрирующихся в единую структуру.

Эмоционально-волевая устойчивость как составная часть характера, и количественные показатели взаимосвязи темперамента и характера, являются условием выполнения продуктивной деятельности, отражают ее эффективность и надежность [2].

Еще С.Г. Геллерштейн в начале прошлого века предложил наиболее точное классическое определение личного фактора, подразумевая под ним некую совокупность врожденных и приобретенных физических и психических свойств личности, которые он связывал с при-

чинами возникновения, характером течения и исходом летного происшествия. Исходя из его концепции, личный фактор охватывает сферу эмоциональных и волевых качеств, черты характера и темперамент, задатки и способности, склонности и интересы, вкусы и привычки, моральный облик, здоровье и физическое развитие, общую и специальную подготовку [5].

Неэффективное взаимодействие в экипаже воздушного судна – это проблема, которая волнует международное авиационное сообщество с середины 1970-х гг. Именно тогда оно полностью осознало необходимость изменения работы внутри экипажа воздушного судна, в результате чего были внедрены специальные программы и методики, коренным образом изменившие работу экипажей воздушного судна [2].

В работах последних лет основной акцент делается на форму, качество и структуру профессионального отбора пилотов гражданской авиации. Это связано, прежде всего, с тем, что в качестве результата отбора рассматривается успешность обучения, овладения профессионально важными качествами, необходимыми пилоту для выполнения эффективной безошибочной деятельности.

Данный постулат доказывается рядом исследований, проведенных исходя из индивидуального подхода к обучению курсантов-пилотов, направленных на выявление психологических характеристик, детерминирующих успешность обучения.

Так, в исследовании А.А. Благининой, С.Н. Синельникова и А.А. Шевелько были сделаны выводы о том, что успешность первого теоретического этапа обучения курсантов-пилотов коррелирует с показателями высокой самооценки, эмоциональной стабильности, высокими значениями саморегуляции и низким уровнем конфронтации [5].

Также к чертам личности, влияющим на успешность обучения и выполнения дальнейшей профессиональной деятельности, на фоне незначительного эмоционального напряжения и повышенного самоконтроля, В.А. Бодров относит: эмоциональную устойчивость, навыки эмоционально-волевого контроля, способность предвидеть изменения ситуации, активность и стремление к достижению цели [5].

Еще одним фактором, обуславливающим рассмотрение индивидуально-психологических особенностей личности пилота, является такой психофизиологический показатель, как оценка напряженности трудового процесса.

Профессиональная деятельность летного состава характеризуется высокими эмоциональными и интеллектуальными нагрузками: значительным умственным напряжением, чрезвычайной ответственностью за обеспечение безопасности полетов, высокой эмоциональной насыщенностью.

Одним из основных факторов, влияющих на эффективность труда пилотов и проблемы перенапряжения летного состава, является хронический эмоциональный стресс, связанный со сложностью управления воздушным судном.

Продолжительная летная нагрузка, нервно-эмоциональное напряжение, систематические сдвиги физиологических функций, являются главными причинами перенапряжения, хронического стресса и неблагоприятного состояния пилотов, что сопровождается снижением резервных возможностей как организма в целом (патологии сердечнососудистой системы), так и нервной системы в частности. Экспериментально доказана связь между интенсивностью различных видов нагрузок (интеллектуальных и эмоциональных) и увеличением процента сотрудников с соматическими патологиями, развитием ишемической и гипертонической болезни и риском психических заболеваний [1].

В процессе трудовой деятельности летный состав воздушных судов гражданской авиации подвергается воздействию широкого спектра неблагоприятных для здоровья факторов. Перечень основных факторов, представлен следующими: шум и вибрация; колебания атмосферного давления при взлетах и посадках, наборе высоты и снижении; температурный

дискомфорт; пониженное парциальное давление кислорода в воздухе и его состав; СВЧ-излучение и радиационное (фоновое) облучение; воздействие дефицита времени и стрессовых ситуаций; работа в ночное время; резкий сдвиг часовых поясов и быстрая смена климатических зон, тяжесть и напряженность труда и др. Специфической особенностью воздействия на организм негативных факторов трудового процесса экипажей воздушных судов является их систематическое, длительное и совокупное влияние [1].

В этой связи, представляет интерес не только анализ экспериментальных данных научных исследований по оценке влияния производственных факторов на физиологическую составляющую летного состава, но и пути психологической адаптации в условиях производственных и нервно-эмоциональных перегрузок.

Анализ существующих нормативных документов, сопоставление оценки напряженности трудового процесса по аттестации рабочих мест и специальной оценки условий труда, а также доказанная связь между соматическими патологиями и результатами физиологических исследований свидетельствуют об отсутствии научного обоснования и учета адаптивных способностей субъектов летной деятельности, основанных на индивидуально-психологических особенностях курсантов.

Стоит отметить, что система психологических обоснованных мероприятий направленных на предупреждение (уменьшение) негативных последствий профессионального стресса у представителей опасных профессий, которые учитывают индивидуально-личностные и организационно-управленческие факторы, в настоящий момент недостаточно разработана и научно обоснована.

Профессиональная деятельность летного состава связана с повышенными, экстремальными, психологическими и физиологическими нагрузками.

Негативные влияния, связанные с ней, как показал теоретико-методологический анализ, в современных исследованиях рассмотрены через плоскость влияния следующих факторов:

- стресс;
- нервно-эмоциональное напряжение;
- повышенная физическая нагрузка (перегрузки);
- разбалансированность биологических ритмов (режим работа);
- неблагоприятные явления (шум, вибрация, излучение и другое).

Подходы к решению проблем эффективной реализации профессиональной деятельности пилотов гражданской авиации, в основном, представлены через:

- успешность обучения курсантов;
- развитие профессионально важных качеств;
- оценку надежности и учет возможности ошибочных действий;
- профессиональный отбор.

Таким образом, из фокуса внимания научных изысканий в области формирования личности пилота выпадает непосредственно учет индивидуально-психологических особенностей субъекта (темперамент, характер, способности и особенности эмоционально-волевого реагирования) и научное обоснование их использования в процессе подготовки и комплектования летных экипажей.

Очевидно, что знания, умения, навыки, которые приобретаются в процессе обучения курсантов и оцениваются в процессе профессионального отбора и медицинской экспертизы, не представляют весь комплекс мер, необходимых в достижении эффективности ежедневного взаимодействия летных экипажей и при ликвидации аварийной ситуации. Кроме надежности деятельности, от пилотов также требуются поступки высокого нравственного содержания,

которые невозможно спрогнозировать, не имея представления о индивидуально-психологических и личностных особенностях каждого представителя данной профессии.

Проблема снижения влияния человеческого фактора, которая актуально стоит с начала освоения человечеством воздушного пространства, может быть эффективно скорректирована и спрогнозирована посредством изучения ресурсов самого субъекта профессиональной деятельности – пилота, а именно, его психологических, психофизиологических и поведенческих особенностей.

Системный подход в профессиональном отборе, обучении и тренировках будущих и действующих летных экипажей с целью повышения надежности, эффективности взаимодействия и взаимозаменяемости их членов, является наиболее эффективным средством и реализуется через познание себя и повышение уровня собственной надежности. Теоретическая и практическая тренировка летных экипажей в области человеческого фактора позволит целостно представить индивидуальность пилота, установить взаимосвязь разноуровневых характеристик индивидуально-психологических и личностных особенностей (динамических, характерологических особенности, направленность в межличностных отношениях, контроль и регуляция эмоционально-волевых проявлений) и определить особенности индивидуального стиля профессиональной деятельности.

Индивидуально-личностные особенности пилота гражданской авиации, следует рассматривать в нескольких направлениях:

- проявление и сочетание темпераментальных компонентов личности в штатных и экстремальных ситуациях профессиональной деятельности (активность, эмоциональность, саморегуляция);
- взаимосвязи характерологических особенностей (наличие или отсутствие акцентуации; устойчивости той или иной психической особенности, определяющей поведение пилота; выраженности качеств ответственности, дисциплинированности; устойчивости мотивов, особенностей адаптации и т.д.);
- репертуара способностей (задатков) и уровней их развитости (обучаемости);
- системы сформированности эмоционально-волевого контроля (навыки саморегуляции, а том числе, формы реагирования в экстренных ситуациях).

Профессиональная эффективность летного обучения и деятельности существенно зависит от индивидуально-психологических особенностей личности курсантов и пилотов, что определяет необходимость их системного изучения и анализа. Успешность профессиональной деятельности пилота гражданской авиации определяется совокупностью его индивидуально-личностных особенностей и направлением регуляторного воздействия ряда выше выявленных факторов на организм и психику специалиста, которое и обуславливает достижение достаточного уровня надежности в процессе развития и становления профессионала.

Библиографический список

1. *Азаренкова Т.Г.* Особенности профессиональных стрессоров у летного состава гражданской авиации / Сборник трудов молодых ученых: Современные подходы в оказании экстренной психологической помощи. Пермь, 2018.
2. *Зиньковская С.М.* Связь свойств темперамента с особенностями характера у летного состава гражданской авиации // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2006. № 1 (3).
3. *Зиньковская С.М.* Современные виды подготовки летного состава гражданской авиации в области человеческого фактора // Образование и наука, 2006. № 6 (42).
4. *Лейченко С.Д., Малишевский А.В., Михайлик Н.Ф.* Человеческий фактор в авиации. СПб., 2006.
5. *Клевцова Е.В., Благигин А.А.* Проблема исследования психологических детерминант успешности

обучения и профессиональной надежности деятельности пилотов // XXV Юбилейные Царско-сельские чтения: сборник трудов конференции. СПб., 2021.

6. Рекомендации по комплектованию летных экипажей и обеспечению оптимального морально-психологического климата. М., 1985.
7. Руководство по психологическому обеспечению отбора, подготовки и профессиональной деятельности летного и диспетчерского состава гражданской авиации Российской Федерации. М., 2001.
8. Руководство по обучению в области человеческого фактора. Дос. 9683-AN/950. Монреаль, 1998.

Н.С. Архипов

аспирант

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

E-mail: nikitos-n1@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА

Е.А. Макеева

Аннотация. В условиях неустойчивого экономического развития и уровня жизни народа одной из наиболее приоритетных национальных проблем является интеграция детей в общество. Особое значение в этом контексте имеет вопрос о положении детей, воспитывающихся в детских домах России. Контингент детей из детских домов не относится к группе высокого риска по признакам психических расстройств, расстройств самоидентификации, проблем анамнеза и негативных тенденций в развитии. В связи с этим необходимо организовать социальную и индивидуальную поддержку педагогических практик, развивающих воспитанников детского дома.

Ключевые слова: социально-педагогическое сопровождение, индивидуальное развитие, воспитанники детских домов, нарушение поведения, девиантное поведение.

SOCIO-PEDAGOGICAL SUPPORT FOR THE INDIVIDUAL DEVELOPMENT OF ORPHANS

E.A. Makeeva

Abstract. Due to unstable economic development and living standards of the people, one of the most priority national problems is the integration of children into society. Of particular importance in this context is the issue regarding the condition of children brought up in Russian orphanages. Orphans belong to the high-risk group in terms of mental disorders, self-identification disorders, history problems and negative developmental tendencies. In this regard, it is necessary to organize social and individual support for pedagogical practices that develop pupils of the orphanage.

Keywords: socio-pedagogical support, individual development, children from orphanages, behavioral disorder, deviant behavior.

В данной статье нами была поставлена следующая цель: на основе проведенного теоретического анализа и опытно-поискового исследования разработать и частично апробировать программу «Социально-педагогическое сопровождение старших дошкольников с нарушением поведения в условиях детского дома».

Теоретический анализ специализированной литературы показывает, что центры содействия семейному воспитанию (ЦССВ) являются воспитательными и опорными учреждениями для детей, потерявших родителей или оставшихся без их попечения, а также для детей, нуждающихся в помощи и защите государства. Дети и подростки проходят обучение и воспитание в условиях ЦССВ. В целом, ЦССВ являются основной моделью социального мира детей-сирот, и от того, как выстроен процесс воспитания, будут зависеть их навыки и умения приобретать социальный опыт, формировать основные межличностные отношения, личную жизнь и деятельность.

Проведенный нами теоретический анализ характеристик воспитанников ЦССВ № 1 г. Москвы показывает, что процесс развития детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеет качественные особенности и трудности в формировании индивидуальных со-

циальных способностей. В результате воспитания в ЦССВ наблюдается специфическое развитие особенностей поведения, личностной, интеллектуальной и аффективно-потребностной сфер.

Личностное развитие воспитанника детского дома – очень сложный, длительный и противоречивый процесс. Развитие воспитанников детских домов на разных этапах становления рассматривается как рост, зрелость, совершенствование, дифференциация, обучение, импринтинг и социализация. Личностное развитие воспитанников детского дома создает условия для установления индивидуального социально-педагогического сопровождения детей-сирот, учитывая индивидуальные особенности личностного развития воспитанников детского дома, можно наладить эффективную социально-педагогическую деятельность по обеспечению социальной защиты и адаптации детей.

Социально-педагогическое сопровождение – это процесс, когда ребенок проходит часть своего пути с кем-то в качестве спутника или компаньона. Речь идет о реакциях, процессах и состояниях, которые поддерживают естественное развитие личности. Кроме того, консультирование в успешных организациях помогает ребенку раскрыть собственный личностный потенциал и освоить новые социальные роли, не характерные для него в прошлом. Существенной особенностью консультирования является организация педагогических условий в личностном развитии детей в ЦССВ, создание и обеспечение успешного личностного развития воспитанника, поддержка во всех сферах интеллектуальной и творческой деятельности, обеспечение гармоничного вхождения в общество.

Также в данной работе мы провели анализ социально-педагогического сопровождения старших дошкольников с нарушением поведения в условиях ЦССВ № 1 г. Москвы. Анализ показал, что работу по социально-педагогическому сопровождению индивидуального развития воспитанников детского дома характеризует бессистемность и бескомплексность. По полученным данным большинство воспитанников ЦССВ № 1 г. Москвы имеют очень низкий уровень сформированности основных личностных компетенций, что является показателем высокой вероятности возникновения у данных воспитанников адаптационных проблем, а также высокого риска развития девиантного поведения. Для решения данных проблем в ходе исследования нами была разработана программа «Социально-педагогическое сопровождение старших дошкольников с нарушением поведения в условиях детского дома».

Основной целью программы социально-педагогического сопровождения старших дошкольников с нарушением поведения в условиях детского дома является обеспечение и реализация мероприятий, направленных на адаптацию детей, поступающих в ЦССВ, к новым условиям, социальную адаптацию и подготовку к самостоятельной жизни.

Также целью программы является социально-педагогическое сопровождение детей, поступающих в детские дома, помощь им в адаптации к новой среде, подготовка их к самостоятельной жизни, обеспечение их личностного развития, защита их прав и законных интересов.

Основная работа по реализации нашей программы включала в себя несколько этапов: диагностический, деятельностный, коррекционный и результативный.

Отметим, что разработанная нами программа способствует развитию самосознания воспитанников, способности прогнозировать последствия собственных действий, развитию нравственно-волевых качеств личности, умению адекватно оценивать социальную обстановку, контролировать собственные эмоции, умению осуществлять постоянный самоконтроль во время учебно-познавательной деятельности, а также, способствует формированию навыков самоконтроля с целью профилактики девиантного поведения.

Исследование проводилось на базе ЦССВ № 1 города Москвы (*рисунок 1*). Тип организации: бюджетное учреждение. Предметом деятельности ЦССВ № 1 является предоставление сервиса по воспитанию и содержанию детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

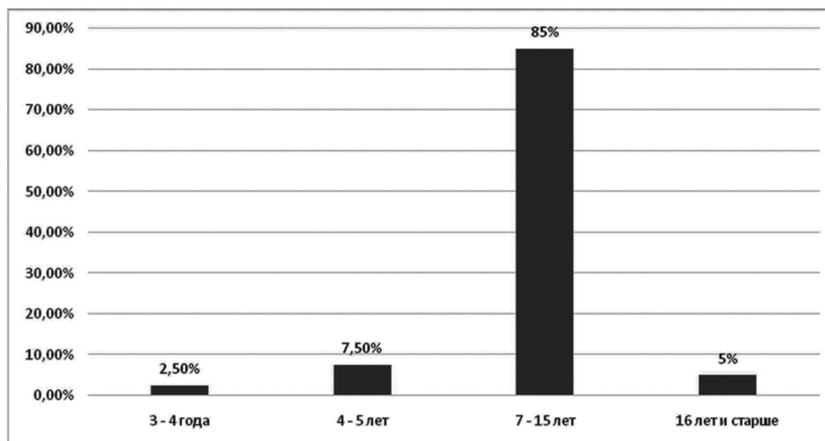

Рисунок 1. Количество воспитанников ЦССВ № 1 г. Москвы

Цель ЦССВ № 1 – сопровождение воспитанников детского дома, выявление рисков дезадаптации у детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, формирование социальных компетенций.

Основные задачи детского дома:

- обеспечение развития самодостаточности и самостоятельности воспитанников для дальнейшей жизни в обществе;
- способствование развитию института замещающих семей;
- оказание своевременной и качественной профессиональной помощи детям и семьям.

Программы воспитательно-образовательного процесса в ЦССВ организуются с целью реализации основных социальных функций государства в отношении детей в ЦССВ.

Для выполнения этих задач необходимо включение ребенка на каждом этапе деятельности с учетом его способностей и сильных сторон. Эта цель обеспечивается поэтапной реализацией совместных задач детских домов и образовательных учреждений.

Половая структура: мальчики – 19 (47 %), девочки – 21 (53 %). 5 % – круглые сироты (рисунок 2).

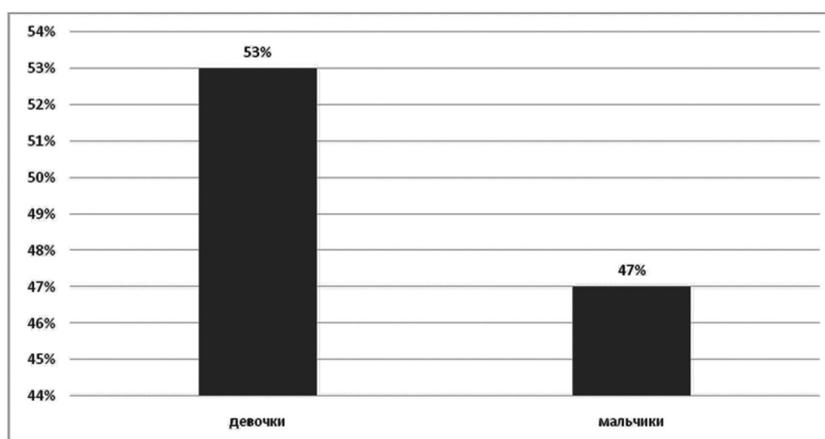

Рисунок 2. Половая структура воспитанников ЦССВ № 1 г. Москвы

В ЦССВ № 1 г. Москвы сформирована благоприятная воспитательно-образовательная и развивающая среда. Это проявляется в том, что воспитанникам ЦССВ № 1 созданы максимально комфортные условия для проживания, предоставляются услуги дистанционного образования, а также возможность посещения городских мероприятий вместе с сотрудниками ЦССВ № 1. Воспитанники получают образование в различных общеобразовательных учреждениях города Москвы с учетом их психологических и физических особенностей. На выходных дети имеют возможность посетить разнообразные мастер-классы и интерактивные занятия, проводимые как в стенах ЦССВ № 1, так и за его пределами.

Сотрудники ЦССВ № 1 проводят социально-педагогическое сопровождение с момента поступления ребенка, а также в период готовности ребенка к обучению в школе, в период адаптации в первом классе, перехода в среднюю школу, профориентации и социализации выпускников и др.

Принципы социально-педагогического сопровождения старших дошкольников с нарушением поведения в условиях детского дома в ЦССВ № 1 г. Москвы:

- комплексные решения для каждого ребенка с учетом его особенностей;
- стратегический принцип, то есть социально-педагогическая поддержка является особой функцией интегрированной службы;
- индивидуальный подход к каждому ребенку на основе анализа медицинских, социальных, психологических и педагогических характеристик каждого ребенка;
- принцип непрерывности, который означает улучшение и укрепление существующих услуг и функций при создании новой модели их реализации;
- принцип комплексности, который позволяет создать систему поддержки детей в детских домах, позволяющую решить все их проблемы – здоровье, образование, общение, профессиональная ориентация и т.д.;

На наш взгляд, игнорирование даже одного принципов неизбежно приведет к нарушению остальных, что чревато подрывом целостности педагогической системы.

Система социально-педагогического сопровождения старших дошкольников с нарушением поведения в условиях детского дома ЦССВ № 1 состоит из:

1. Предварительные исследования правовой поддержки по вопросам социальной защищенности детей, выпустившихся из ЦССВ.
2. Обучение и контроль кураторов – социальных педагогов и воспитателей.
3. Работа по комплексному развитию личности, включающая тренинг адаптивного поведения для старшеклассников.
4. Предиктивная диагностика.

Реабилитационная деятельность ЦССВ № 1 направлена на создание условий для индивидуального саморазвития, которые удовлетворяют основные потребности человека путем изменения его личностных характеристик и социальных способностей:

1. Групповые дискуссии основаны на решении вопросов личностного развития: «совесть», «негативные эмоции», «ложь», «я в обществе», «вредные привычки», «мои проблемы» и др.
2. Тематические развивающие занятия: «Найди себя», «Оцени себя», «Необитаемый остров» и др.
3. Профилактика отклоняющегося поведения и развитие позитивного мышления через игры и мастер-классы.
4. Организация открытых обсуждений для развития умения слушать, воспринимать чужие эмоции, принимать позицию собеседника.

Организация социально-педагогического сопровождения старших дошкольников с нарушением поведения в условиях ЦССВ № 1 г. Москвы включает следующие основные этапы (рисунок 3).

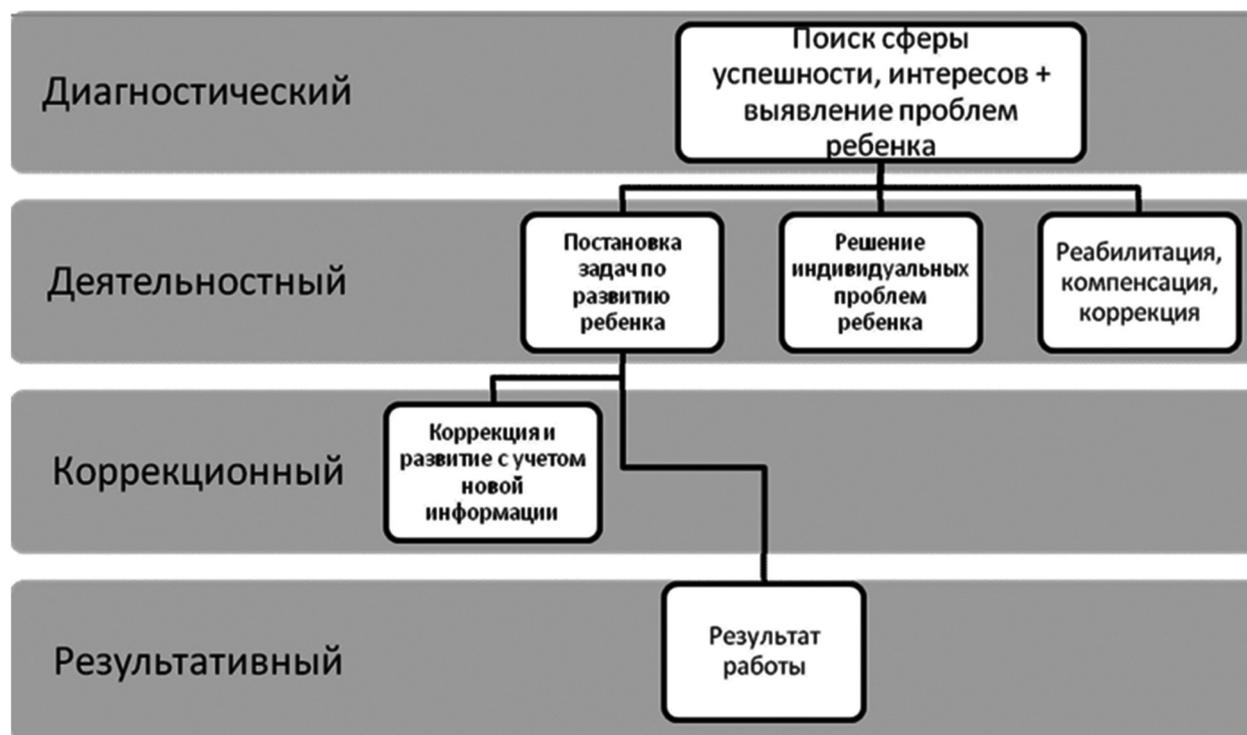

Рисунок 3. Этапы организации социально-педагогического сопровождения старших дошкольников с нарушением поведения в условиях детского дома

Как было указано ранее, одним из важнейших этапов личностного развития воспитанников ЦССВ является формирование социальной компетенции, которая представляет собой систему знаний о себе и обществе, а также систему умений социального взаимодействия с другими членами общества.

Приняв во внимание специфику личностного развития воспитанников ЦССВ № 1 г. Москвы, мы считаем важным отметить важнейшие компетенции, диагностика и формирование которых представляет главную ценность в данном исследовании:

1. Здоровьесберегающая компетенция – основные навыки, способствующие развитию и поддержанию физического и ментального здоровья воспитанников.
2. Образовательная компетенция. Под данной компетенцией мы подразумеваем способность воспитанника к обучению и применению полученных знаний, умений и навыков в дальнейшей профессиональной или творческой деятельности.
3. Коммуникативная компетентность, подразумевающая навыки коллективной работы, освоение и репрезентация социальных ролей, а также знания о возможных видах социальной коммуникации.
4. Способность (компетентность) человека к самосовершенствованию – это владение физическим, психическим и интеллектуальным саморазвитием, эмоциональной саморегуляцией и самоподдержкой. Реальным объектом этой способности является сам студент. Он овладевает способами реализации своих интересов и способностей, что проявляется в постоянном самопознании, развитии личностных качеств, необходимых современному человеку, формировании культуры психологической грамотности, мышления.
5. Гражданская компетенция, которая заключается в умении ориентироваться в социальной и политической жизни, то есть осознавать себя членом общества, государства. Основные категории: патриотизм, товарищества, гражданственность, активная социальная позиция.

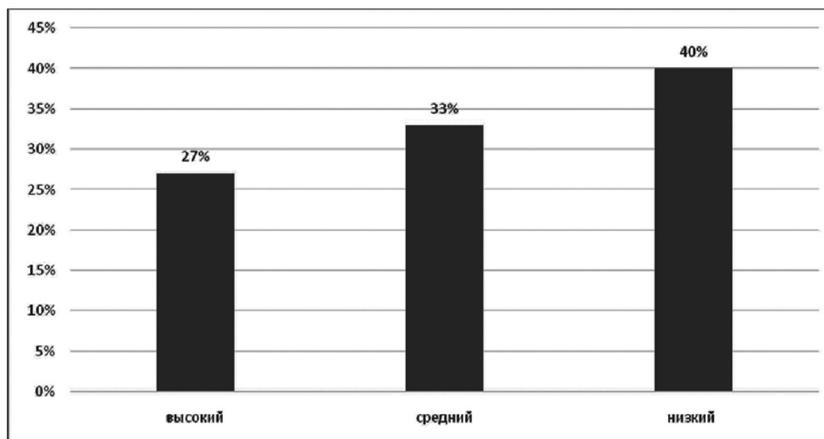

Рисунок 4. Уровень сформированности здоровьесберегающей компетенции воспитанников ЦССВ № 1

На первом этапе исследования решено было изучить уровень здоровьесберегающей компетенции воспитанников ЦССВ № 1 г. Москвы. В качестве диагностического инструмента была выбрана анкета за авторством С.П. Шероновой «Здоровый образ жизни». Анкета содержит восемь вопросов, необходимо было отметить подходящий ответ. Результаты диагностики представлены на диаграмме (рисунок 4).

По итогу диагностики можно констатировать, что 6 человек (40 %) имеют низкий уровень и 5 человек (33 %) средний уровень сформированности здоровьесберегающей компетенции. Следовательно, воспитанники детского дома не испытывают или в незначительной мере испытывают потребность в понимании, что здоровый образ жизни – это важнейшая ценность в жизни. Было установлено, что большая часть воспитанников имеет яркую предрасположенность к проявлению девиантного поведения, в том числе случаи курения.

4 человека (27 %) имеют высокий уровень сформированности здоровьесберегающей компетенции. Данные воспитанники считают, что здоровый образ жизни является необходимым условием для развития всех сторон жизни человека, для достижения активных и социальных функций, для активного участия в трудовой, социальной, жилищной и досуговой деятельности. У них сформирована установка на ведение здорового образа жизни.

Во время проведения второго этапа исследования была проведена диагностика образовательной компетенции воспитанников. В качестве инструмента был выбран опросник

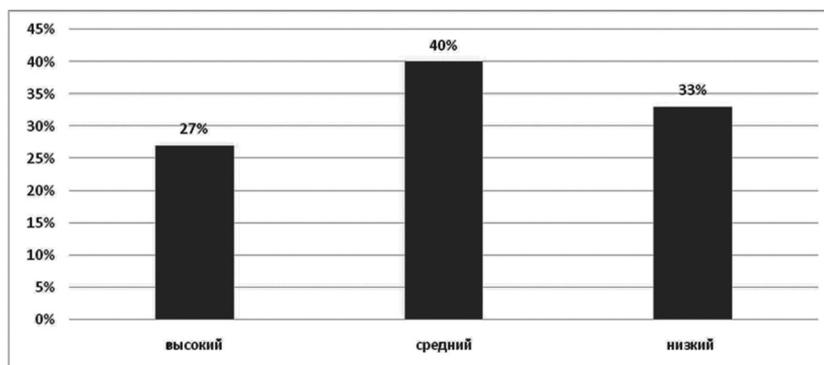

Рисунок 5. Распределение по уровню сформированности учебно-познавательной (образовательной) компетенции воспитанников ЦССВ № 1 г. Москвы

В.Б. Успенского «Способность воспитанников к обучению», состоящий из 24 утверждений, которые подразумевают развернутый ответ на каждое утверждение.

Проанализировав полученные данные (*рисунок 5*), следует сделать вывод о том, что для большей части воспитанников ЦССВ № 1 характерен низкий и средний уровень сформированности образовательной компетенции. Исходя из этого, мы можем констатировать, что у воспитанников не развиты или слабо развиты следующие навыки:

- общие навыки обучения;
- навыки самообразования;
- навыки поиска, обработки и использования информации для решения учебных и познавательных задач.

Эти дети также не планируют карьеру, имеют неустойчивые интересы и несерьезно относятся к профессиональной деятельности.

Отметим, что 4 респондента (27 %) имеют высокий уровень (образовательной) компетенции. Это значит, что данные воспитанники ЦССВ способны успешно запоминать и воспроизводить учебную информацию, а также легко формировать учебные и иные навыки.

Следующий этап работы был посвящен проведению диагностики коммуникативной компетенции.

Воспитанники ЦССВ с низким уровнем сформированности коммуникативной компетенции имеют проблемы с установкой и поддержанием личных и деловых отношений по причине неспособности адекватно оценивать себя и собеседника во время общения.

Стоит сказать, что приобретение коммуникативных навыков, естественно, происходит очень медленно, и редко достигает очень высокого уровня у большинства воспитанников детских домов. В учебных заведениях не учат эффективному общению, и детям трудно самостоятельно овладеть коммуникативными навыками. Из-за низкого уровня имеющихся коммуникативных навыков могут возникать конфликты между отдельными людьми и группами.

Карта заполнялась совместно с психологом, социальным педагогом, воспитателями ЦССВ № 1 г. Москвы.

По результатам диагностики было установлено (*рисунок 6*), что:

- 54 % воспитанников имеют низкий уровень сформированности коммуникативной компетенции;
- 32 % воспитанников имеют средний уровень развития сформированности коммуникативной компетенции, в частности, решения коммуникативных задач;
- 14 % воспитанников ЦССВ имеют высокий уровень сформированности коммуникативной компетенции; в частности, стоит отметить, что эти дети способны поддерживать друг с другом адекватные личные отношения.

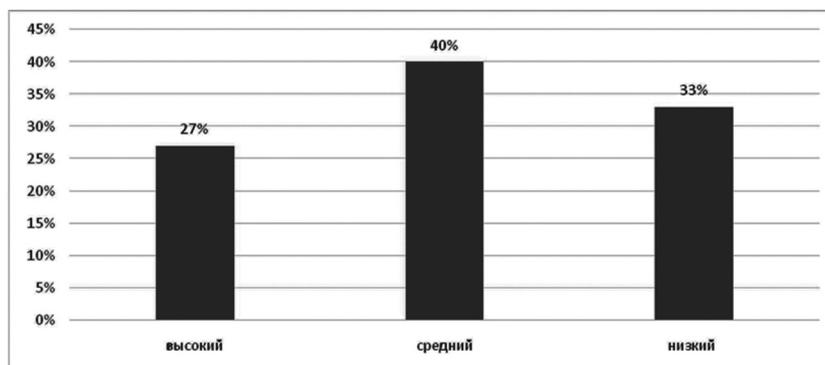

Рисунок 6. Уровень сформированности коммуникативной компетенции воспитанников

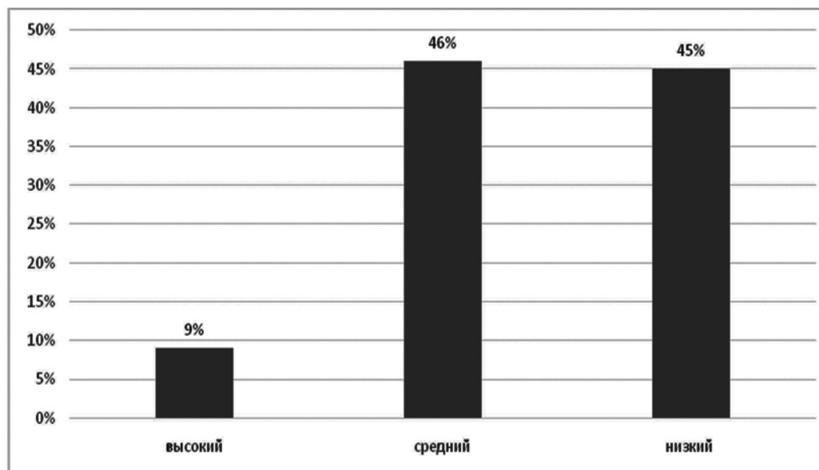

Рисунок 7. Распределение по уровню сформированности компетенции личностного самосовершенствования воспитанников ЦССВ № 1 г. Москвы

На четвертом этапе диагностики мы анализировали способность личности к самосовершенствованию, что означает овладение способом саморазвития тела, ума и интеллекта, саморегуляции эмоций и самообеспечения. Воспитанник ЦССВ № 1 готов к освоению способа деятельности по собственным интересам и способностям, что проявляется в его постоянном самопознании, развитии личностных качеств, необходимых современному человеку.

Для диагностирования уровня сформированности компетенции личного самосовершенствования мы использовали следующую методику.

Воспитанникам было предложено заполнить опросник, состоящий из 101 утверждения, касающихся особенностей принятия себя и других людей, уровня самооценки и самовосприятия, эмоциональной развитости, характеристик доминирования или подчинения.

Результаты диагностики представленные на *рисунке 7*.

В общей сложности 91 % опрошенных имеют средний и низкий уровень сформированности компетенции личностного самосовершенствования. Мы отметили, что для таких детей характерно наличие защитных психологических барьеров в осуществлении и осмыслении собственного социального опыта.

9 % детей имеют высокий уровень сформированности компетенции личностного самосовершенствования, а также развития как внутреннего, так и внешнего контроля. Это говорит о том, что студенты полностью развиты в плане физического, психического и интеллектуального саморазвития, эмоциональной саморегуляции и самоподдержки. Сформирована культура мышления и действия. Учащиеся знают, как действовать в соответствии со своими интересами и способностями. Решение жизненных и иных проблем является их характерной чертой.

В ходе проведения следующего этапа диагностики был измерен уровень сформированности гражданской компетенции. Основные показатели в рамках данной компетенции: ориентация в общественной и политической сфере, гражданская идентичность, уровень правовой культуры, способность осуществления роли законопослушного гражданина, активного члена гражданского общества.

Результаты диагностики, представленные на *рисунке 8*.

36 % опрошенных имеют высокий уровень патриотизма, товарищества. Эти дети выражают активное отношение к общественно-политической жизни, считают себя законопослушными гражданами.

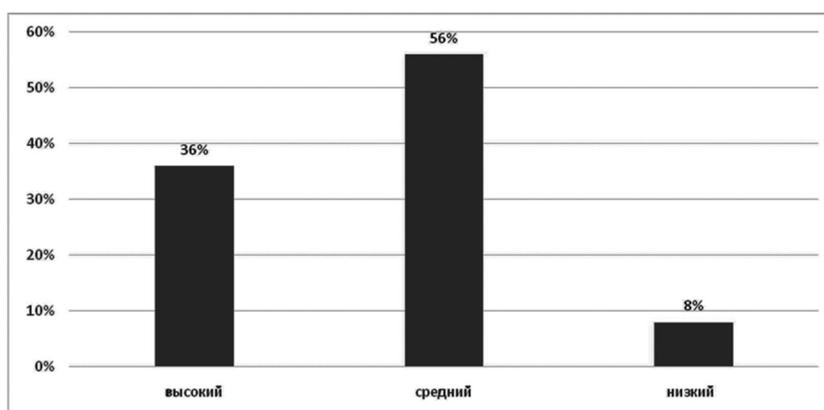

Рисунок 8. Распределение по уровню сформированности гражданской компетенции воспитанников ЦССВ № 1 г. Москвы

56 % опрошенных имеют средний уровень сформированности гражданской компетенции. В частности, отметим, что эти дети занимают опосредованную позицию между необходимостью и потребностью проявлять гражданскую активность, не имеют специальных знаний и умений для активного участия в общественно-политической жизни российского государства.

8 % имеют низкий уровень сформированности гражданской компетенции. Эти дети не стремятся иметь активную гражданскую позицию и стремления проявлять себя как законопослушных граждан.

В ходе проведенной диагностики нам удалось установить определенные особенности личностного развития воспитанников ЦССВ, а также специфические тенденции в данном направлении. Исходя из полученных нами данных, мы можем констатировать, что большинство воспитанников ЦССВ № 1 г. Москвы не имеют ярко выраженных социальных компетенций, а следовательно – знаний, умений и навыков успешной и активной социальной жизни. Этот недостаток провоцирует девиантное поведение среди воспитанников, усложняя как собственное индивидуальное развитие этих детей, так и их коммуникацию с остальными членами общества. Это негативное последствие формирования и развития личности детей порождено недостатками ЦССВ и детских домов, а именно – успешной реализацией социального потенциала путем включения их в группы и виды деятельности, предусматривающие четкие и однозначные способы взаимодействия и конкретные планы действий.

В качестве средства для решения данной проблемы разработали психолого-педагогическую программу «Социально-педагогическое сопровождение старших дошкольников с нарушением поведения в условиях детского дома».

Библиографический список

1. *Алексеева И.А.* Как услышать ребенка: пособие для специалистов. М., 2012.
2. *Ахвердова О.А., Голушианян К.С., Козлитина О.Н.* Руководство к проведению семинарских и практических занятий по курсу «Психология развития и возрастная психология»: учебное пособие. Ставрополь, 2003. Ч. 1.
3. *Барabanов Р.Е., Дергачев А.В., Костюшина Е.В., Чистовский Д.И.* Организация работы специалистов социально-психологической службы образовательного учреждения с детьми группы риска // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2020. № 2.

4. *Беличева С.А.* Основы превентивной психологии. М., 2013.
5. *Бережная О.В.* Психолого-педагогическое сопровождение детей-сирот как средство их социализации. Ставрополь, 2005.
6. *Васильев А.* Защита прав детей сирот в современном российском обществе // Современное право. 2006. № 9 (1).
7. *Волохатова В.М, Трушина М.А.* Создание адаптивной модели бесконфликтной интеграции воспитанников сиротских учреждений в среду самостоятельной жизнедеятельности // Региональные программы социальной адаптации выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: материалы межрегиональной научно-практической конференции 30 июня – 1 июля 2011 г. Смоленск, 2011.
8. *Горовая В.И.* Проблемы подготовки воспитанников учреждений для детей-сирот к самостоятельной жизни // Детский дом. 2009. № 32.
9. *Деева Е.В.* Социально-педагогическая деятельность с несовершеннолетними, склонными к самовольным уходам из семей и специальных учебно-воспитательных учреждений // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 10.
10. *Донник М.* Социальное общежитие – путь к самостоятельности выпускников школ-интернатов // Научные записки. Серия: Педагогические науки. № 83.
11. *Егорова М.О.* Услуга: Социально-психолого-педагогическое сопровождение выпускников организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях самостоятельного проживания (подготовка к независимой жизни). Кн. 26. М., 2013.

Е.А. Макеева

социальный педагог, психолог, воспитатель

Центр содействия семейному воспитанию «Каховские Ромашки»

E-mail: bosmar39@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ АУТОАГРЕССИИ И АВТОНОМНОСТИ У ПОДРОСТКОВ

Е.Э. Кригер, М.М. Мишина, Е.В. Бахадова

Аннотация. В последнее время увеличилось количество экстремальных ситуаций, в которых подростки совершают массовые расправы, завершающиеся убийством других и себя. Статья посвящена исследованию подросткового суицида, который выступает составляющей массовых подростковых убийств. Основное внимание авторы статьи сосредоточили на изучении взаимосвязи аутоагрессии, являющейся одной из причин суицида, и автономности. Основная гипотеза заключается в проверке связи между аутоагрессией и автономностью у подростков. В исследовании приняли участие подростки 3-его учебного корпуса ГБОУ СОШ № 1565, г. Москвы в составе 96 человек, из них 51 – девушки, 45 – юноши. Возраст респондентов: 14–15 лет. Для исследования связи аутоагрессии и автономности были использованы методики: шкала безнадежности Бека; шкала одиночества Д. Рассела; опросник суицидального риска А.Г. Шмелева; опросник «Стратегии поведения в конфликте» испытуемых типологических групп Томаса; опросник «автономности-зависимости» Г.С. Прыгина. Результаты исследования, с использованием корреляционного анализа по методике Спирмена, показали наличие статистически достоверной связи в следующих параметрах: отрицательная – по шкалам безнадежности и одиночества; отрицательная – для стратегии поведения «избегание»; прямые корреляции – для стратегий в конфликтных ситуациях «соперничество» и «компромисс»; прямые корреляции – для субшкалы опросника суицидального риска «антисуицидальный фактор»; отрицательные – для субшкал «аффективность», «уникальность», «несостоятельность», «временная перспектива», «максимализм», «социальный пессимизм».

Ключевые слова: аутоагрессия, автономность, суицид, подростковый возраст.

DEPENDENCY BETWEEN ADOLESCENT AUTOAGGRESSION AND AUTONOMY

E.E. Krieger, M.M. Mishina, E.V. Bakhadova

Abstract. In recent years, there has been an increase in the number of extreme situations in which teenagers commit columbine shootings resulting in the murder of others and themselves. This article is devoted to the study of teenage suicide, which is a component of mass teenage killings. The authors of the article focused on the study of the relationship between autoaggression (which is one of the causes of suicide) and autonomy. The main hypothesis is to assess the teenager's dependency between autoaggression and autonomy. The focus group of the survey were teenage students studying in the 3rd educational building of the Moscow GBOU secondary school No. 1565. Some 96 people were polled, of which 51 – girls, 45 – boys. Age of respondents: 14–15 years old. For autoaggression and autonomy dependency study the following methods were used: Beck's despair scale; D. Russell's loneliness scale; A.G. Shmelev's suicidal risk questionnaire; the questionnaire «Behavior Strategies in Conflict» of Thomas's test typological groups; questionnaire «autonomy-dependence» by G.S. Prygin. The results of the study, using Spearman's correlation analysis, showed the presence of a statistically reliable dependency in the following parameters: negative – on the scales of despair and loneliness; negative – for the strategy behavior «avoidance»; direct correlations – for strategies in conflict situations, «rivalry» and «compromise»; direct correlations – for the sub-scale of the suicidal risk questionnaire «anti-suicidal factor»; negative – for the sub-scales «affective disposition», «uniqueness», «inadequacy», «time perspective», «maximalism», «social pessimism».

Keywords: autoaggression, autonomy, suicide, adolescence.

Актуальность темы связана со значительным ростом проявлений аутоагрессии среди современных подростков, включая крайнюю форму аутоагрессии – суицид, которая вызывает

наибольший резонанс. По данным Всемирной Организации Здравоохранения самоубийства являются одной из ведущих причин смертности молодых людей и подростков в возрасте от 15 до 29 лет.

Подростки в силу особенностей развития, в период взросления оказываются наиболее уязвимыми в условиях социальных перемен при изменении нравственных устоев жизни. Именно в этом возрасте юноши и девушки начинают возлагать на себя ответственность за решение возникающих проблем. Когда психологических ресурсов личности недостаточно, а внешнее окружение неблагоприятно, подросток, переживая критическую ситуацию, не может найти адекватный выход. При этом у подростка растет внутреннее эмоциональное напряжение, и как следствие проявляются защитные механизмы, в том числе и аутоагрессия.

Социальное давление, которое оказывается на современного подростка, проблемы в семье, травля в школе и Интернете могут служить причиной для суицидальных попыток. В настоящее время большую роль также играют социальные сети, романтизирующие суицид в глазах молодых людей, что создает большую площадку для проявления суицидальной активности.

В последнее время наблюдаются случаи самоубийств среди подростков, которые носят экстремальный характер (подросток планирует уход из жизни не в одиночку, а убивает вместе с собой другого).

Изучение степени разработанности проблемы показывает, что отдельно по проблеме аутоагрессии, суицидального поведения и автономности существует достаточное количество теоретического, эмпирического и методического материала (А.Г. Амбрумова [1], Т.Г. Визель [3], О.И. Ефимова, А.Е. Личко [5], Л.В. Синкевич [3] и др.). Возрастные особенности подростков изучали И.А. Алексеева [2], М.В. Осорина [8], А.М. Прихожан [10], Э. Эрикссон [15], Д.И. Фельдштейн [14] и др.). Вслед за А.Г. Амбрумовой, Т.Г. Визель [1], О.И. Ефимовой [4], Л.В. Синкевич [3] и др. мы будем разделять аутоагрессивное и суицидальное поведение. Под аутоагрессией стоит понимать один из показателей суицидального риска; не всегда осознаваемые механизмы, приводящие к суициду. При этом наличие социальных и психопатологических механизмов усиливают аутоагрессию, которая может стать причиной суицида.

Проблемами автономности подростков занимались В.И. Моросанова [10], И.Н. Бондаренко [7], К.В. Павленко [9], Г.С. Прыгин [11], К.Н. Поливанова [9]. В данном исследовании под автономностью понимается важнейшее интегративное качество личности, отражающее высокую степень сформированности психической регуляции личности (Г.С. Прыгин) [11]. В своей статье мы исследуем взаимосвязь аутоагрессии и автономности у современных подростков. Автономность личности позволяет действовать на основании собственных принципов, осознавать и переживать собственную отдельность, а не связанность с группой. Подростки в силу своих возрастных особенностей включены в общение со сверстниками, что является их ведущим видом деятельности, связывающим со сверстниками.

Программа исследования. Исследование аутоагрессии и автономности у современных подростков позволяет изучить суицидальные риски как фактор возникновения чрезвычайных ситуаций. Как показывает анализ произошедших экстремальных ситуаций в подростковой среде, все они заканчивались не только убийством других, но и прежде всего себя. Особенностью подросткового возраста является изменение социальной ситуации развития: подросток начинает отделяться от взрослых и расширяет общение со сверстниками. Недовольство общением со сверстниками вызывает разные негативные переживания и внутренние конфликты. Одной из потребностей подросткового возраста является потребность в автономии. Подростки испытывают потребность в обретении самостоятельности, независимости, свободы; желание принять на себя права и обязанности взрослого человека. Принимая во внимание то, что в экстремальных ситуациях, убивая сверстников и учителей,

подростки уходили из жизни вслед за ними, оставаясь связанными с ними в смерти, мы в своей работе решили обратить внимание на изучение взаимосвязи аутоагрессии и автономности у подростков. Основное предположение строится на том, что в чрезвычайных ситуациях подросткам-шутерам, убивающим других и одновременно совершающим суицид, не хватает автономности.

Гипотеза исследования: наблюдается взаимосвязь между автономностью и склонностью к суицидальному поведению у подростков.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть аутоагрессию и автономность как предпосылки возникновения суицидальных рисков у подростков.
2. Провести эмпирическое исследование взаимосвязи аутоагрессии и автономности у подростков.
3. Описать зависимости, определяющие риск суицидального поведения подростков в чрезвычайных ситуациях.

Исследование проводилось на базе третьего учебного корпуса ГБОУ СОШ № 1565, г. Москва. Количество респондентов – 288 человек (153 – девушки, 135 – юноши). Возраст респондентов: 14–15 лет. В анамнезе исследуемых не было выявлено суицидальных наклонностей в семье.

Участие в исследовании респонденты принимали по собственному согласию. Все участники исследования были информированы о целях и задачах данного исследования. Исследование проводилось в групповой форме.

В качестве исследовательского инструментария использовались следующие методики:

1. Шкала безнадежности (А. Бек).
2. Опросник суицидального риска (А.Г. Шмелев).
3. Шкала одиночества (Д. Рассел, М. Фергюсон).
4. Опросник «Стратегии поведения в конфликте испытуемых типологических групп» (К. Томас).
5. Опросник суицидального риска (А. Шмелев).
6. Опросник «автономности – зависимости» (Г.С. Прыгин).

Сбор эмпирических материалов проводился в 2021 г.

Обсуждение результатов. Возможность предсказания самоубийства исследовалась по шкале безнадежности А. Бека. Эмпирические данные, полученные с ее помощью, свидетельствуют о том, что надежды на будущее возлагают 10,43 %, что характеризуется отсутствием у них чувства безнадежности. В большинстве случаев подростки испытывают легкую степень безнадежности – 35,41 %. Умеренная безнадежность была выявлена у 33,33 % подростков, тяжелая – характерна для 20,84 % подростков. Достаточно большое количество подростков – 20 человек (83 %) – испытывают негативные ожидания относительно своего отдаленного и ближайшего будущего, они негативно воспринимают себя в нем, что является косвенным индикатором суицидального риска.

Далее у подростков исследовалась динамика проявления суицидального риска. Согласно результатам исследования склонности к суицидальному риску по опроснику А. Шмелева было отмечено, что наиболее выраженными оказались шкалы «социальный пессимизм» и «аффективность», процентное распределение примерно одинаково. Выраженность показателей исследования по шкале «аффективность» у подростков, характеризует доминирование эмоций над рациональностью в оценке ситуации. Они не включают интеллектуальную оценку травмирующего события, а реагируют импульсивно на ситуацию, под воздействием аффекта.

Вместе с тем, стратегия «социальный пессимизм» свидетельствует о том, что подростки в состоянии безнадежности негативно настроены в отношении окружающего мира.

Воспринимают его как враждебный, не соответствующий представлениям о нормальных или удовлетворительных для человека отношениях, в них доминирует позиция «вы все недостойны меня». Выраженность данных шкал у подростков может говорить о характерном для них способе ухода из жизни, в котором преобладает эмоциональная реакция на фрустрирующие факторы и склонность обвинять окружающих за собственные неудачи.

Как отмечается в литературных источниках, еще одним показателем склонности к суицидальному риску может выступить одиночество. Исследование одиночества у подростков по шкале Д. Рассела и М. Фергюсона позволило констатировать низкий уровень субъективного отношения к одиночеству у 28,13 % респондентов. Для большинства подростков характерен средний уровень субъективного отношения к одиночеству – 41,67 %, высокий уровень соответствует 30,21 %. Авторы методики связывают переживаемое одиночество с наличием тревожности, социальной изоляцией, депрессией, скукой. Обращает на себя внимание тот факт, что у подростков, в ходе исследования отсутствовал выбор по шкале «никогда не испытываю чувство одиночества». Это показывает, что чувство одиночества знакомо каждому подростку независимо от положительного или отрицательного его переживания. Но отрицательное или положительное отношение этого переживания зависит от эмоциональной интенсивности значимых аспектов, а их похоже в жизни современного подростка не так много. Для всех подростков, переживающих тяжелую безнадежность, было характерно состояние одиночества.

Следующим шагом в исследовании было выявление автономности у подростков, для этого использовались опросники К. Томаса и Г.С. Парыгина.

Согласно опроснику К. Томаса автономные подростки предпочитают в конфликте стратегии компромисса и сотрудничества. Результаты, полученные в ходе исследования, свидетельствуют о том, что ярко выраженная тенденция к «компромиссу» в конфликтной ситуации, присуща 36,46 % подросткам. При выборе компромисса как формы поведения в конфликтной ситуации, подростки склонны совершать поступки вопреки собственным интересам (соглашаются на частичное удовлетворение своих интересов и на частичное удовлетворение интересов другого). В данном контексте можно говорить об определенных уступках и торгах для разработки компромиссного решения. Частично данная форма конфликтного поведения может быть похожа на «сотрудничество», но «компромисс» достигается на более поверхностном уровне.

Если говорить о тенденции к «сотрудничеству» в конфликтной ситуации, то данная форма конфликтного поведения присуща 10,42 % респондентов (подростки активно участвуют в решении конфликта и отстаивают свои интересы, но при этом пытаются сотрудничать с другими).

Зависимые же подростки дают сочетание таких форм поведения в конфликте как «компромисс» и избегание». Было замечено, что тенденция к избегающему поведению в конфликтной ситуации присуща 25 % респондентов. Данный стиль поведения, характеризует подростков, как людей, которые в процессе конфликта не отстаивают свои права, интересы и потребности, не сотрудничают с другими для выработки решения проблемы, могут уклоняться от решения конфликтной ситуации. То есть подросткам свойственно уходить от проблемы, игнорируя ее, перекладывая ответственность за ее решение на другого, или вообще уходить от решения, настойчиво пытаясь оттянуть во времени решение проблемы.

На других стратегиях поведения в конфликте мы в данной работе не останавливаемся, поскольку они не имеют значения для нашего предмета исследования.

Итак, результаты исследования особенностей конфликтных форм поведения подростков, по методике «Стиль поведения в конфликтной ситуации» К. Томаса, указывают на то, что наиболее характерными для учащихся являются такие формы конфликтного поведения, как «компромисс» и «избегание». Наименее присущей формой конфликтного поведения для подростков является «сотрудничество». Это свидетельствует об отсутствии у достаточно

большого количества подростков сформированных стратегий поведения в конфликтной ситуации. Они не разрешают конструктивно конфликт.

По нашему предположению автономность подростка развивается и в определенной степени зависит от его окружения, в частности, автономности другого. Исследование по методике «автономности – зависимости» С. Прыгина показало, что «автономных» среди подростков оказался значительный процент (41,67 %). Это указывает на то, что автономность является существенной чертой данного возрастного периода. По результатам исследования автономности у подростков были определены три группы: автономные (41,67 %); смешанные (28,13 %); зависимые (30,21 %). При этом зависимых подростков оказалось также достаточное количество (30,21 %). Это говорит о снижении субъектной саморегуляции подростков, они не до конца оценивают правильность выбранного ими способа действия или изменения значимых условий, не могут опираться на собственные суждения и личностные качества. Они часто нуждаются в поддержке более успешных сверстников и обращаются к ним за помощью.

Далее мы остановились на анализе данных в двух противоположных группах: автономность – зависимость. Выделенные параметры соотносились с результатами по шкалам безнадежности, одиночества и стратегии поведения в конфликте отдельно по каждой группе. Переживание безнадежности и одиночества, как показывают многие исследования, выступает одним из факторов риска суицида, а стратегии поведения подростков показывают нам характер их активности в отношениях с другими. Результаты исследования аутоагрессии и автономности у подростков были подвержены корреляционному анализу по методике Спирмена.

В ходе анализа была выявлена отрицательная корреляция автономности с такими шкалами, как безнадежность и одиночество ($r=0,600$, при $p \leq 0,01$), что говорит о том, что большинство респондентов с выраженной автономностью менее подвержены чувству одиночества и возлагают надежды на будущее. Они самостоятельно организуют свою деятельность и поведение в различных перспективах.

Была выявлена обратно пропорциональная связь между автономностью и такой стратегией поведения в конфликте, как «избегание» ($r=-0,441$, при $p \leq 0,01$). Менее значимые результаты были получены для автономности, шкал «соперничество» и «компромисс». Автономные подростки не избегают ответственности и ищут способы самостоятельного достижения цели.

При анализе «автономности – зависимости» по опроснику суицидального риска А. Шмелева было установлено, что для респондентов с высокой автономностью характерен антисуицидальный фактор ($r=0,436$, при $p \leq 0,01$); для зависимых подростков более значимыми оказались следующие показатели: демонстративность ($r=-0,456$, при $p \leq 0,01$), аффективность ($r=-0,461$, при $p \leq 0,01$), уникальность ($r=-0,476$, при $p \leq 0,01$), несостоятельность ($r=-0,517$, при $p \leq 0,01$) и временная перспектива ($r=-0,500$, при $p \leq 0,01$).

Менее значимые отрицательные корреляции были получены по следующим показателям: максимализм и социальный пессимизм. Полученные данные свидетельствуют о наличии статистически достоверной связи между автономностью и суицидальным риском у подростков. Подростки со сложившейся внутренней саморегуляцией проявляют автономность, что даёт им возможность выстроить антисуицидальные преграды, позволяющие сохранять собственную жизнь. Зависимые подростки проявляют демонстративность суицидального поведения, шантаж, доминирование аффекта над интеллектом в принятии решений, воспринимают себя как человека исключительного, но при этом имеют отрицательную концепцию собственной личности.

Подведём итоги:

1. В ходе проведенного исследования были выделены две группы респондентов: «автономные» и «зависимые». «Автономных» подростков отличает высокий уровень самостоятельности, уверенность в себе, самоконтроль и пр. Они проявляют самоорганизацию,

опираются на себя, осознают значимые условия достижения цели. Для неавтономных данные качества являются либо менее выраженными, либо отсутствуют. Эти подростки чаще опираются на подсказки и не имеют склонности к принятию самостоятельных решений. Они не могут определить правильность выбранного ими способа действия или оценить значимость того или иного фактора и их влияния на ситуацию. При этом у автономных и неавтономных подростков имеются различия в переживании безнадежности, одиночества, а также разные способы поведения в конфликтной ситуации.

2. Для респондентов с высоким уровнем автономности оказались характерны: легкое чувство безнадежности (это позволяет утверждать, что молодые люди из данной группы склонны возлагать надежды на собственное будущее и отличаются меньшей степенью выраженности пессимистичных представлений); средний уровень ощущения одиночества; выраженный антисуицидальный фактор по опроснику суицидального риска (это даже при выраженности некоторых других шкал снимает глобальные риски и позволяет утверждать, что данная группа менее склонна к суицидальным реакциям); склонность к компромиссу в конфликтных ситуациях. По полученным результатам было отмечено, что поиск компромисса, заключающийся во взаимных уступках для частичного удовлетворения интересов обеих сторон, является свойственным для «автономной» группы.
3. Для респондентов, попавших в группу «неавтономных», было отмечено, что более характерны для них среднее и высокие показатели по методике «шкала безнадежности». Можно утверждать, что данные молодые люди не склонны иметь позитивные представления о собственном будущем. Их отличает вера в то, что в жизни ничего не сложится, они не достигнут успехов и поставленных целей, и прочие негативно окрашенные мысли о собственном будущем; высокая степень ощущения одиночества; высокая подверженность эмоциям, что характеризуется высокими показателями шкалы «аффективность» по опроснику суицидального риска; выбор стратегии «избегание» в конфликтных ситуациях, что позволяет утверждать, что «неавтономные» предпочитают уходить от возможного решения проблемы.
4. Проведенный статистический анализ позволил выявить наличие для автономности следующих корреляций: отрицательные для шкал безнадежности и одиночества; отрицательная для стратегии поведения «избегание»; прямые корреляции для стратегий в конфликтных ситуациях «соперничество» и «компромисс»; прямые корреляции для субшкалы опросника суицидального риска «антисуицидальный фактор»; отрицательные для субшкал «аффективность», «уникальность», «несостоятельность», «временная перспектива», «максимализм», «социальный пессимизм».
5. Полученные данные свидетельствуют о том, что «неавтономные» подростки не могут отделить себя от других субъектов, они находятся в зависимости от более значимых сверстников и взрослых, а также не имеют собственной позиции. В подростковом возрасте эта зависимость встраивается в социальную ситуацию развития, основанную на потребности подростков в общении со сверстниками. При этом такие подростки испытывают внутренний конфликт, суть которого заключается в том, что с одной стороны они не могут выйти из зависимости от других, а с другой стороны, они переживают еще одиночество и безнадежность, выступающие факторами суицидального риска. При этом, как показывают результаты нашего исследования, найти конструктивные способы саморегуляции и обрести автономность, они не могут. Представленные результаты не противоречат имеющимся на данный момент исследованиям, отраженным, в том числе, в работах Т.В. Журавлевой, Н.В. Сургучевой, Л.Б. Шнейдер и др.

Таким образом, мы можем утверждать о наличии связи между автономностью и аутоагрессией у подростков. Отсутствие автономности у подростков делает их неспособными ощущать себя отдельной личностью со своими границами. Они ставят собственное благопо-

лучие в зависимость от других субъектов, а также предпочитают отношения с самим собой, отношениям с другими. Как отсутствие автономности, так и аутоагрессия выступают причинами суицида, причем в такой его форме, которая перерастает в чрезвычайные ситуации и заканчивается массовой гибелью людей. Следовательно, требуются специальные психолого-педагогические превентивные меры для предупреждения суицидальных ситуаций, имеющих экстремальные последствия. Практическая значимость исследования заключается в возможности учета связи автономности и аутоагрессии при построении профилактических программ работы с подростками. В перспективе исследование может проводиться на подростках, задержанных по подозрению в организации подготовительной активности террористического характера.

Библиографический список

1. *Амбрумова А.Г.* Социально-психологическая дезадаптация личности и профилактика суицида // Вопросы психологии. 1981. № 4.
2. *Алексеева И.А., Новосельский И.Г.* Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь. М., 2006.
3. *Визель Т.Г., Синкевич Л.В.* Агрессия и аутоагрессия: предпосылки, проявления, последствия. Тула, 2005.
4. *Ефимова О.И.* Суицидальное поведение в подростковом возрасте и возможности его профилактики // Медицинские науки. 2005. № 11.
5. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л., 1983.
6. *Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н.* Негативная креативность в образовании: особенности, угрозы и перспективы исследования // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 7.
7. *Моросанова В.И., Бондаренко И.Н., Фомина Т.Г.* Осознанная саморегуляция и личностно-мотивационные особенности младших подростков с различной динамикой психологического благополучия // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 9.
8. *Осорина М.В.* Секретный мир детей в пространстве мира взрослых: Мастера психологии. СПб., 2017.
9. *Поливанова К.Н., Бочавер А.А., Павленко К.В.* Развитие поведенческой автономии подростков и родительский контроль на примере независимых перемещений по городу // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 4.
10. *Прихожан А.М.* Подросток в учебнике и в жизни. М., 1990.
11. *Прыгин Г.С.* Психология самостоятельности. Ижевск, 2009.
12. *Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие. Самара, 2001.
13. *Сургучева Н.В.* Эго-восприятие и танатос-центрация как источники суицида в подростковом возрасте // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1.
14. *Фельдштейн Д.И.* Психология подростка. М., 1987.
15. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М., 1996.
16. *Beck A.T. et al.* An Inventory for Measuring Depression // Archives of general psychiatry. 1961. Т. 4. № 6.

Е.Э. Кригер

доктор психологических наук

заведующий кафедрой психологии и педагогики образования

Институт психологии им. Л.С. Выготского (ФГБОУ ВО РГГУ)

E-mail: ekrig@yandex.ru

М.М. Мишина

доктор психологических наук

профессор кафедры психологии и педагогики образования

*Институт психологии им. Л.С. Выготского (ФГБОУ ВО РГГУ)
E-mail: mishinamm@yandex.ru*

Е.В. Бахадова

кандидат психологических наук

доцент кафедры психологии и педагогики образования

Институт психологии им. Л.С. Выготского (ФГБОУ ВО РГГУ);

старший научный сотрудник

ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации

и информатизации здравоохранения» Министерства здравоохранения РФ

E-mail: bach-ev@mail.ru

МОДЕЛЬ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КОЛЛЕДЖА К ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.С. Землянская

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического анализа феномена готовности к волонтерской деятельности в виде модели готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности и результаты апробации программы подготовки волонтеров, основанной на данной модели. Целью работы является исследование уровня сформированности готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности. Исследование направлено на оценку уровней сформированности готовности по четырем структурным компонентам: ценностно-мотивационного, эмоционально-волевого, познавательно-операционального и личностного. Анализ результатов исследования показал, что уровень сформированности компонентов готовности к волонтерской деятельности у студентов профессионального колледжа повысился после прохождения специализированной авторской программы по подготовке к волонтерской деятельности, что подтверждено достоверностью преобладающего сдвига, если $G_{\text{эмп.}} \leq 45$, при $p \leq 0,05$, для $n = 106$.

Ключевые слова: психологическая готовность, волонтерская деятельность, просоциальное поведение, модель готовности студентов к волонтерской деятельности.

THE WILL-TO-VOLUNTEER MODEL FOR VOCATIONAL COLLEGE STUDENTS

A.S. Zemlyanskaya

Abstract. This article presents the results of a theoretical analysis with regard to the phenomenon of goodwill for volunteering, represented as a model of the volunteering readiness exhibited by the students of a vocational college. This study also describes the results of a pilot volunteer training program based on this model. The aim of this work is to study the extent to which the students of a vocational college are willing to participate in volunteer activities. The research is aimed at assessing the volunteering readiness levels based on four structural components: value-motivational, emotional-volitional, cognitive-operational and personal. An analysis of the study results suggested that the students' level of volunteering readiness increased after completing a specialized authorial volunteering preparation program, as confirmed by the reliability of a prevailing shift, whereby $G_{\text{эмп.}} \leq 45$, $p \leq 0,05$, $n = 106$.

Keywords: psychological readiness, volunteer activity, prosocial behavior, model of students' readiness for volunteer activity.

Студенческое волонтерское движение – одно из наиболее популярных направлений самореализации современной молодежи в российском социуме. Общеизвестно, что волонтер осуществляет свою деятельность на основе принципа добровольности и альтруизма.

Несмотря на принцип добровольности, практика работы кураторов волонтерского движения в учреждениях среднего профессионального образования показывает, что неподготовленный студент-волонтер часто испытывает психологические трудности в данном процессе, что свидетельствует о психологической неготовности к осуществлению волонтерской деятельности.

В настоящий момент недостаток исследований в области психологической готовности к волонтерской деятельности является одной из причин невысокого прироста привлечения

студентов к добровольчеству, что способствуют необходимости более глубокого анализа процесса подготовки студентов к волонтерской деятельности и комплексного осмысления самого феномена готовности.

Исходя из данных Росстата, процент вовлеченного населения в волонтерскую деятельность от общего числа жителей России по состоянию на 2020 г. составляет 1,9 % [9], что указывает на определенные проблемы в вовлечении добровольцев.

Противоречия, выявленные в ходе анализа разработанности феномена готовности к деятельности, в том числе – волонтерской, показали следующее:

- общая неготовность студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности на фоне высоких требований современного общества к личности студента-волонтера;
- фрагментарный характер научных знаний по проблематике готовности к волонтерству как обоснование необходимости системного изучения готовности к волонтерской деятельности как подструктуры личности;
- отсутствие программ подготовки для студентов колледжа как подтверждение актуальности разработки специальной программы для студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности.

В связи с этим возникает необходимость решения данной проблемы не только на практическом, но и на теоретическом уровне: обобщение теоретических исследований феномена готовности, обоснование модели готовности студентов к волонтерской деятельности, разработка программы подготовки студентов к волонтерской деятельности.

Цель данного исследования: изучение уровня сформированности готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности.

Объект исследования: готовность студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности.

Предмет исследования: изменения уровней готовности к волонтерской деятельности в процессе проведения программы по ее повышению.

Теоретико-методологический обзор феномена готовности к определенному виду деятельности широко представлен работами по изучению: учебной деятельности (Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, Д.Б. Эльконин и др.), педагогической (К.М. Дурай-Новакова, Л.В. Кондрашова, В.А. Моляко и др.), профессиональной (С.А. Бондаренко, Е.А. Климов, Н.С. Пряжников, В.А. Сластенин и др.) и конкретизирован в исследованиях: студенческой молодежи к диалоговому взаимодействию (О.П. Селиванова), здоровому образу жизни (М.О. Шуайбова); готовности молодежи к волонтерской деятельности (Е.С. Носова, А.А. Шагурова).

Несмотря на сложность и многообразие представлений о готовности к определенному виду деятельности, понимаемую и как установку, и как психофизиологическое состояние организма человека, и как сторона личности, интегрирующая индивидуальные особенности психических процессов и профессиональную готовность, исследователи едины во мнении, что готовность к деятельности – это предрасположенность субъекта ориентировать свою деятельность определенным образом.

Анализ феноменологии готовности, в контексте данного исследования, позволил определить ее как сложное системное образование личности, характеризующееся мобилизацией всех структурных компонентов на качественное и долгосрочное выполнение конкретной деятельности. Волонтерская деятельность детерминирована генетическими, социально-культурными и индивидуально-личностными факторами, включающими в себя компоненты профессиональной и личностной мотивации и самореализации субъекта.

С целью построения модели готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности, рассмотрим подходы к ее пониманию через ведущий вид деятельности старших подростков и индивидуально-психологические особенности, включающие:

профессиональное самоопределение, «Я-концепцию», направленность личности и другие особенности.

Студентами профессионального колледжа являются старшие подростки от 15 до 18 лет.

Подростковый возраст характеризуют кардинальные изменения как физического, так и психологического состояния субъекта, открывая период индивидуализации и утверждения своей личностной уникальности и неповторимости. Феноменология социального и профессионального самоопределения старшего подростка дает обоснование для целостного анализа готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности.

Теоретические и эмпирические исследования некоторых авторов показывают, что для успешного профессионального самоопределения необходимо обладать знаниями о себе, окружающих людях, о способах эффективного общения и сотрудничества (когнитивный компонент), умениями и навыками успешного межличностного взаимодействия (деятельностный компонент), мотивацией общения (мотивационный компонент) и определенными личностными качествами, определяющими успешность общения (личностный компонент) [1].

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что структурные компоненты психологической готовности старшего подростка к социальному и профессиональному самоопределению характеризуются активностью субъекта в решении проблем своего профессионального самоопределения.

Мотивы и ценности волонтеров представлены в исследованиях социальной психологии, в которых предприняты попытки связать просоциальное поведение (помогающее поведение, альтруизм, сотрудничество) с отдельными характеристиками личности волонтера, в частности, с его мотивационно-ценностной системой [5].

Современными исследователями доказано, что для волонтеров характерны высокий уровень социальной компетентности (индивидуального социального опыта), толерантности, социального интеллекта, волевых и коммуникативных качеств [6].

Изучение исторического развития российского волонтерского движения, его духовной составляющей, восходящей к принятию Русью православия, позволило выявить психологические особенности российского менталитета, традиций благотворительности и добровольчества, которые традиционно оказывают влияние на молодое поколение и включают: эмпатию, сопереживание, толерантность, являясь одной из основных психологических детерминант готовности к добровольчеству и помогающему поведению [2].

Е.С. Носова определяет волевою подготовленность, формирование ответственности, навыки принятия решений, развитие навыков саморегуляции, как исполнительскую в структуре психологической готовности к добровольческой деятельности [4].

А.А. Шагурова в «идеальном» портрете волонтера как субъекта успешной волонтерской деятельности, наряду с другими характеристиками, выделяет: умение работать с различными эмоциональными состояниями, толерантность в отношениях, эмпатию, высокий уровень стрессоустойчивости [8].

«Я-концепция» старшего подростка включает в себя самоопределение как единую смысловую систему обобщенных представлений о мире и самом себе, формируя внутренние субъектные позиции, отмечает О.С. Щербина [7].

Согласно современным представлениям, волонтер – личность, для которой характерна социально ориентированная направленность личности [6].

Направленность личности как устойчивая мотивационно-ценностная система, в сочетании с эмоциональной составляющей и личностными характеристиками рассмотрена психологическими и социологическими исследованиями просоциального поведения.

Психологический механизм готовности к волонтерской деятельности, детерминированный ведущей деятельностью студента (старшего подростка) – учебно-профессиональ-

ным самоопределением, можно представить как цикл процессов (процедур и действий), побуждающих формирование готовности, который в общем виде можно представить так: «идентификация – интериоризация – индивидуализация – экстериоризация» [3].

Идентификация – как осознание своих ценностей и мотивов вступления в волонтерское движение, мотивация просоциального (альтруистического) поведения, стремление помочь нуждающимся людям, самореализоваться через помогающую деятельность.

Интериоризация – как осмысление и оценка условий, целей, задач, требований общества на основе новых знаний, умений, навыков волонтерской деятельности и информационной политики волонтерской организации.

Индивидуализация – как определение на основе своего личного опыта своих возможностей в реализации предстоящей волонтерской (помогающей) деятельности, выработка своего стиля деятельности; прогнозирование наиболее рациональных способов решения задач, опираясь на свои интеллектуальные, эмоциональные, мотивационные и волевые процессы в достижении определенного результата.

Экстериоризация – как мобилизация сил в соответствии с требованиями, условиями и задачами, уверенность в своих силах, успешное достижение цели.

Активизация описанного цикла в процессе развития студентом своих индивидуально-личностных особенностей, включенность в специфику деятельности волонтеров обеспечивают готовность студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности.

Анализ вышеизложенных концептуальных положений: о готовности как о феномене, способствующем реализации деятельности; о социокультурных, исторических и индивидуально-личностных детерминантах волонтерской деятельности; о профессиональной самореализации личности как о ведущей потребности старшего подростка и его социально ориентированной (альтруистической) направленности личности дает основания для разработки модели психологической готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности.

Данные выводы стали обоснованием для построения структурной модели готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности, которая состоит из четырех взаимосвязанных компонентов: ценностно-мотивационного (взаимосвязь мотивации помощи, ценностных ориентаций и профессиональных ценностей), эмоционально-волевого (взаимосвязь эмпатии, сопереживания и толерантности), познавательно-операционного (совокупность знания, умения, навыков волонтера и актуальной информации о волонтерском движении), личностного (взаимосвязь самооценки, просоциальной направленности личности, личностной установки).

Модель готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности представлена на *рисунке 1*.

На основе представленной модели готовности студентов колледжа к волонтерской деятельности разработана программа подготовки студентов, с целью повышения уровня сформированности структурных компонентов готовности – «Лидеры Добра», которая представляет собой практико-ориентированный алгоритм, включающий в себя систему специально подобранных мероприятий, опирающихся на принципы системности, активности и развития и направлена на гармонизацию структурных компонентов готовности студентов-волонтеров.

Модель готовности студентов к волонтерской деятельности, разработанная в рамках представленного исследования, является функциональной; эффективность программы, основанной на данной модели, подтверждается результатами исследования.

В исследовании уровня сформированности готовности студентов к волонтерской деятельности приняли участие 233 студента ГБПОУ «Озерский технический колледж»: из них 127 – контрольная группа, 106 – экспериментальная.

Рисунок 1. Графическая модель готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности

Данные, полученные по результатам апробации программы подготовки волонтеров, были обработаны при помощи G-критерия знаков, с целью выявления значимых различий и оценки сдвига показателей после прохождения программы.

Анализ полученных результатов показал существенные позитивные изменения всех компонентов готовности к волонтерской деятельности у студентов экспериментальной группы. Сдвиг является достоверно преобладающим, если $G_{\text{эмп.}} \leq 45$, при $p \leq 0,05$, для $n = 106$ или $G_{\text{эмп.}} \leq 42$, при $p \leq 0,01$, для $n = 106$, согласно таблице критических значений G-критерия знаков.

Таким образом, преодоление неготовности студентов к волонтерской деятельности возможно посредством ее поэтапного и системного формирования. Формирование и развитие психологической готовности студентов предполагает повышение до достаточного уровня сформированности компонентов готовности, обеспечивающее субъекту эффективную координацию и реализацию волонтерской деятельности, посредством программы подготовки волонтеров, в основу которой положена модель готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности.

Библиографический список

1. Арон И.С. Развитие компетенций социального взаимодействия подростков-сирот в процессе формирования их психологической готовности к профессиональному самоопределению // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 2.
2. Землянская А.С. Психологические особенности российского добровольчества // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 1.
3. Марчук Н.Ю. Оптимизация профессионально-личностной направленности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2012.
4. Носова Е.С. Формирование психологической готовности к волонтерской деятельности // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25.
5. Романов Д.А. Современные модели толерантности обучающихся // Среднее профессиональное образование. 2013. № 12.
6. Чашкова О.Ю., Синельникова Н.А., Романова М.Л., Ковтун Р.И., Шлюбуль Е.Ю. Моделирование и диагностика просоциального поведения волонтеров // Научные труды КубГТУ. 2016. № 5.
7. Щербинина О.С. Методика формирования готовности подростков к социальному самоопределению // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. Т. 14.
8. Шагурова А.А. Социально-психологическая готовность молодежи к волонтерской деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук М., 2013.
9. Отчет Федеральной службы государственной статистики за 2020 год. URL: https://www.vyatsu.ru/uploads/file/2108/tendentsii_razvitiia_volonterskoy_deyatelnosti_v_kirovskoy_oblasti.pdf (дата обращения 25.03.2022).

А.С. Землянская

магистр социальной работы

заведующий очным отделением

«Озерский технический колледж», учебный отдел

E-mail: zemlyanskaya75@inbox.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТРЕНИНГА НА ПОВЫШЕНИЕ УЧЕБНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

О.С. Филиппова

Аннотация. Обоснованием приведенного в статье исследования служит большая значимость проблемы адаптации студентов, как для самих подростков, так и для учебных организаций. Работа с подростками представляет из себя одну из самых сложных задач в психологическом консультировании, весь спектр проблем обрушивается на новоиспеченного студента: благоприятное прохождение возрастных кризисов, адаптация к усложнившимся правилам социальных взаимодействий, необходимость соответствовать профессиональным компетенциям. В свою очередь, тренинговая работа год от года приобретает все большее значение в системе образования. Это вызвано тем, что именно тренинг является наиболее удобной формой работы с подростками, тем случаем, когда позитивное влияние оказывает не только содержание метода, но и его форма – форма группового взаимодействия, сама по себе являющаяся тренировкой социальных навыков.

Ключевые слова: учебная адаптация, метафоры, релаксационный тренинг, студенты.

EXPERIMENTAL STUDY OF THE INFLUENCE OF PSYCHOLOGICAL TRAINING ON IMPROVING THE EDUCATIONAL ADAPTATION OF UNIVERSITY STUDENTS

O.S. Filippova

Abstract. The rationale for the study presented in the article is the great importance of the problem of student's adaptation, both for adolescents themselves and for educational organizations. Working with adolescents is one of the most difficult tasks in psychological counseling, the whole range of problems falls on a newly minted student: a favorable passage of age crises, adaptation to the more complicated rules of social interactions, the need to meet professional competencies. In turn, training work is becoming increasingly important in the education system from year to year. This is caused by the fact that training is the most convenient form of work with adolescents, the case when not only the content of the method, but also its form has a positive influence – a form of group interaction, which in itself is the training of social skills.

Keywords: educational adaptation, metaphors, relaxation training, students.

Метафоры (в форме волшебных сказок, стихов, анекдотов) сознательно и подсознательно используются терапевтами в целях помощи клиентам для осуществления желаемых изменений. Клиент может выразить какие-либо области своего опыта, где он чувствует ограниченность удовлетворяющих его выборов или отсутствие альтернатив. В этом случае терапевт может рассказать ему анекдот из своей собственной жизни, из жизни другого клиента, или придумать новый.

Метафоры в тренинге могут применяться для повышения способности участников к метафоризации – способности видеть метафоры в окружающем мире, чутче понимать метафоры других людей и создавать свои с участием более глубокой рефлексии.

Применение метафоры при работе с тренинговой группой – это не просто акт вкрапления интересной истории в беседу, но процесс, при котором происходит анализ тех проблем

и состояний человека, на работу с которыми направлена конкретная группа, или же тех конкретных затруднений и состояний, с которыми участники группы столкнулись по ходу работы. Эффективность использования этой техники зависит от способности консультанта представить реальную ситуацию метафорически и подвести клиента к новому пониманию собственных жизненных неудач, ситуации сопротивления в процессе работы с предложенным упражнением, способов развития собственной личности.

Категория адаптации относится к числу наиболее общих понятий, определяющих связь живого организма со средой. В обобщенном виде адаптация описывается как приспособление, необходимое для адекватного существования в изменяющихся условиях, а также, как процесс включения индивида в новую социальную среду, освоение им специфики новых условий.

В современной социологии и психологии понятие адаптации рассматривается как процесс и результат установления гармоничных взаимоотношений между личностью и социальной средой.

Адаптационный процесс характеризуется двойственностью. В нем приобретаются новые возможности и одновременно перестраиваются уже имеющиеся. Сохранение эффективности деятельности происходит благодаря готовности к привыканию в других ситуациях.

Непосредственным толчком к началу процесса социальной адаптации чаще всего становится осознание личностью или социальной группой того факта, что усвоенные в предыдущей социальной деятельности стереотипы поведения перестают обеспечивать достижение успеха и актуальной становится перестройка поведения в соответствии с требованиями новых социальных условий или новой для адаптанта социальной среды.

В процессе адаптации личность приспособляется к изменениям социальной среды путем подбора или перестройки стратегий поведения.

В результате реализации личностного адаптационного потенциала в процессе адаптации достигается определенное состояние личности – адаптированность, как результат, итог процесса адаптации.

Исследователи констатируют наличие многофакторной детерминированности процесса адаптации и то, что на разных этапах обучения он определяется структурной перестройкой психологических факторов, его обуславливающих.

Выделяют три блока факторов, оказывающих влияние на адаптацию к обучению в вузе: социологический, психологический и педагогический.

Одним из важнейших социальных факторов, оказывающим влияние на поведение студента первого курса, на его взаимоотношения с другими учащимися и преподавателями вуза является произошедшая смена социальной ситуации, необходимость привыкания к новым условиям обучения, освоения новой социальной роли – студента высшего учебного заведения.

Известными факторами, помогающими первокурсникам адаптироваться к новым условиям обучения, в первую очередь являются собственные черты характера и способности, такие, например, как общительность, доброжелательность, чувство юмора. Часто освоиться в новых условиях помогают товарищи по группе. Реже отмечается, что в адаптационный период студенты рассчитывают на поддержку преподавателей.

А укрепление уже имеющихся черт характера, освоение навыков произвольной (активной) релаксации, научение новым способам решения конфликтных ситуаций и создание прочных социальных связей в группе – это как раз те задачи, которые способен решить психологический тренинг.

От успешности адаптации студента к образовательной среде вуза во многом зависят дальнейшая профессиональная карьера и личностное развитие будущего специалиста.

Мы провели психологический тренинг, основанный на метафорическом материале, и проведем экспериментальное исследование, чтобы показать его эффективность.

Экспериментальное исследование реализовано на базе Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института.

Выборку составили студенты первого курса кафедры психологии, 16 человек в возрасте от 17 до 19 лет. Для группы был создан и реализован психологический тренинг. Важным критерием для формирования тренинговой группы является желание участников в проведении тренинга.

Объект исследования: терапевтические ресурсы метафор в психологическом тренинге.

Предмет исследования: метафора в психологическом тренинге как способ повышения эффективности адаптации студентов.

Цель исследования: разработка и апробация тренинга для повышения эффективности адаптации студентов к обучению в вузе.

Метафора, которая исходит от клиента, намного ценнее той, которую построил психолог, так как предоставляет больше информации для анализа. Метафоры также являются многослойными по своему содержанию, обычно они содержат в себе намного больше информации, чем кажется на первый взгляд.

Терапевтический ресурс метафор многогранен, а область его применения настолько широка, что рассмотреть все области его применения в одном исследовании невозможно, так что практическая ценность метафоры будет рассмотрена на примере особенно актуальной в наши дни формы групповой психологической работы – на примере психологического тренинга.

Именно поэтому наша **гипотеза** построена на том, что разработанная нами коррекционно-развивающая программа психологического тренинга адаптации снижает риск развития дезадаптации и будет способствовать гармонизации социально – психологического климата.

Задачи исследования:

1. Проанализировать современные подходы к пониманию терапевтических метафор как ресурса психологического тренинга.
2. Рассмотреть психологические аспекты адаптации студентов к обучению в вузе и роль применения метафор в рамках психологического тренинга адаптации.
3. Разработать и апробировать психологический тренинг повышения эффективной адаптации студентов к вузу.
4. Сформировать диагностический инструментарий для исследования.
5. Содержательно обобщить выводы по результатам экспериментального исследования.

Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутой гипотезы нами использованы **следующие методы:**

1. Теоретический анализ психологической литературы по проблеме исследования.
2. Наблюдение.
3. Психологическое тестирование с помощью следующих методик:
 - многоуровневый личностный опросник «Адаптивность»;
 - шкала ДАН (Дезадаптационные нарушения).

Диагностика социально-психологического климата коллектива. Экспериментальное исследование проводилось в три этапа:

1. Психодиагностическое исследование.
2. Разработка и проведение психологического тренинга
3. Повторное психодиагностическое исследование.

Основные методы:

1. Проведение психологического тренинга.
2. Психологическое тестирование с помощью следующих методик:

Личностный адаптационный потенциал (ЛАП) студентов по результатам диагностики по опроснику «Адаптивность» (МЛО)

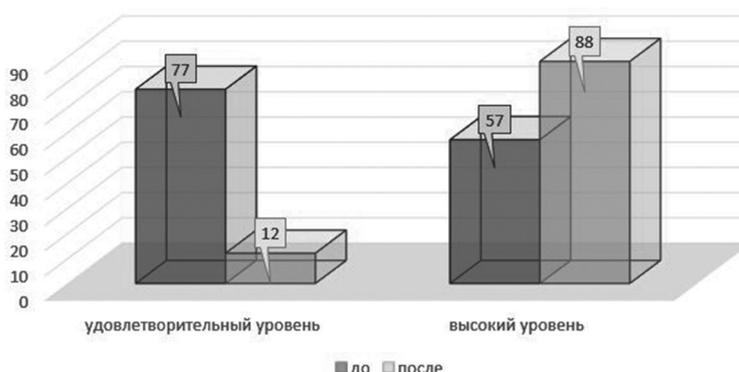

Рисунок 1. Гистограмма ЛАП студентов-первокурсников

- многоуровневый личностный опросник «Адаптивность»;
- шкала ДАН (Деадаптационные нарушения);
- диагностика социально-психологического климата коллектива.

Результаты, полученные в ходе изучения адаптации и по методике Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛО), позволяют сделать вывод о том, что после проведения тренинга наметилась тенденция к улучшению результатов.

На *рисунке 1* мы видим, что до тренинга у 12 человек (77 %) удовлетворительный уровень адаптации, после тренинга эта цифра меняется, адаптация студентов растет и только два человека (12 %) сохранили удовлетворительный уровень адаптации.

До тренинга у 5 человек (57 %) был высокий уровень адаптации, после тренинга у 15 человек (88 %) – высокий уровень адаптации.

Группа с высоким уровнем ЛАП: студенты этой той группы легко адаптируются к новым условиям деятельности, быстро «входят» в новый коллектив, достаточно легко и адекватно ориентируются в ситуации, быстро вырабатывают стратегию своего поведения и социализации. Как правило, неконфликтны, обладают высокой эмоциональной устойчивостью. Функциональное состояние лиц этой группы в период адаптации остаётся в пределах нормы, работоспособность сохраняется.

Удовлетворительный уровень ЛАП: большинство лиц этой группы обладают признаками различных акцентуаций, которые в привычных условиях частично компенсированы и могут проявляться при смене деятельности.

Поэтому успех адаптации во многом зависит от внешних условий среды. Эти лица, как правило, обладают невысокой эмоциональной устойчивостью. Процесс социализации осложнён, возможны асоциальные срывы, проявление агрессивности и конфликтности. Функциональное состояние в начальные этапы адаптации может быть нарушено. Лица этой группы требуют постоянного контроля.

Результаты полученные в ходе диагностики по шкалам опросника ДАН («Деадаптационные нарушения») позволяют сделать вывод о том, что после проведения тренинга наметилась тенденция к улучшению результатов (*рисунк 2*). Общая оценка данных интегральной шкалы ДАН – отсутствуют признаки деадаптационных нарушений.

Для студентов мало характерно ухудшение сна, снижение аппетита, отсутствие мотивации к профессиональной деятельности, низкая толерантность к неблагоприятным факторам труда, высокий уровень тревожности, ипохондрическая фиксация.

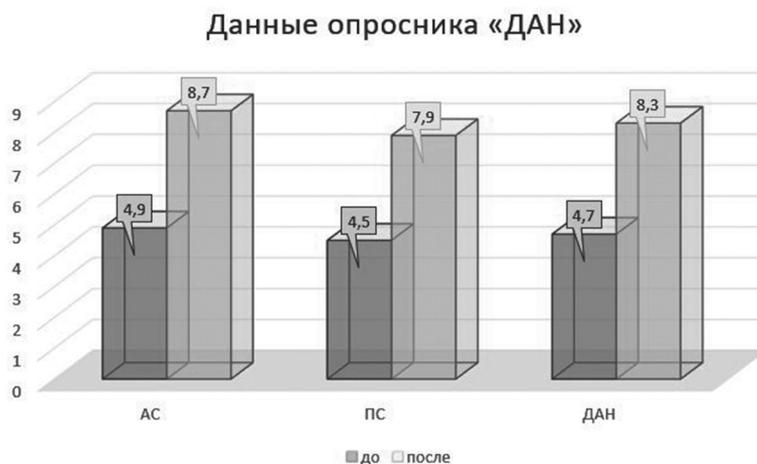

Рисунок 2. Гистограмма данных по шкале «ДАН»

После проведенной программы отмечается снижение уровня ситуационной тревожности, снижение утомляемости, возросшие способности к продолжительному физическому или умственному напряжению, высокая толерантность к неблагоприятным факторам учебной деятельности, особенно при чрезвычайных нагрузках, преобладание хорошего настроения, восприятие настоящего окружения и своего будущего в позитивном свете.

После прохождения тренинга отмечено резкое снижение нервно-психического напряжения, практически отсутствуют импульсивные реакции, не отмечаются приступы неконтролируемого гнева, наблюдается улучшение межличностных контактов, присутствие стремления соблюдать общепринятые нормы поведения, групповые и корпоративные требования, адаптивное поведение, низкая агрессивность, доверительность в межгрупповых контактах, что подтверждается и данными диагностики состояния социально-психологического климата группы.

По результатам наблюдения атмосфера в коллективе внешне достаточно спокойная, выражающаяся в деловых, уважительных, дружественных отношениях между студентами. Все члены студенческого коллектива доброжелательны друг к другу.

После коррекционной программы у студентов наблюдается повышение степени эмоциональной включенности и взаимопомощи в ситуациях, вызывающих состояние фрустрации у кого-либо из членов коллективов. В течение учебного дня студенты сохраняют работоспособность и хорошее настроение.

Из всего выше сказанного можно заключить, что социально-психологический климат в коллективе в целом благоприятный, а реализованная программа помогла улучшить его еще больше.

Результаты данных показывают, что наиболее выражен поведенческий компонент, затем когнитивный и эмоциональный (рисунок 3).

Поведенческий компонент указывает на то, что члены коллектива желают работать в этом коллективе. Когнитивный компонент показывает, что члены коллектива знают особенности друг друга. Эмоциональный компонент указывает на то, что членам коллектива нравится работать в данном коллективе.

По результатам полученных данных мы видим, что оценки по всем компонентам попадают в третий интервал и расцениваются как положительные. Высокие оценки этих компонентов свидетельствуют о высокой социокультуре студенческой группы, где хорошо осознаются общие цели и ценности, что способствует взаимопониманию и уважению.

В результате прохождения тренинговой программы испытуемые получили возможность работать с глубокими эмоциональными переживаниями и научиться осознавать их телесные проявления, была дана возможность выработать навык саморелаксации.

Средние оценки компонентов социально-психологического климата «до» и «после» проведения коррекционной программы

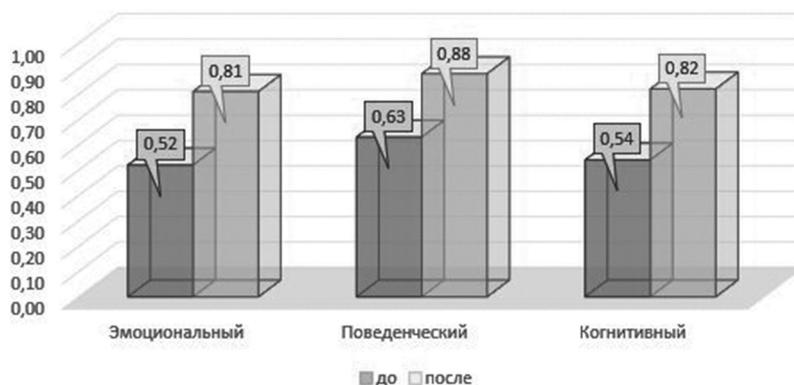

Рисунок 3. Гистограмма компонентов СПК

Экспериментально подтверждено, на уровне статистической значимости коэффициента линейной корреляции Пирсона, что тренинговый режим работы способствует реализации личностных ресурсов в дальнейшем обучении для преодоления стрессовых ситуаций.

Экспериментально подтверждено, что в условиях проведения специально разработанной тренинговой программы, направленной на повышение адаптивности студента к обучению в вузе, возможно добиться улучшений в психоэмоциональном состоянии, и готовности продолжать обучение.

По результатам анкетирования испытуемых было выявлено следующее:

- степень интереса к тренинговой работе повысилась;
- отношения с тренером были оценены как доверительные, доброжелательные, открытые, конструктивные;
- по завершении курса занятий большинство испытуемых выразило желание продолжать работу в тренинговом режиме;
- ценность опыта, приобретенного во время прохождения программы, оценена испытуемыми очень высоко.
- климат в учебном коллективе изменился, отношения стали более доверительными, студенты больше общаются друг с другом, интересуются жизнью группы.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о возможности повысить уровень адаптации к обучению в вузе и эффективность группового взаимодействия, а также снизить тревожность у первокурсников за счет применения разработанного психологического тренинга.

Вариантов применения метафор в тренинге великое множество, эффект от таких упражнений многообразен и универсален. Игнорировать такой мощный инструмент в своей работе – большое упущение для современного специалистов.

Метафоры являются наиболее атрауматичным инструментом консультативной работы, так как воздействует на личность клиента не напрямую, а опосредованно, что снижает сопротивление, и позволяет проводить сеанс более «мягко».

Чтобы быть эффективной, терапевтическая метафора должна удовлетворять трем основным условиям:

- обладать той же или подобной структурой, что и у содержания проблемы;
- предлагать замещающий опыт, в котором человек имеет возможность действовать с другой точки зрения, имея ранее не осознаваемые возможности выбора;

– предлагать разрешение (ряд разрешений), таким образом, ведя клиента к соответствующим выборам.

При работе с терапевтической метафорой с конкретно поставленной целью включает четыре этапа:

1. Установление изоморфизма.
2. Установление исхода.
3. Поиск связующей стратегии.
4. Переформирование ситуации.

Для многих исследователей и практиков, связанных с образовательной сферой, одним из основных аспектов изучения становится проблема адаптации студентов первого курса высшего учебного заведения. Формирование профессиональной компетенции учащегося напрямую зависит от объема усвоенных знаний, которое в большой степени определяется степенью адаптированности к новой среде.

Социально-психологическая адаптация студента заключается во взаимодействии социальной среды и личности, приводящее к идеальному соотношению ценностей и целей группы в общем и личности в частности. В ходе такой адаптации осуществляются потребности и стремления, интересы личности, обнаруживается и формируется ее индивидуальность, индивид входит в социально-новое окружение. Итогом такой адаптации является образование профессиональных и социальных качеств коммуникаций, деятельности и поведенческих реакций, принятых в определенном обществе.

Общение людей друг с другом – чрезвычайно сложный и тонкий процесс. Неэффективность в общении может быть связана с полным или частичным отсутствием того или иного коммуникативного умения, например, умения ориентироваться и вести себя в конкретной ситуации.

Способом, который позволяет научиться общению, не опираясь на реальный личный опыт, становится игра. Игра – это модель жизненной ситуации, в том числе и общения, в процессе которой человек приобретает определенный опыт. Когда подросток совершает ошибки в искусственно созданной среде, он не испытывает неизбежного в реальности чувства ответственности.

Вследствие этого, в настоящее время становится намного актуальнее проблема адаптации и самоадаптации студентов, формирования их социальной идентичности.

Нами были решены следующие задачи:

1. Формирование структуры работы (актуальность, проблематика, объект, предмет, цель, задачи, гипотеза), сбор экспериментальных данных, подбор диагностического инструментария.
2. Проанализированы современные подходы терапевтических метафор как ресурса психологического тренинга.
3. Рассмотрены особенности применения метафор в рамках психологического тренинга.
4. Обосновано использование программы психологического тренинга в рамках работы с адаптацией студентов в вузе.

Тренинговая работа год от года приобретает все большее значение в системе образования. Это вызвано тем, что именно тренинг является наиболее удобной формой работы с подростками, тем случаем, когда позитивное влияние оказывает не только содержание метода, но и его форма – форма группового взаимодействия, сама по себе являющаяся тренировкой социальных навыков.

А содержание – релаксационные методики, методики, направленные на расширение личных границ – делают тренинг действительно востребованным методом для повышения эффективности адаптации при работе со школьниками и студентами.

Библиографический список

1. *Барабанов Р.Е., Дергачев А.В., Костюшина Е.В., Чистовский Д.И.* Организация работы специалистов социально-психологической службы образовательного учреждения с детьми группы риска // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2020. № 2.
2. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб., 1992.
3. *Вачков И.В.* Основы технологии группового тренинга. Психотехники. М., 1999.
4. *Кроль Л.М.* Образы и метафоры в интегративной гипнотерапии. М., 2001.
5. *Лидерс А.Г.* Групповой психологический тренинг со старшеклассниками и студентами. М., 2009.
6. *Мельник С.Н.* Теоретические и методические основы социально-психологического тренинга. Владивосток, 2004.
7. *Миллс Дж., Кроули Р.* Терапевтические метафоры для детей и «внутреннего ребенка». М., 1999.
8. *Панфилова М.А.* Игротерапия общения. М., 2000.
9. *Спирица Е.* Архетипы. Как понять себя и окружающих. СПб., 2021.
10. *Старшенбаум Г.В.* Психологический тренинг. Самоучитель работы с психологической группой. М., 2020.
11. *Шапошникова Т.Е.* Основы психоконсультирования и психокоррекции: учебник и практикум для вузов. М., 2022.
12. *Эльконин Д.Б.* Психология игры. М., 1999.

О.С. Филиппова

магистрант психологии

Московский государственный психолого-педагогический университет

психолог в социальной сфере

Государственное бюджетное учреждение «Центр содействия

семейному воспитанию “Радуга”», г. Москва

E-mail: xfilippova@yandex.ru

Приглашение к публикации

The invitation to the publication

Редакционная коллегия научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» принимает к рассмотрению статьи по актуальным вопросам архитектуры и строительства, языкознания и психологии.

С 21 февраля 2022 г. журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (Перечень ВАК РФ), по следующим научным специальностям:

- 2.1.11. Строительные конструкции, здания и сооружения (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (архитектура);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (медицинские науки).

Научные статьи, поступающие в редакцию журнала, должны содержать следующие элементы:

- постановку проблемы, обоснование ее связи с важнейшими научными или практическими задачами;
- анализ последних исследований и публикаций (в том числе зарубежных) по исследуемой теме;
- формулирование целей статьи, постановку задач;
- изложение основного материала с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из исследования и перспективы дальнейших поисков в данном направлении.

Необходимым элементом статьи является библиографический список. Рекомендуется использовать ссылки на официальные источники (нормативные правовые акты, статистические данные и др.), на использованную научную литературу. Ссылки на собственные публикации являются некорректными.

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи. Автор гарантирует, что он обладает исключительными правами на представленное произведение (статью).

Количество авторов в статье не должно превышать трех человек.

Редакция журнала оставляет за собой право делать необходимые редакционные исправления и сокращения, принимать решение о тематическом несоответствии материала, предлагаемого для публикации.

Присланные в редакцию статьи, удовлетворяющие правилам оформления, проходят проверку на степень самостоятельности (используется Интернет-сервис «Антиплагиат») и подвергаются рецензированию. Срок рецензирования статей – 1 месяц.

Статьи представляются ответственным редакторам журнала в сроки, установленные графиком выхода номеров журнала.

График выхода журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института»

<i>Номер журнала</i>	<i>Срок представления статей в номер</i>	<i>Срок выхода номера из печати</i>
№ 1	До 01 февраля	Март
№ 2	До 15 апреля	Июнь
№ 3	До 15 июля	Сентябрь
№ 4	До 01 ноября	Декабрь

Требования к структуре рукописи

<i>Элементы структуры рукописи</i>	<i>Примечание</i>
УДК	Для присвоения УДК (Универсальная десятичная классификация) используются on-line ресурсы, http://teacode.com/online/udc/
Название статьи	На русском и английском языках
Инициалы и фамилия автора (авторов)	На русском и английском языках
Аннотация	На русском и английском языках. Должна содержать краткую информацию о статье и обязательно иметь четкую структуру: цели, методы исследования, актуальность, основные результаты. Объем – 100–250 слов
Ключевые слова	На русском и английском языках. 4–7 наиболее часто встречающихся в статье слов, отражающих ее содержание
Текст статьи	10–15 страниц, оформленных в соответствии с приведенными ниже правилами
Библиографический список	В соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008
Подробные сведения об авторе (авторах)	Все сведения указываются полностью, без сокращений: – фамилия, имя, отчество – ученая степень, ученое звание (если они есть) – должность и место работы – адрес электронной почты
Прочее	Не более одного абзаца: благодарственные слова; отметки о грантах, в рамках которых выполняется исследование и т.д.

Правила оформления текста научной статьи

Форма представления материалов	Электронная, Microsoft Word, *.doc или *.docx
Название пересылаемых файлов	Отдельными файлами высылаются электронные версии текста научной статьи и авторской анкеты. Названия файлов должны содержать фамилию первого автора и пометку о типе документа (<i>пример</i> : Иванов_Статья.doc, Иванов_Анкета.doc)
Формат страницы	A4
Поля	Все – 2 см.

Выравнивание текста	По ширине
Шрифт	Times New Roman
Размер шрифта	14
Межстрочный интервал	1,5
Абзацный отступ	1 см
Формулы и уравнения	Формулы и уравнения желательно набирать в редакторе Word обычными буквами и символами. Использование встроенного в Microsoft Word редактора формул допускается лишь при наборе наиболее сложных формул. Не следует использовать встроенный в Microsoft Word редактор уравнений. Не допускаются формулы и уравнения в виде изображений и сканов. Рекомендуется использовать только стандартные размеры кегля в меню «Размер» при наборе формул и уравнений
Графический материал (рисунки, схемы, графики, диаграммы)	Представляется в черно-белом варианте. Все рисунки, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Рисунок 1. Динамика индекса потребительских цен), которое помещается после самого рисунка, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены Times New Roman, размер шрифта – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на рисунки
Таблицы	Все таблицы, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Таблица 1. Матрица БКГ), которое располагается перед таблицей и делится на две строки: в первой строке пишется курсивом слово «Таблица» с указанием ее номера (выравнивание – по правому краю), во второй строке – название таблицы жирным шрифтом (выравнивание по центру). Текст шрифта в графах таблицы – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на таблицы
Фотографии	В случае наличия фотографий в статье они должны быть продублированы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi
Количество рисунков и таблиц	Не более пяти
Ссылки на источники и литературу	Ссылки в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из библиографического списка – [5] или [5, с. 67]. Если ссылка включает в себя несколько изданий, то они перечисляются, разделяясь точкой с запятой: [5, с. 67; 8; 10, с. 204–208]

Библио- графический список	Библиографические описания изданий – как русских, так и иностранных – приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. Библиографическое описание дается на том языке, на котором издание вышло в свет. Если среди источников есть нормативные правовые акты, они указываются в начале списка перед прочими изданиями. Издания на иностранных языках указываются в конце списка. В библиографическом списке недопустимы учебники, учебные и учебно-методические пособия. Доля самоцитирования – не более 5 %.
Объем статьи	10–15 страниц

Внимание! При несоблюдении требований к правилам оформления научных статей редакция имеет право отклонить присланный материал.

Редакция научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» доводит до сведения авторов, что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «НЭБ» (РИНЦ) неисключительных прав на использование журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).

Подписка осуществляется по каталогу ОАО «Агентство Роспечать».

Статьи направлять по адресу:

117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 1А, каб. 8.25, ответственному редактору научных изданий Д.А. Семеновой.

Тел. 499-979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

№ 3 / 2022

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:

Редакторы

Н.В. Бессарабова, Д.А. Семёнова

Редактор английского текста

Р.А. Звонов

Компьютерная верстка

Н.В. Бессарабова

Дизайн обложки

А. Зернова

Подписано в печать 20.09.2022. Формат 60x90^{1/8}.
Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 6,75. Уч.-изд. л. 6,75.
Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»
117246, Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9, оф. 212
Телефон: +7 (495) 510-32-98